

Сергей Соколов

КУКЛИН УГОЛ

(Беллетристическое свидетельство современника)

Ярославль 2004

ББК Ш6(2=Р) + ТЗ(2Р-4Яр)
С59

Сергей Клавдиевич Соколов.

Куклин Угол. (Беллетристическое свидетельство современника).
Ярославль: Аверс Пресс, 2004.–288 с., 12 л. ил.

Приложение к повести включает биографическую справку об авторе, краткую историческую справку о тороповском крае в период с предреволюционных лет по 60-е годы прошлого столетия. Представлены фотографии села Воскресенское-Торопово и его окрестностей, а также местных жителей, часть из которых послужила прообразами персонажей повести.

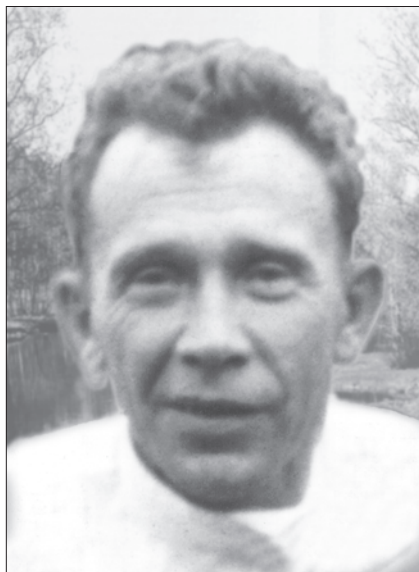
ISBN 5-9527-0034-9

© Наследники С. К. Соколова

В книге использованы фотографии из архивов Г. Д. Тимрота, В. А. Соколова и библиотеки села Торопово.

Авторский коллектив выражает благодарность главе Даниловского муниципального округа Иваницкому Анатолию Васильевичу за поддержку настоящего издания.

КУКЛИН УГОЛ

Милое Торопово. Вижу его так ясно, как будто бы только что уехал оттуда. Лет пять тому назад я закончил работу – воспоминания о Торопове, которую назвал “Куклин Угол”. Это не мемуары и не документальная повесть, да и не повесть вообще. Назвал я этот жанр – беллетристическое свидетельство современника. Повествуется в ней о том, как жила тороповская молодежь в период с 1917 по 1925 год, о приходе в Торопово революции, о Ярославском белогвардейском мятеже, об организации в Торопове комсомола и многом, многом другом. Много подлинных фактов, но немало и вымысла, то есть того, что не произошло, но могло произойти. Много знакомых имен и фамилий, но немало и вымышленных. Это не документальная повесть, хотя настоящие и тороповский пейзаж, и окружающие Торопово деревни, и даже характеры. Почему “Куклин Угол”? Да потому, что так называлось это село в прошлом веке: я подсмотрел еще мальчишкой записи в церковных книгах, что все донесения вверх по епархии шли не от церкви села Воскресенское-Торопово, а от церкви села Куклин Угол.

16/11/80 *Владимир Сорокин*

Глава первая

Дождливое лето 1917 года, беспрестанная занятость и беспорядочная работа в губернском центре партии эсеров окончательно подорвали здоровье Михаила Михайловича Польшина. Снова началось кровохарканье, все чаще давали себя знать инфлюэнции.

Известные доктора, пользовавшие Михаила Михайловича, настоятельно рекомендовали ему отдых. Они настаивали на том, чтобы тот как можно скорее оставил работу и выехал из Ярославля на поправку в деревню.

— В деревне, — говорил ему самый знаменитый ярославский доктор Глазунов, — будете чувствовать себя несравненно лучше. Там не придется, как сумасшедшему, бегать с собрания на собрание, бесконечно выступать с речами, меньше будете нервничать. Подальше от революций, — говорил он, — это вам пойдет на пользу. В деревне молоко, сливки, сметана, яйца и чистый воздух, а это как раз то, в чем вы сейчас особенно нуждаетесь. Отправляйтесь-ка, батенька мой, в какие-нибудь Воловьи Лужки под Пошехонье и живите там с богом. Понимаем, что время сейчас необыкновенное и хочется вам постоять за революцию, но со здоровьем, братец, не шутят. Учредительное собрание в Питере как-нибудь и без вас подготовят.

Михаил Михайлович понимал всю серьезность положения. Он знал, что оставаться далее в Ярославле ему решительно невозможно.

В губернском кооперативном союзе, в руководстве которым он занимал видное положение, тоже настаивали на выезде в деревню.

— Хотя и не время теперь для отпусков, но ничего не поделаешь, нужно безотлагательно вам заняться своим здоровьем, — говорил ему председатель кооперативного союза Третьяков.

— Я уже решил, Иван Денисович, месяцев на пять отправиться куда-нибудь в деревню, только пока не знаю, куда путь держать.

— А не поехать ли вам, добрейший Михаил Михайлович, в село Куклин Угол? Помните такое село в Горском уезде? Вы его

должны хорошо знать. Как-то союз проводил там курсы по подготовке из крестьян общественно-кооперативных людей, потом опыт курсов обобщен был в книжке.

— Знаю, знаю, — вспомнил Михаил Михайлович. — Это село я хорошо знаю. Бывал там не раз. Отличные места! Хвойный лес, березовые рощи, луга. И люди там есть знакомые.

— Вот и отлично. Только вы, голубчик, не задерживайтесь долго в Ярославле. При вашем здоровье надо бежать, без оглядки бежать из города.

Так Михаил Михайлович Полыхин, активный деятель и член губернского центра партии эсеров, во время революционной бури летом 1917 года оказался в селе Куклин Угол.

В этом затерянном среди лесов и болот селе самым замечательным местом был погост. Его белая кирпичная ограда на фоне тесно-зеленых зарослей сирени и акаций выглядела удивительно красивой. Весной, когда расцветала сирень, весь воздух наполнялся чудесным ароматом цветов.

На кладбище за оградой стояло множество деревянных крестов, покосившихся в разные стороны. Могил было так много, что людям казалось — во всей округе вряд ли насчитаешь столько живых, сколько схоронено здесь мертвых.

В праздничные дни весной на кладбище собирались парни и девушки. На лугу за церковью играли они в горелки. В пасхальные дни деревенские мальчишки катали по деревянному желобу крашеные яйца и всю неделю звонили в колокола.

Приходили на кладбище и влюбленные, послушать соловьиные трели, а соловьи иной раз устраивали такие концерты, что век бы слушал их песни.

Зимой жизнь оставляла село. Кладбищенские могилы, церковь и редкие домики укутывались пушистым снежным одеялом. Засыпало все. Только трещали от зимней стужи корабельные ели в Ханинской роще, да еще пуще сыпала пурга на дороги, по которым и в доброе время двум повстречавшимся мужицким упряжкам разъехаться невозможно.

Укрытые снегом по самые крыши дома веками хранили старинный уклад деревенской жизни, и, казалось, что нет на свету той силы, что могла бы вывести эту старину из вечного покоя.

Митинги, полемические до хрипоты споры на общественных собраниях, резкие до оскорбления выступления печати — все это как-то оборвалось и ушло на второй план, перестало

быть существенным в жизни Михаила Михайловича. Теперь в чесучовом костюме и белой панаме каждое утро и вечер совершал он дальние прогулки по окрестностям села Куклин Угол.

Он ходил по ржаному полю и любовался высокой рожью, васильками и незабудками. Любил бывать в Ханинской роще. Еще до подхода к ней он с наслаждением вдыхал сладковатый запах лесных фиалок, которые в изобилии росли на опушке этого леса. Любил забираться в лесную чащу и, сидя на пне, наблюдать жизнь лесных обитателей. Слушал, как кукует кукушка, как прямо над головой нахально стучит длинным клювом по старому дереву дятел. Случалось подсмотреть, как с земли на соседнюю ель поднималась белка. Заметив человека, она присаживалась на сучке и, уставив на него черные бусинки глаз, с любопытством ждала, что будет дальше. Михаил Михайлович поднимал с земли еловую шишку и бросал в белку. Та мгновенно взлетала на дерево и пряталась среди хвои.

Наслаждаясь природой, Михаил Михайлович забывал о городе, но стоило ему вернуться домой, как какие-то невидимые нити снова начинали связывать его с тем, что оставил там.

Однажды он не выдержал и написал в Ярославль, чтобы присылали газеты. Газеты стали приходить регулярно. В них широко освещались вопросы подготовки к учредительному собранию, мелькали знакомые имена, восстанавливались в памяти забытые факты.

Узнавать новости к Михаилу Михайловичу заглядывали учителя из местной школы, контроль-ассистенты маслодельного завода и крестьяне, помнившие его еще со времени курсов.

— Развитие революции, — говорил им Михаил Михайлович, — складывается не в том направлении, как бы хотелось нам. Демагогические лозунги большевиков о мире и хлебе, о передаче фабрик рабочим привлекают все больше и больше сторонников. Эта демагогия разлагает армию и открывает в Россию дорогу немцам, будоражит рабочих и противопоставляет в деревне одних крестьян другим, богатых — бедным. Большевики становятся все более и более популярными среди отсталой части населения.

Осенью, когда начались дожди, здоровье Михаила Михайловича снова ухудшилось, началось кровохарканье. Из Ярославля писали, что питание становится проблемой, нечего было и думать о возвращении в город.

В конце октября в селе Куклин Угол узнали о второй революции. Газеты писали: “Временное правительство пало. Вся власть перешла к Советам”, публиковали декреты о земли и мире.

После разгона учредительного собрания и запрещения всех газет, кроме большевистских, живой интерес к дальнейшему развитию событий у Михаила Михайловича потух. Всякие связи с губернским центром партии эсеров были утрачены, а большевистские газеты не хотелось читать.

Он не примирился и не мог примириться с новой политикой и вводимыми повсеместно новыми порядками, но ничего, кроме скепсиса, не мог противопоставить им. У него появилось какое-то ироническое отношение к новой власти.

Глава вторая

После того, как власть в Питере перешла к советам, в селе Куклин Угол не случилось больших перемен. К известию о смене власти отнеслись спокойно. После февральской революции крестьяне привыкли к посулам и мало чему верили. Еще с весны в деревню пачками приходили прокламации от разных партий по выборам в учредительное собрание. В этих прокламациях каждая партия расхваливала свою программу и обещала крестьянам райскую жизнь. Но после того, как прогнали царя, ничего не изменилось, жить не стало лучше. Шла война. В деревне, как и прежде, проводились мобилизации для фронта скота и продовольствия. Крестьянские семьи продолжали получать извещения об убитых на войне кормильцах.

— Какая она еще будет новая власть, посмотрим на деле, — говорили в деревне.

В кооперативной лавке перестали торговать керосином. В избах зажигали светцы. Светцы делали в каждой деревенской кузнице. Ночью в печи сушили березовые чурки, а днем строга-ли лучину. Когда вечерело, около стола ставили кадущку с водой, кто-нибудь из семьи садился к светцу и весь вечер менял лучину, обламывая нагоревший уголь и сбрасывая его в воду.

От дыма в избах стоял смрад и угар, от долгого сидения в дыму воспалялись глаза.

После ужина время коротали в темноте на полатях. Бабы вздыхали:

— Как дальше-то жить будем? Нет ни соли, ни спичек, ни керосина...

Мужики вторили им:

— Дожили... Вместо золота и серебра ходят какие-то керенки длинными лентами, разрисованные квадратиками по двадцать и сорок рублей. На эти чертовы деньги ничего и купить нельзя. За коробок спичек приходится платить пять аршин денег.

В скором времени новая политика Советской власти стала находить свое реальное воплощение и в Пахтинской волости.

От волостного старшины власть перешла к волостному Совету. В селе избрали Комбед. Председателем комитета бедноты выбрали малограмотного старика Силыча.

Оказавшись на должности, Силыч завел картонную папку для служебных бумаг и стал повсюду ее носить, как походную канцелярию. Вскоре Комбед из волости получил бумагу, в которой Комбеду предписывалось срочно учесть всех паразитов и сообщить о них в Ревком.

Долго Силыч думал о тайном смысле полученной им бумаги и никак не мог его разгадать. “Надо найти, с кем посоветоваться. Всех больше в политике понимает Полыхин, думает Силыч. Пойду к нему, расскажу о своей беде”. Надел шапку и подался к Михаилу Михайловичу.

— А, привет новой власти! — встретил его восклицанием Михаил Михайлович. — Что нового скажешь, Силыч?

— Тут загвоздка одна получается, — говорит Силыч, развязывая папку и вынимая из нее адресованную Комбеду бумагу. — На-ка, почитай. Никак не пойму, чего они хотят от меня.

Полыхин принял из рук Силыча бумагу, прочитал, усмехнулся.

— Тут все ясно. Всех паразитов комиссары хотят учесть. Трудную тебе работу дали на первый раз. Выходит, что надо пересчитывать всех блох, клопов и тараканов по избам.

— Что это, залягай их комар, смеются что ли над стариком? Вроде теперь мне надо бабам в рубахи, а мужикам в гашники заглядывать?

— Подожди, Силыч, сейчас что-нибудь придумаем, — говорит Михаил Михайлович. — Напиши им, что нет, мол, у нас никаких паразитов, а если не верите, то приезжайте сами и ищите.

— Спасибо, добрый человек. Вот уважил. Значит, я там, как ты сказал, и опишу им.

— Так и опиши.

Вскоре стали возвращаться с фронта солдаты. Пошли разговоры о коммуне. Коммуну решили организовать в Никольском, на бывших помещичьих землях. Никольский помещик еще до революции ту землю продал какому-то откупщику заводчику. Откупщик рубил лес и поставлял его на шпалы железной дороге. Пахотные земли в поместье были заброшены. Весь хозяйственный инвентарь откупщик продал. Не оставалось в хозяйстве ни плугов, ни борон, ни прочего инвентаря, а о лошадях или молочном скоте и говорить нечего. Крыши над скотным

двором и сараями провалились, сад и огороды заросли крапивой. Кругом полное запустение.

Вот в таком-то хозяйстве и собрались коммунары-батраки и малоземельные крестьяне в коммуну. Поселились они в помещицьем доме, живут, дожидаются весны. Настроились весной землю пахать.

Коммуна — дело новое. Примера, как жить в коммуне, нигде и близко нет. Начались ссоры. Один одно говорит, а другой другое. Один говорит, что если лошадей нет, то с пахотой в этом году коммуне не управиться, можно бы пустоши мужикам ближних деревень сдать в аренду. Другие про это и слушать не хотят. Новая власть, говорят, нам помещицьи земли передала не для того, чтобы их в аренду сдавать, надо хоть лопатой копать, а самим поля обрабатывать.

Спорили и о том, как доходы в коммуне распределять, по едокам либо в один сусек складывать для общего пользования. Спорили-спорили коммунары и поняли, что самим эти вопросы не решить, надо бы посоветоваться с кем-нибудь из знающих. Кто-то подсказал: “Идите в Куклин Угол, там гость живет из Ярославля Михаил Польшин, который курсы проводил по кооперации. Кто больше его знает?”

Пошли коммунары к Польшину. Приходят в Куклин Угол, так, мол, и так, хотим сообща жить, а как и что делать не знаем. Объясни нам. Говорят, что в коммуне надо мужичьи портки и бабьи сарафаны в одном сундуке держать, чтобы все общее было. Правильно это или нет?

— Ничего не могу сказать. Не знаю, — отвечает Польшин.

— Можно ли земли коммуны соседним мужикам в аренду сдавать?

— И этого не знаю.

— Скоро весна. Дадут нам лошадей, плуги и бороны, чтобы работать?

— Это вы у горских комиссаров спросите.

— Что означает слово коммуна и как его понимать надо?

— Понимайте, как хотите. Только в вашей коммуне каждый будет себе тянуть. У всех у вас пальцы на руках к себе сгибаются, значит, и будет в коммуне каждый раньше себе брать. Кто смел, тот два съел, а кто прозевал, тот воду хлебал. Коммуну комиссары придумали. Если это слово перевести на всем понятный язык, оно означает: кому — на, а кому — нет.

Поняли коммунары, что плохой советчик для них Польшин, и пошли свои дела решать в Горск к комиссарам.

Глава третья

За рекой, возле зарослей ольховника, на месте старого кабака за несколько лет до революции была построена земская школа-четырёхлетка. Здание ее срубили из добротных еловых бревен и покрыли железной крышей.

Выпал снег. Как прежде и в этом году по первой пороше в подшитых отцовских валенках, которые болтались на ногах как ведра, перевязанные бабушкиными полушалками и разными теплыми тряпками, потянулись в сельскую школу ребяташки.

Случились две революции, но в школе в то время мало чего изменилось. По распоряжению из уезда из расписания уроков исключили Закон божий, а в остальном все оставалось по-старому.

Учились по учебникам с портретами царей и божественными картинками. Как и раньше, школа праздновала церковные праздники, на каникулы к рождеству обещали распустить. В середине учебного года открылся в школе пятый класс.

— Вот это для меня,— подумал Витька Торопов, и записался туда учиться.

В пятый класс записалось немало Витькиных друзей. Поступил Шура Иванов, Витькин односельчанин, Егор Рачков из Взглядово. Егор мастер на все руки, не было ему и двенадцати лет, как научился валенки катать, а когда закололи дома теленка, он кожу обработал и к лету себе новые кожаные сапоги сшил. Поступил в школу и Ваня Копейкин, заводила всех игр и песен, на тульской гармошке умел хорошо играть. Его ребята старостой класса выбрали.

Пятый класс открыли с опозданием. Приходилось нагонять пропущенное, ребята это понимали и учились прилежно.

Незаметно прошел февраль и март, а тут и весна рядом.

Весной в школе один случай вышел. Пятиклассники забастовку устроили с демонстрацией. Долго об этом в школе помнили.

А случилось так. Как-то из города привезли в школу пачку книг. Там были разные книги: и Жюль Верн, и Вальтер Скотт, и Виктор Гюго, и много разных брошюр. Как только их привезли, ребята книги расхватили мигом. А Егор Рачков вместе с книгой

“Три мушкетера” прихватил еще новую брошюру под названием “Международный праздник рабочего класса — Первое мая”. В брошюре подробно объяснялось значение праздника. Здесь же был опубликован и декрет Совета Народных Комиссаров о праздновании Первого мая.

Егор Рачков прочитал брошюру и на следующий день, придя в школу, все, что узнал из брошюры, рассказал ребятам.

— Первого мая учиться не должны, — сказал он, — это праздничный день.

Стали пятиклассники думать, как праздник отпраздновать. Высказано было много разных предложений. Много спорили и под конец договорились сделать большой плакат и пойти с ним всем классом в Никольскую коммуну. К реализации своего решения приступили сразу же. Во время первого урока Витька поднял руку.

— Чего тебе Торопов? — спросила учительница.

— Мария Николаевна, первого мая занятия в школе будут?

— Будут, — ответила та.

— Почему будут? Первого мая праздник рабочих.

— Праздник у рабочих, а вы ученики, потому и будете заниматься, — ответила Мария Николаевна и начала урок.

Вот это история с географией, подумали ребята, но спорить не стали, а оставшись после уроков одни, постановили на уроки первого мая не ходить, а вместо того идти с плакатом в Никольскую коммуну, как об этом было решено ранее.

— Ты, Витька, вместе с Рачковым сообразите насчет плаката, — сказал Копейкин. — А я захвачу гармошку.

Перед праздником Витька с Егором Рачковым сошлись у Рачковых в сарае делать плакат. Нашли две длинные палки от граблей, натянули между ними старую простыню, развели толченый кирпич на клею и написали на простыне самодельной краской: “Да здравствует первое мая!”

В то утро в школу пришли все задолго до начала занятий. Хотели подбить на затею учеников из других классов, но кто-то сказал, что не стоит связываться с малышами, и с ним согласились.

Ждали начала уроков. Но как только школьная сторожиха пошла давать звонок, все вышли на улицу и построились в колонну. Виктор с Рачковым развернули плакат, а Копейкин с гармошкой вышел вперед.

— Будем петь песню “О разбойнике Чуркине”, — сказал он.

Кто-то скомандовал: “Колонна, шагом марш!” И все ребята зашагали по дороге к Никольскому. Всю дорогу пели, шутили и смеялись. Так с песнями и дошли до коммуны.

Пришли в коммуну, просят коммунаров:

— Давайте нам какую-нибудь работу делать. Рабочий отряд пришел помогать вам.

Подивились коммунары такой самодеятельности, и послали кого куда. Одних в сад — сучки да сухую траву и листья подгрести, а других на огород — гряды копать. После пригласили они ребят в барский дом и сделали угощение: налили в жестяные кружки заварки смородинного листа, дали по куску хлеба да чугунок вареной картошки — кушайте, гости дорогие!

Немного заправившись, ребята пошли на озеро и разожгли костер. Около костра читали стихи, пели песни и рассказывали разные случаи из жизни. Когда стемнело, отправились домой.

В то время, когда класс в полном составе ушел с занятий, учителя меж собой говорили:

— Неслыханное дело! Ушел весь класс из школы перед началом уроков, да еще с песнями! Как это вы допустили. Мария Николаевна? — спросила своего коллегу заведующая.

— Предпринять что-либо я была бессильна. Слишком поздно узнала об этом. Пришла в класс, когда они уже шагали по дороге.

— Время такое, нигде теперь порядка нет, — заключила заведующая. — Вы не прощайте им эту выходку. Надо разобраться и найти зачинщиков.

На следующий день пятиклассники, придя в школу с невинным видом, сели за парты. В класс вошла Мария Николаевна.

— Почему вчера с уроков ушли?

Ответ за всех держал Витька. Он, чувствуя свою правоту, громко заявил:

— Праздник был, день не рабочий. Об этом и декрет есть.

— У тебя, Торопов, каждый день праздник, — ответила Мария Николаевна и начала урок.

Никаких разговоров о демонстрации с учителями у пятиклассников больше не было, если не считать того, что Витьку Торопова после уроков оставили в школе и спросили:

— Где декрет прочитал?

Пришлось показать брошюру. После этого случая школа села Куклин Угол ежегодно стала праздновать Первое мая. Витьку же в школе “декретом” прозвали. Так и ходил с этой кличкой до конца учебного года.

Глава четвертая

Речка Куколка в густом еловом бору недалеко от села делает крутой поворот, образуя угол.

Ребятам всегда казалось, что речка заблудилась. Бежала-бежала она по полям и лугам, обнимаясь с цветущими лилиями и осочником, изредка о чем-то шепталась с ними, иногда спотыкалась о камни и сердито урчала, потом опять бежала тихо-тихо, как бы прислушиваясь к шуму ржаного поля и луговых трав, и не заметила, как попала в дремучий лес, осмотрелась, увидела, что не туда забежала, повернула под прямым углом и побежала из леса снова к полям.

На том месте, где речка сделала крутой поворот, обвалилась земля, образовались впадина и омут. Теперь вода дойдет до омута, покружится здесь и медленно течет дальше.

У омута гнездились дикие утки. Изредка прилетали лебеди и тихо плавали среди белых лилий и желтых кувшинчиков. На них можно было смотреть, когда тихо подкрадешься и спрячешься за прибрежные кусты.

Во время весенних паводков вода в Куколке становилась мутной и глинистой. В низких местах она выходила из берегов и заливала луга. Когда уходила вода, оставались на пойменных лугах наносы сухой прошлогодней травы, сучков, гнилушек и палок, но не проходило и недели после паводка, как луга снова покрывались зеленью.

Летом река преображалась, вода в ней становилась прозрачной. На всем течении тогда не было такого места, где бы через хрустальную воду Куколки не просматривалось ее каменное дно.

На берегу реки, особенно в тех местах, где река близко подходила к бору, росло множество разных цветов.

Сельские ребята ходили на реку купаться. Отворачивая большие камни, доставали пескарей и налимов, из глинистых нор вытаскивали раков. Плотву брали прямо руками. Засовывали руки под частые корни кустарников и нащупывали там

плотвичек. Плотва — рыба спокойная, не боится, когда ее в корнях руками трогают, стоит себе и плавниками помахивает. Тут ее можно погладить, отобрать, которая покрупнее, надавить пальцами на жабры и готово — тащи!

Особенно привлекательно на берегу Куколки было вечерами, когда солнце уходило за вершины деревьев, и на землю ложилась густая тень. Бывает тогда не темно, а как-то сумрачно, окружающие тебя кусты и деревья кажутся не зелеными — синими, и медленно текущая река как бы застывает в своем движении. Все птицы уже улетели к гнездам, только еще кукует кукушка, да ежик прошелестит в кустах. Позднее начинает пробовать свой голос соловей. Около омута проложена тропка. Она знакомая. Если идти по этой тропке дальше в лес, все идти и идти, тогда выйдешь к деревне Гулаково, за ней Халеzeво, а там Пахтино. А если идти в другую сторону, сразу выйдешь в поле, к селу, а там проселочная дорога. По этой дороге можно дойти до Горска, там сесть на поезд и ехать в Ярославль.

Сельские ребята любили Куколку, и все свободное время проводили на ней.

Шло лето 1918 года. Это было самое обыкновенное лето, как и другие. В июле нещадно палило солнце, и в воздухе висели запахи свежего сена.

День уже клонился к вечеру, когда, взяв удочки, трое мальчишек — Колька Быков, Ваня Копейкин и Витька Торопов — отправились на речку ловить рыбу. Подойдя к омуту, они спустились с высокого берега, сели недалеко от наклонившейся к самой воде черемухи, наладили свои удочки и стали ждать рыбацкого счастья.

Может, рыба истомилась под горячими лучами полуденного солнца, которое нагрело воду как парное молоко, или по какой другой причине, но поплавки удочек как заколдованные спокойно лежали на гладкой поверхности реки между зелеными листьями водяных лилий.

Все еще не теряя надежды на то, что вот-вот начнется клев, ребята тупо смотрели на воду, молчали и не спускали глаз с поплавок. И вдруг, как будто между прочим, Колька сказал:

- Власть скоро переменится.
- Это тебе ворона на хвосте принесла что ли? — спросил Ваня.
- Ничего мне ворона не приносила, а что знаю, то знаю.

Ребята стали смеяться над Колькой. Тот выходил из себя, сердился и, наконец, выпалил:

— Побожитесь, что никому не расскажите, тогда скажу, откуда взял.

— Вон, какой выискался, побожитесь. Ты не веришь нам что ли? — спросил Витька. — Божиться не станем. Надейся на нас, мы и без божбы не выдадим.

— Не врешь? Перекрестись.

— Я сейчас так тебя тресну. Рассказывай!

— Слушайте. Все расскажу, чистую правду, как было. Вчера днем пошел я на сеник. У меня на сенике нора сделала. Тетка Наталья косить траву утром чуть свет поднимает. Мне всегда днем спать хочется. После обеда я и хожу в свою нору спать. Воздуха в сарае много, сено пахучее, здорово как спится...

— Ты о деле говори. А то заладил — сено пахучее... Говори, что знаешь, — крикнул Ваня.

— Не мешай, все расскажу, надо по порядку. Вчера днем, значит, пошел я на сеник в нору. Только устроился, совсем, было, заснул, как вдруг слышу, заходит кто-то в сарай. Я притаился и лежу тихо. Слышу, зашли двое и разговаривают. Одного узнал по голосу — это Польшин наш, Михаил Михайлович, который у тетки Натальи квартиру снимает, и с ним еще человек, что накануне к нему из города приехал.

— Здесь никого нет, — сказал Польшин, — здесь мы и поговорим.

Я лежу тихо, даже не дышу, а слышать все слышу, что говорят. У нас там, в сарае телега стоит. Слышу, сели они на телегу и разговаривают. Больше тот говорит, который из города приехал, а Польшин слушает. Собирайтесь, говорит, Михаил Михайлович, в Ярославль. Пришло ваше время. Мы теперь нуждаемся в вас. Власть, говорит, комиссаров кончится скоро. Перебьем мы их всех за одну ночь. Как услышал я эти слова, так и замер, не шелохнусь, только думаю, чтобы не узнали, что я здесь. В успехе вы уверены? — спросил Польшин. Вполне, говорит. У нас все наготове, как следует быть. Теперь пора думать и о новом руководстве губернией, после того, как власть комиссаров сбросим. Мы думаем образовать комитет...

— Кто это мы? — спросил Ваня.

— Мы — значит те, которые комиссаров убивать хотят. Я, говорит, по поводу комитета к вам и приехал. Они еще там что-то говорили, но я не понял.

- А когда будут убивать комиссаров?
- Не знаю, не расслышал. Они очень тихо иногда говорили, почти что шептались, мне тогда ничего не было слышно. Сегодня Польшин с приезжим рано утром ушли в Горск.
- Ты это не выдумал? — спросил Витька.
- Вот те крест.
- Никому не рассказывал?
- Никому. Польшин тетке Наталье вчера сказал, что сегодня утром пойдет в город к какому-то своему знакомому и пробудет у него с неделю.
- Витька, дело серьезное. Надо бы предупредить кого, — забеспокоился Ваня Копейкин.
- Кому плохое сделали комиссары. За что их будут убивать, — подумал Витька. — Польшин контра! — уверенно сказал он. — Он всегда смеялся над новой властью, а комиссары справедливые. Они берут у богатых и отдают бедным. Надо пойти в Горск и рассказать все, что слышал Колька на сеннике военному комиссару. Пойдемте завтра утром?
- Пошли, — согласился Ваня.
- Мне утром косить надо. Тетка Наталья не отпустит, а если уйду без спроса, она мне обязательно трепку даст.
- Попросись.
- Вы знаете, какая она у меня вредная.
- Без тебя нельзя, — сказал Витька. — Мы ничего не слышали, нам не поверят, а ты слышал, что говорил Польшину приезжий. Там все и расскажешь военному комиссару.
- Без спроса убегу! — решил Колька. — Только давайте пораньше, пока тетка Наталья спит.

Ребята договорились, что утром с восходом солнца они встретятся около школы и оттуда вместе направятся в Горск.

В семь часов утра они были уже в городе.

Несмотря на ранний час по улицам Горска проходили отряды вооруженных людей, галопом скакали верховые красноармейцы с шашками и переброшенными через плечо на ремне карабинами. Через базарную площадь две парные упряжки тащили пушки.

Ребята присматривались к вывескам, стараясь отыскать нужное им учреждение. На двухэтажном деревянном доме, который фасадом выходил на площадь увидели надпись. Остановились. Ваня прочитал: “Уездный комитет РКП(б)”.

— Может, сюда пойдём? — спросил он приятелей.

— Не сюда, — возразил Витька. — Наше дело военное и о нем надо рассказать военному комиссару.

Около дверей дома с вывеской стоял человек в кожаной куртке с карабином и пулеметной лентой через плечо. Он заметил нерешительность мальчишек, остановившихся около дома.

— Чего ищите? — спросил.

— Военного комиссара нам надо, — крикнул Витька.

— По какому делу?

— О деле можем только ему рассказать.

— От горшка два вершка, а уже секреты. Идите вон в тот дом, синий, на той стороне площади, второй от угла, видите?

— Видим, видим, — закричали ребята и со всех ног пустились бежать к синему дому.

Около дверей синего дома тоже стоял человек с винтовкой, но одет он был по-военному: в солдатской гимнастерке, галифе и ботинках с обмотками.

— Куда, сорванцы? — преградил им дорогу часовой.

— К военному комиссару, — с достоинством ответил Копейкин.

— Зачем?

— Дело есть. Только ему и можем сказать.

— Нет комиссара. Уехал еще ночью.

У ребят опустились руки. Подумали, кому же теперь об нашем деле расскажем?

— Помощник остался, Коноплянкин, — через минуту сказал часовой.

— Пропустите к помощнику, — обрадовались ребята.

— Товарищ Коноплянкин! — крикнул часовой через открытое окно первого этажа. — Тебя ребяташки спрашивают, зачем — не говорят... Пропустить их что ли?

— Пропусти, — отозвались из окна.

В коридоре ребята открыли обшитую черной клеенкой дверь и оказались в кабинете помощника военного комиссара.

Над столом Коноплянкина, чуть подальше его спины, висел лозунг, написанный по красному полотнищу. Лозунг этот закрывал чуть ли не половину стены, на нем было выведено аршинными буквами: “Да здравствует мировая революция!” На столе в деревянном ящике стоял полевой телефон. Одет Коноплянкин был в выцветшую, много раз стиранную солдатскую гимнастерку, на которой лежали новенькие, видимо только вчера полученные со склада, лакированные ремни портупеи.

Войдя в кабинет, ребята переминались с ноги на ногу и не знали с чего начинать.

— Смотрите, наган! — шепнул Колька, показывая пальцем на висевшее у ремня Коноплянкина оружие.

— Чего вам надо? О нагане потом поговорим, — бросил Коноплянкин, не поднимая головы от бумаги, которую старательно читал. — Говорите зачем пришли. Выкладывайте и не тяните канитель, мне с вами тут канителиться нет времени. — Коноплянкин поднял голову и стал смотреть на ребячьи босые ноги, измазанные дорожной грязью и засученные выше колен штаны.

— Из Куклина Угла мы, дело к вам, — нерешительно начал Витька.

— Какое дело? — безразлично спросил Коноплянкин, поправляя большой красный бант на левом кармане своей гимнастерки.

— Давай, Колька, рассказывай все, как было, — толкнул Колю Ваня Копейкин.

Коля опять начал с норы. Он рассказал о том, как устроил нору на сеновале и какой из нее слышал разговор Польшихина с приезжим из города дядькой.

Во время рассказа, раньше безразличный ко всему Коноплянкин, стал внимательно вслушиваться в то, о чем рассказывал ему Коля. Ребята видели, как напрягались жилы на шее Коноплянкина, как стали выступать на его лице красные пятна. И не успел еще Коля кончить рассказ, как возбужденный Коноплянкин выскочил из-за стола и, схватив Кольку за плечо, закричал:

— Где теперь этот гад?!

— Польшихин что ли?

— Да, Польшихин и тот, другой, что к нему приехал?

— Еще вчера утром вместе ушли в город.

— Теперь они оба в Ярославле! — стукнул по столу кулаком Коноплянкин так, что подпрыгнул телефонный ящик. — Опоздали вы, ребята, со своим заявлением! Начали белогвардейцы мятеж в Ярославле сегодня ночью. В городе идут бои. Что бы вам чуть пораньше придти сюда, сразу, как только подслушали разговор этих гадов. Какое бы вы большое дело сделали!

После таких слов Коноплянкина мальчишки стояли растерянные, не понимая значения всего того, что случилось. Они ругали себя за то, что не пошли в город еще вчера, прямо с реки.

Вечером над Ярославлем полыхало зарево, и в селе Куклин Угол слышны были раскаты артиллерийской стрельбы.

В Ярославле шли бои между захватившими город белыми офицерами и рабочими дружинами, организовавшими сопротивление контрреволюции.

Мятежники нанесли внезапный удар ночью. Им удалось убить председателя губисполкома Нахимсона и многих других советских работников и коммунистов. Более трехсот коммунистов и служащих советских учреждений мятежники посадили в баржу, баржу вывели на середину Волги и поставили на якорь. По барже с берега стреляли из пулеметов.

Для подавления мятежа в Ярославль из Москвы прибыли интернациональные бригады, и вместе с рабочими дружинниками фабрики Корзинкина повели наступление на город, но мятежники, захватившие центр города, прочно удерживали свои позиции.

Глава пятая

По деревням ползли слухи. Говорили, что на Ярославль идут английские войска, что англичане находятся уже в Вологде и наступают в направлении Горска.

Контрреволюционные слухи распускали кулаки и питерщики. Деревни и села Горского уезда в то время наводнены были питерщиками, бежавшими после революции из голодного Питера в деревню к своим родственникам на хлеба. Многие из них в Питере содержали чайные, гостиницы и рестораны, другие служили приказчиками питерских магазинов, официантами, парикмахерами и швейцарами. Были среди них и мелкие торговцы. Лишившись по причине революции доходных мест в столице, из города на Неве они переехали сюда и сидели без дела, переживая смутное время.

Эсеровский мятеж в Ярославле окрылил деревенских кулаков и беженцев из Питера. Спекулируя на трудностях, они сеяли среди крестьян смуту. Тревожные слухи росли. В воздухе пахло порохом.

В тот день Витька сидел около своего дома и налаживал стрелы для лука. Прибежал Колька.

— Витька, что во Взглядово делается, ужас! Народу собралось тьма. Пойдем, посмотрим?

— Пойдем, — отвечал Витька, пряча под крыльцо стрелы и заготовки к ним, наколотые из сухих березовых чурок.

— Побежим лучше бегом, — сказал Колька, и ребята пустились бежать по дороге ко Взглядову.

На деревенской улице было большое оживление. Здесь собралась масса народу. Среди знакомых лиц мелькали чужие, видимо, приехавшие из других селений. Народ галдел. Каждый что-то доказывал, махали руками и кричали.

— Давай, Колька, послушаем чего кричат, — сказал Витька, пристраиваясь на жерди забора около дома Петровых, откуда хорошо была видна вся деревенская улица.

Посреди деревни лежали бревна, заготовленные для строительства общественного амбара. Какой-то бородатый мужчина залез на эти бревна и махал руками, призывая к порядку.

— Тише, православные, дайте слово сказать!

Витька узнал мужика. Это был Чебышев из Подольного. Мужик крепкий, держал крупорушку и имел батраков.

— Чего разорались! Тише, — кричали из толпы. — Дайте человеку сказать!

— Что же, христиане, получается, — начал Чебышев, когда немного притихли. — Власть зовется народной, а хлеб у мужиков отымают силой. Продразверсткой называют. Продотряды по деревням ходят с оружием. Выходит, сколько мужик ни сей, все равно отберут. Крестьяне сеять хлеб перестают. Как дальше жить будем? Деревня обносилась, купить ничего нельзя, а от власти одни посулы...

— Правильно! — кричат из толпы. — Во всем власти виноваты!

— А зачем этакая власть, позвольте вас спросить? — старается перекричать Чебышев. — В Ярославле власть уже переменяли. Англичане, говорят, в Вологде. Чего же мы смотрим? Пора идти, православные, сшибать советы!

— Давно их надо было сшибить! Пошли сшибать! — загудели в толпе.

Кто-то крикнул:

— Как их сшибешь? Они же вооруженные, с наганами!

— Это верно, что с наганами, — согласился Чебышев. — И нам надо, вроде, не с пустыми руками на них идти.

— Подожди, отец, дай я скажу.

И на бревна залез обросший щетиной здоровенный парень в военной гимнастерке, видимо, недавно вернувшийся с фронта солдат.

— За что кровь проливали?! — сразу же, как только залез на бревна, закричал он, ударяя в грудь кулаком. Буржуев и царских генералов к стенке поставили, так теперь свои хуже генералов крестьянину на шею сели. Пишут в газетах: вот вам земля, крестьяне, только пашите, видите, какой вам советская власть богатый подарок сделала. А зачем крестьянину земли, если продотряды весь хлеб у крестьян подчистую забирают? Правильно Чебышев говорит, сшибить такую власть надо, она не крестьянская! Берите ружья, мужики, а еще лучше винтовки, кто с фронта захватил, и айда в волость!

Вышел из толпы Сарычев, Федькин отец. Тоже влез на бревна.
— Мало нас. Надо бы оповестить пошире, раньше, чем идти в Пахтино. Надо послать по деревням ходоков, народ подымать.

Его перебил Чебылев.

— Народ с утра подымают. Тянуть нечего! Из Халезево и Перово мужики уже ушли в Пахтино. С богом, христиане, заходите домой за оружием и в путь!

Мужики расходились по домам, и улица как-то быстро обезлюдела.

Ребята не слезали с забора. Они молчали, стараясь разобраться в том, что услышали.

— Теперь война будет?— заглядывая Витьке в лицо, спросил Колька.

— Не знаю.

— Ты что, не слышал что ли? Мужики за ружьями пошли. Они тоже против комиссаров. Дознаются, что мы были в Горске насчет Польшина, что тогда будет?

— А ты болтай больше. Насчет Польшина никому не говори. Понял?

— Чего не понять. Конечно, понял.

— Пойдем домой, — сказал Витька, спрыгивая с жерди.

Ребята зашагали к селу. По другим дорогам тоже шагали люди в направлении к Пахтино. Все они были вооружены плоскими штыками от немецких карабинов, охотничьими ружьями, саблями и трехлинейными боевыми винтовками.

* * *

Секретарь пахтинской волостной ячейки РКП(б), бывший рабочий железнодорожного депо станции Горск Петр Анисимович Кузьмин, недавно посланный сюда на работу Горским Укомом партии, и председатель Пахтинского волисполкома Иван Петрович Ключин, были в ВИКе и подсчитывали выполнение разверстки по сбору в волости хлеба для голодающих рабочих Питера.

Петр Анисимович шагал по кабинету и попыхивал трубкой, которую всегда держал в зубах.

— Так ты говоришь, Иван, что в Пантелейках наши продотрядники взяли только десять пудов ржи и семь пудов овса? Маловато. Очень мало! В Пантелейках можно было пудов сто взять. Там много крепких хозяйств. Попрятали хлеб кулаки.

— Прячут так, что никак найти невозможно, — отвлекаясь от тетради, в которой делал какие-то заметки, ответил Ключин. —

Вчера в Новоселках продотряды комитет бедноты подсказал, чтобы пощупали у кулака Потапенко в омшанике. И кто бы мог подумать, что под омшаником, в котором телята стояли и навоза по пояс, хлеб зарыт. А ведь умудрился Потапенко вырыть яму под омшаником в три аршина глубиной и засыпать туда зерно. Сверху яму закрыл деревянным щитом, а сверху его набросал земли и навоза. Выгребли без малого сорок пудов ржи! Продотрядам надо покрепче с комитетами бедноты связываться, те знают, куда кулак хлеб прячет.

— Это ты правильно говоришь, Иван. Сколько у нас хлеба на сегодняшний день? Что будем докладывать уездному Ревкому? — Кузьмин подсел поближе к Клюкину, взял в руки карандаш.

— Овса, выходит, сто шестьдесят пудов, ячменя двести пятьдесят пять, ржи триста пятьдесят. Не густо. Гороху... Слушай, Иван, — спросил он, откладывая в сторону карандаш, ты когда-нибудь ноги моешь? Воняет от тебя, как от паршивого козла.

— Ничего с ними не могу сделать, воняют и воняют. Всякие средства пробовал. Пробовал перед сном мыть, мелом натирать пробовал, пробовал без носок ходить. Потеют они у меня. Какое средство к ним не применишь, обратно воняют.

— Ты попробуй лампадным маслом натирать, говорят, хорошо помогает. Давай дальше. Что там у тебя? — И они углубились в сводку.

В помещение зашел встревоженный старший милиционер.

— Товарищи, посмотрите на улицу, видите, что там делается. Со всей округи народ сходится.

Через окно было видно, как на базарной площади, около сколоченных из длинных досок столов собираются люди. Многие вооружены. По дорогам к площади подъезжали новые подводы с вооруженными седоками.

— Это к нам жалуют, — сказал Клюкин. — Готовься принимать гостей, Петр Анисимович.

— Конечно к нам. Кулаков ободрил Ярославский мятеж, теперь они поднимают народ против местной власти.

— Ты, Петр, позвони в Горск. Попроси помочь, одним нам с такой толпой ни в жизнь не управиться. Сомнут.

Кузьмин подошел к деревянному ящику с двумя никелированными звонками и стал нервно крутить ручку.

— Алло! Алло! Горск? Это Горск? Присоедините меня к Ревкому. Ревком? Пахтино говорит. Кузьмин, говорю, говорит. Пред-

седателя Ревкома нужно быстро. Нет? А кто есть? Дежурный? Вот что, дежурный, передай, кому там следует, чтобы быстро в Пахтино послали помощь. В волости кулацкое восстание...

Между тем, толпа, собравшаяся на базарной площади, уже подступала к совету.

Кузьмин снял с себя ремни портупеи, вынул из кобуры наган, переложив его в карман галифе, сказал Клюкину:

— Пойдем, Иван, встречать дорогих гостей, — и вышел на крыльцо.

— Зачем пожаловали, граждане? — стараясь держаться спокойно, с трудом сдерживая волнение, спросил он.

Впереди бородатый мужик.

— Власть отбирать пришли. Затем к вам и пожаловали.

— Кончилась ваша власть! — пронзительно закричал кто-то из толпы.

— Тише, товарищи! — поднял руку Кузьмин.

— Пес тебе товарищ, а мы — хрестьяне! — во все горло заорал стоявший близко рябой мужик, видимо, желавший вызвать Кузьмина на драчку.

— Не нахальничай! — чуть сдерживая себя, бросил Клюкин. — Чего шум поднимаете? Ведь мы не самолично управлять волостью стали, вы же нас выбрали...

Ему не дали договорить.

— Мы выбирали, а теперь сменить решили!

— Чего с ними тары-бары разводите! — закричал кто-то из задних. — Крутите руки и все тут.

Передние двинулись к стоящим на крыльце. Клюкин вынул наган.

— Давайте померяемся силами... А ну, подходи, кому жизнь не дорога.

В толпе защелкали затворы винтовок.

— Подождите, христиане! — выбираясь из толпы, закричал Чебышев. — Не допускайте до смертоубийство. Давайте по-хорошему.

Он протолкался к крыльцу.

— Видите, власти дорогие, народ недоволен вами. Что вы супротив народа сделаете? Вас кучка, а нас вон сколько, — показал он на толпу, собравшуюся у Волисполкома. — Здесь наганы ваши не помогут. Отдайте лучше сюда оружие.

— А пули не хочешь?! — зло закричал Клюкин.

— Пуля раньше в твоей дурной башке будет, если простых слов понять не хочешь. Тебя не убивать пришли, а только от власти отстранить, а коли сам в могилу просишься...

Кузьмин видел, что ему с Ключиным и двумя милиционерами с вооруженной толпой не справиться. Надо как-то оттянуть время.

— Иван, отдай ты им свое оружие, пусть подавятся. Забирайте и эту штуку, — кинул он свой наган к ногам Чебышева. — Теперь мы безоружные. Как вас, гостечки, принимать, прикажите. Может, стол накрыть и самовар поставить?

— Оружие милиционеров тоже сюда пожалуйста, — на этот раз уже приказным тоном потребовал Чебышев и поднялся на крыльцо.

— Что же теперь делать будем с властью? — спросил он у толпы.

— Отпусти их, теперь они не вредные! — закричал кто-то.

— Зачем отпускать, посадим в подвал! — раздались голоса. — Пусть там отдохнут малость.

— Так будет вернее, — сказал Чебышев, и арестованных провели в подвал Волисполкома, в каземат с металлическими решетками. Через короткое время Чебышев снова поднялся на крыльцо.

— Без власти волость нельзя оставлять, граждане, — сказал он. — Надо волостного старшину выбрать. Какие мнения будут насчет кандидатов?

— Чебышева! — выкрикнули из толпы.

Чебышев приосанился, подержался за бороду.

— Прошу, христиане, меня не выбирать. У меня хозяйство много времени отымает. Мне не с руки.

— Тогда Сидора Потапыча из Подольнова, — поступило другое предложение.

— А Сидор Потапыч согласный? — спросил Чебышев, обращаясь к кому-то из толпы.

— Я как общество. Если общество доверяет, то и я согласный.

— Против есть? Нет? Кто за Сидора Потапыча?

Взметнулись вверх руки.

— Теперь надо иконы на место поставить, — подвел итог Чебышев. — Осквернили коммунисты проклятые избу. Хорошо бы и молебен благодарственный отслужить. Граждане, сбегайте кто-нибудь за попом.

* * *

Эти кулацкие восстания охватили многие волости Горского уезда. Для их подавления Горский ревком вооружил коммунистов, рабочих железнодорожного депо и запасной батальон красноармейцев, готовящихся для отправки на колчаковский фронт.

Председатель ревкома Ривкинд, узнав от дежурного о телефонном звонке из Пахтино, тут же попробовал по телефону связаться с Кузьминым, но на телефонный вызов из Пахтинского волисполкома никто не ответил. Тогда было принято решение немедленно отправить в Пахтино конный отряд из оставшихся в резерве красноармейцев. Через несколько минут он уже давал распоряжение вызванному по тревоге командиру отряда.

— Кулаки подняли восстание в Пахтинской волости и вовлекли в него темную крестьянскую массу. Уездный Ревком приказывает тебе немедленно отправиться со своим отрядом в Пахтино и подавить восстание. О силах восставших и их вооружении мы ничего не знаем. О том, как действовать, будешь принимать решение на месте. Об одном тебя прошу, сделай все возможное, чтобы избежать большого кровопролития. Оружие применяйте только в крайнем случае. Желаю удачи! Возвращайтесь без потерь!

Тут же отряду выдали боевые патроны и гранаты.

— В седло! — прозвучала команда.

Стелются по дороге кони, выбивают копытами дробь, а за отрядом, как дым, кружит дорожная пыль. Тринадцать верст — не длинная дорога. Через сорок минут вдали показалось и Пахтино. Не доезжая до села, на опушке леса отряд остановился. Командир посмотрел в полевой бинокль. На площади толпа, как в базарный день, только народа чересчур густовато. У иных ружья за плечами. Раздалась команда:

— Карабины к бою! Стрелять вверх. Отряд пли!

Как удар десятка кнутов разнесло винтовочный залп по лесу.

— Стреляют! Конники у леса! — закричали в это время в Пахтино, и толпа бросилась врассыпную. Кто-то попробовал навести порядок, но было уже поздно. Мятежники бежали кто куда. Кто-то бежал на огороды, кто-то прятаться по избам. Загромыхали телеги, вскачь увозившие бунтовщиков в сторону от села. На выстрелы отряда не отвечали.

Командир понял, что мятежники, не сопротивляясь, разбегаются в разные стороны, и дал новую команду с шашками наголо галопом влететь в Пахтино и рубить каждого, кто будет препятствовать наведению порядка.

Когда отряд влетел в село, на улицах уже не было ни души, лишь там и тут стояли запряженные в телеги кони не успевших удрать хозяев. Красноармейцы спешили и стали собирать притаившихся по избам и на огородах бунтовщиков. Всех задержанных сажали в подвал вместо выпущенных оттуда представителей власти.

Не удалось удрать и Чебышеву. Его вместе с вновь избранным волостным старшиной нашли в копне сена на поповской овиннице. В тот же день конный отряд красноармейцев всех задержанных конвоировал по дороге в Горск.

Глава шестая

Туман...

Какая-то муть нависла над миром... Очертания предметов кажутся расплывчатыми и странными.

Сырость...

Перед окном рябина. Ветви ее погнулись под тяжестью красных и сочных ягод. Из окна видно, как на листьях нависают и капают на землю капли.

Солнце поднялось высоко, а туман еще стоит. Через толщу его в небе просвечивает белесое Светило. Там идет борьба. Либо поднимется туман над землей, сгустится в облака, закроет Солнце и выпадет на землю мелким морозящим дождем, либо восторжествует Солнце.

Вон где-то уже прорвало завесу и открыло маленький кусочек голубого неба, а там еще и еще... Подул слабый ветерок... Заклубился туман, задымился, стал подниматься вверх, а там рвется на клочки и быстро уходит куда-то в стороны. Через минуту, глядишь, и яркое солнце посылает на землю свои осенние остывающие лучи, как бы лаская ее перед расставанием на долгие зимние месяцы.

Дни стали заметно короче. Побурела на лугах трава. Чуть тронулись желтизной листья осины, а лес еще зеленый, он манит своей таинственностью. Так выше колен папоротники, а в низких местах мхи.

После тумана грибы высыпают целыми семьями. Ребята берут корзины и айда в лес.

В праздничные дни девушки собираются за орехами. Орехи далеко, но это не препятствие. Уходят на целый день. Бывает, найдут место нехоженое и любят кустами орешника. Орехи свисают гроздьями, по четыре-пять орехов в каждой. Орешник под их тяжестью сгибается, его клонит к земле.

На обратном пути встретится поле брусничника, как ковер по темно-зеленому мху россыпи ярко-красной ягоды.

У крестьян осенью много всякой работы. Надо убирать хлеба, заготавливать на зиму овощи, привозить из леса дрова.

Ничего из этого осенью 1918 года Виктор не видел. В сентябре он уехал в Горск учиться в школе второй ступени.

Ветер...

Ветер метет по мостовой пыль и бумагу. Песок забивает глаза и хрустит на зубах.

Тревожно...

На Москву наступают армии царских генералов – Деникина и Краснова. Белыми заняты Ростов и Харьков, Киев. Бои идут у Царицына. В Архангельске англичане, во Владивостоке – японцы, французы и американцы. В Сибири и на Урале – Колчак.

В пригороде Горска орудуют зеленые банды Озерова. Город объявлен на осадном положении.

Живя в деревне, Виктор раньше как-то и не замечал тревоги. Братьев проводил он в Красную Армию, но сама война была где-то далеко-далеко, за тридевять земель. Вздоражил деревню только белогвардейский мятеж в Ярославле, но и это не надолго, мятеж на шестнадцатый день подавили, и жизнь вошла в обычную колею.

В городе он сразу же почувствовал пульс времени. Хлеб населению выдают по карточкам по четверть фунта на день. Но чтобы получить свою пайку, надо простоять в очереди у магазина много часов. Очереди к хлебным магазинам тянутся цепью на два-три квартала. Плохо одетые люди, спасаясь от ветра, жмутся к стенам домов. Стоят на простывших холодных улицах в очередях старики и старухи, женщины с грудными детьми на руках и маленькие ребята, завязанные с головы до пят какими-то старыми платками.

На рынке на деньги ничего купить нельзя. Хлеб или картошку можно только выменять у приезжих крестьян на соль или мануфактуру. А откуда взяться мануфактуре: четыре года шла война, идет она и по сей день, все износили, оборвались.

На базаре, около вокзала и чайных шляются спекулянты, хорошо одетые, мордастые и нахальные.

С наступлением темноты в городе стреляют.

Грабежи...

Грабят на городских улицах даже днем.

Много говорят о привидениях. Привидения появляются ночью на окраинах города и дорогах при въезде в город. Они огромного роста и одеты во все белое. Говорят, что это граби-

тели на ходулях, которые маскируются простынями. Грабители грабят без зазрения совести, они не дают себе труда снимать кольца с чужих рук, а просто отрубают пальцы вместе с кольцами — так быстрее.

Грабители разбойничают и на лошадях. На паре рысаков в пролетке мчатся по улицам и, заметив хорошо одетого человека, приостанавливают пролетку, затаскивают в нее жертву, раздевают, а затем на ходу выбрасывают ее на дорогу.

Виктор живет у тетки. Она учительница. Заведует начальной школой, носит коротко подстриженные волосы и говорит только о школе. У нее то педсовет, то что-то случилось в классе, то дров нет, чтобы печи топить. Все школа, школа и школа. И жизни другой нет, кроме уроков, тетрадей и учебников. Порой, кажется, что она и родилась учительницей.

Недавно начала изучать политграмоту.

Тетка — старый политик, думает Витька. Он как-то открыл нижний ящик ее книжного шкафа, раньше этот ящик почему-то не выдвигался, интересно было узнать, что там лежит. Выдвинув ящик, Витька увидел здесь стопку каких-то листков с надписью “Партия народной воли” и несколько написанных от руки протоколов партии, которые были помечены 1895 годом. Он понял, что все это очень старое и написано было еще за десять лет до его рождения.

Тетя Катя застала Витьку за разбором бумаг, выхватила их из его рук и снова спрятала в ящик.

— Что это за партия? — спросил Витька.

Она объяснила, что эта партия убила царя Александра II. Тогда он понял, что тетя его имела какое-то отношение к партии, которая убивала царей, и проникся к ней еще большим уважением.

В школе второй ступени, где учился Витька, занятия проходили со срывами. То ученики опаздывали на уроки, то учителя по каким-то причинам не приходили в классы. Все свободное время Витька слонялся по городу. Его особенно интересовали военные занятия с новобранцами на городской площади: построения, перебежки и штыковые удары в соломенные чучела. Иногда он часами стоял там, наблюдая за военными играми.

* * *

— Я забежала к вам на минутку, — сказала как-то учительница соседней школы Мария Константиновна, заглянув в комнату тети Кати.

— Присаживайтесь, Мария Константиновна.

— Спасибо. Я только узнать, пойдете ли вы на похороны, и побегу дальше.

— Какие похороны? — спросила тетя Катя. — Мы ничего не знаем.

— Как же не знаете, на всех городских тумбах висят объявления Ревкома о том, что завтра в городе состоятся похороны красноармейцев, убитых зеленой бандой Озерова. Хоронить их будут на городской площади, около собора. По всему городу разбросаны подметные письма, бандиты предупреждают, чтобы никто не ходил на траурный митинг, грозятся расстрелять толпу из пулеметов.

— Они пугают. Стрелять не решатся.

— Они на все решатся. Поставят на крышу дома пулемет и начнут стрелять. Мы не хотим идти.

— И напрасно. Наша школа построится классами и выйдет на площадь организованно. Сейчас это очень важно.

* * *

В тот день дул холодный ветер. Он поднимал с улиц города песок, бумагу, мельчайшие частицы мерзлой земли, и все это с какой-то неудержимой силой бросал в лица людей.

В самом центре города, на Соборной площади вырыли широкую яму. К ней толпами шли люди, чтобы отдать последний долг жертвам революции. Вот подошли рабочие кожевенного завода, железнодорожного депо и служащие из исполкома. За ними, печатая шаг, прибыла рота красноармейцев, вот на площадь стали подходить и выстраиваться рядами ученики школ первой и второй ступени.

Окна одноэтажных деревянных домов, выходящих своим фасадом на площадь, уныло смотрели на толпу, собирающуюся около могилы. Вскоре принесли и поставили около могилы гробы. Они были сколочены из грубых, не строганных досок елового теса и покрашены кирпичной краской.

Витьке не терпелось посмотреть на то, что лежало в гробах, и он протолкался вперед. В первых, трех деревянных ящиках, стоящих вблизи, увидел молодых парней, почти мальчиков.

Глаза их были закрыты и лица спокойны, казалось, ребята спали, только на лбу у волос зияли какие-то ужасные раны, из которых сочилась сукровица. Всмотревшись, он заметил, что на лбу у покойных вырезаны пятиконечные звезды. От этой картины Витьку передернуло. “Нет меры, которой можно бы было отомстить убийцам. Это сделали звери”, – думал он, сжимая кулаки и задыхаясь от гнева. Он в тот момент всей душой ненавидел врагов революции и готов был вцепиться зубами в их горло.

В рядах началось движение, и к яме подошел высокий, подстриженный под машинку человек в распахнутой шинели и без головного убора. Он открыл митинг.

Первое слово было предоставлено красноармейцу части, в которой служили погибшие. Красноармеец поднялся на бугор выброшенной из ямы земли. Он с минуту помолчал, потом почему-то махнул рукой и начал смело говорить.

– Те, что лежат перед нами, были хорошие ребята, смелые ребята, они хорошо воевали и могут служить примером для всех нас. Но враг хитер, он заманил их в ловушку и уничтожил. Враг всячески надругался над ними. Он вырезал ремни на их спинах и выжигал звезды. Я и все мои товарищи клянемся, что будем служить верно революции и отомстим врагу за поруганных наших братьев.

Потом выступил рабочий железнодорожного узла.

– Как бы враги ни злобствовали, – сказал он, – но им не победить той могучей силы, что представляют собой трудящиеся России.

Заклучил митинг человек в шинели. Он призвал собравшихся готовиться к решающим схваткам, и перед могилой павших героев дать клятву быть верными делу революции, отдать за нее все силы, а если надо будет то и жизни свои.

“Вы жертвою пали...” - заиграл духовой оркестр. Прогрели три винтовочных залпа. Гробы опустили в могилу. Забарабанили мерзлые комья земли о крышки гробов.

“Напрасно пугали бандиты, никто их не испугался, вон как много людей на похороны привалило”, – думал Витька, возвращаясь с траурного митинга.

Проходя мимо коммунистического клуба, где не раз покупал ситро, приготовленное на сахарине, он заметил прибитое к дверям объявление. “Все на фронт!” - было написано здесь. И

дальше следовало: “Сегодня в семь часов вечера в клубе состоится организационное собрание Союза рабочей молодежи. Приглашаются принять участие все желающие”.

Это касается и меня, подумал Витька, и решил вечером обязательно прийти сюда.

* * *

В эти часы клуб был забит народом. Здесь были железнодорожники, мастеровые, ученики городских школ и люди неизвестных профессий. Собрались преимущественно парни, но встречались и девушки. Витька заглянул в зал. Все места заняты. Кому не хватило мест, стоят в проходах между скамеек.

Пробираясь поближе к сцене, Виктор увидел свободное место на подоконнике, залез туда и поднялся на ноги. Теперь ему все было отлично видно.

Он видел сцену и весь зал. Он увидел, как на сцену, где стояли два стула и небольшой круглый столик с графином, вышли двое. Один черноволосый, одетый в кожаную куртку, с маузером на ремне. Второй рыжий, в темно-синей студенческой тужурке с зелеными петлицами и блестящими серебряными пуговицами. Студент постучал трубкой о графин и попросил собравшихся не шуметь и не курить в зале. Затем объявил собрание открытым, сказав при этом, что на повестке дня стоят два вопроса. Первый — о положении на фронтах, доклад по нему сделает представитель действующей армии, а второй — об организации в Горске Союза рабочей молодежи. К повестке никто ничего не добавил, и студент предоставил слово докладчику.

— Революция в опасности! — такими словами начал человек в кожаной куртке. — Москва — столица нашего государства в огненном кольце контрреволюции и иностранной интервенции. Сейчас на фронтах решается вопрос кто кого. Либо мы разгромим контрреволюцию, либо нас раздавит железной пятой капитал. — Он говорил о заговоре мировой буржуазии против молодой Советской республики и о том, как героически сражаются на фронтах красные воины. — Мы ни на минуту не сомневаемся, что победим в этой войне. Если надо будет, то на защиту революции встанет и стар, и млад.

Выступал он горячо. Временами останавливался, встряхивал головой, чтобы отбросить назад спадающие на лоб прямые и черные волосы, видимо, мешающие ему говорить, и продолжал:

— Все честные люди, — говорил он, — каждый, кто может держать винтовку в руках, должны идти на фронт, чтобы бить белых гадов!

Закончил он речь под бурные аплодисменты и крики “ура”.

— Теперь переходим ко второму вопросу, — сразу же объявил студент. — Молодые рабочие Горска вместе со своими отцами и старшими братьями тоже хотят активно участвовать в революции и боях с врагами. Для этого молодежь нашего города желает объединиться в Союз рабочей молодежи. Эта организация будет бороться за коммунизм на фронтах и в тылу.

Он призвал всех вступить в Союз и готовиться к отправке на фронт для защиты Советской Республики.

— Надо нам сегодня же, не выходя из этого клуба, создавать свой Союз. Все меня поняли правильно?

— Поняли!.. — закричали с мест.

— Если поняли, то не будем больше терять времени и сразу же перейдем к делу. Сейчас организуем запись в Союз, а завтра из записавшихся начнем готовить к отправке на фронт Первый Рабочий Молодежный батальон Горска.

Около сцены поставили стол, у стола присела девушка и, открыв ученическую тетрадь, приступила к записи. Ее сразу же окружили. Без малого половина присутствующих в зале захотели записаться в Союз.

Витьке понравилось боевое выступление представителя действующей армии, так горячо призывавшего молодежь участвовать в гражданской войне. Увлекала и романтика борьбы с белыми гадами, а потому он решил, во что бы то ни стало записаться в Союз рабочей молодежи и на этой же неделе отправиться на фронт. Обуреваемый этим желанием, он встал в очередь, но никак не мог пробиться к столу, его все время оттирали куда-то в сторону.

— Ребята, соблюдайте порядок! Постройтесь, как следует, и не жмите на стол, не мешайте работать. Всех запишу! — крикнула девушка, которую зажали в кольцо. — Пока не будет порядка, записывать не буду.

Она и на самом деле прекратила запись. Очередь стала выравниваться. В это время в очередь удалось вклиниться и Витьке. Запись пошла быстрее. И вот Витька перед самым столом.

— Следующий? — спросила девушка, не отрываясь от тетради, держа карандаш наготове.

— Я следующий. Торопов Виктор.

— Адрес?

Витька сказал свой адрес. Девушка подняла от тетради глаза, и недоверчиво посмотрев на него, спросила:

— Сколько тебе лет, парень?

— Четырнадцать, — смело ответил Витька, прибавив к своим тринадцати еще год.

— Чего-то маловат.

— Такой вырос.

— Не врешь, что четырнадцать?

— Не вру.

— Если исполнилось четырнадцать, то можно и записать, — согласилась девушка. — Вот тебе, Торопов. Временное удостоверение. Приходи в следующее воскресенье на собрание. Собрание будет здесь же и в это же время.

— А на фронт? — спросил Витька.

— На фронт не поедешь. Тебе еще рано. На фронт едут ребята не моложе шестнадцати лет.

Витька прикинул в уме — ждать долго. Вышел из клуба и, насвистывая революционную песню “Вихри враждебные”, отправился домой.

Глава седьмая

Галифе. Я не знаю, почему мужские брюки носили такое название. Может быть, они назывались по имени французского генерала Гастона Галиффе, жестокого палача, учинившего кровавую расправу над французскими коммунарами, может быть, корни этого слова уходят еще глубже в историю — не знаю.

Я хочу рассказать о другом.

Во время гражданской войны галифе носили все настоящие мужчины. В зависимости от фантазии и эстетических склонностей галифе носили самых разнообразных форм, цветов и оттенков. Красное галифе, с широкими, как крылья, сторонами и узкие до предела в коленях, носили кавалеристы. Люди обыкновенные шили синие или черные галифе с умеренными пузырями по сторонам. Кавалеристы часто обшивали свои галифе черной или коричневой кожей, что украшало их и предохраняло от протирания о седло.

Галифе! Сколько поэзии в этом слове! Какое девичье сердце не дрогнуло при виде кавалериста, одетого в красное галифе с выбивающимся из-под фуражки лихим чубом! Сколько бессонных ночей и томных вздохов вызывали они у городских красавиц!

Галифе шили из реквизированных у буржуев дамских юбок, из грубого сукна солдатских шинелей и даже из старых байковых одеял. Носили галифе с ботинками и обмотками до самых колен, реже — с сапогами, иногда с березовыми или липовыми лаптями. Галифе в ту пору были мечтой каждого мальчишки.

Записавшись в Союз рабочей молодежи, Витька Торопов считал себя уже наполовину военным, а потому без галифе жить ему было никак невозможно. Он ходил по городским улицам, присматривался к проходящим мимо людям и, когда замечал на ком-нибудь ловко пригнанные по фигуре галифе, его сразу же охватывали тоска и зависть. Иметь хорошие галифе стало его мечтой. Галифе ему лезли в голову на уроках в школе, дома и даже в постели, когда ложился спать и никак не мог заснуть от этой навязчивой идеи.

Он часто посматривал на большую бархатную штору, висевшую над дверями в комнате у тети Кати, на коричневую скатерть, лежащую на ее столе, как бы примеряясь к возможности сшить для себя галифе из этих предметов домашнего уюта. Витька хорошо понимал, что ему никогда не удастся получить согласие тетки на эту сомнительную операцию, но, тем не менее, все же мечтал о той счастливой минуте, когда сможет прийти в школу в синих бархатных галифе и поразить блеском брюк своих одноклассников.

Он представлял себя среди толпы школьников, важно шагающим по школьным коридорам, видел завистливые взгляды товарищей, которые бросали они на его бархатное галифе. Представлял девочек из школы второй ступени, которых по идее совместного обучения недавно перевели к ним из женской гимназии, видел, как они с любопытством рассматривали его брюки, проходя мимо, как поворачивались назад, чтобы еще раз посмотреть на эту замечательную часть его костюма.

В то время Витькины выходные брюки, сшитые обычным фасоном, имели совсем плачевный вид. На них лежало такое множество заплат, что пришивать новые уж не имело смысла.

Медленно текло время, но желание иметь новые модные брюки никак не оставляло Витьку. Наконец настал день, когда осуществление его мечты было совсем рядом, казалось, не оставалось ничего на свете, что могло бы помешать счастью.

Как-то тетя Катя достала четыре аршина бумажной диагонали Витьке на брюки. Он прыгал от радости. Диагональ была защитного цвета. А иметь галифе защитного цвета — это предел его желаний.

Витька сразу же тогда сказал, что он намерен сшить из этой ткани. Тетя Катя не возражала. Дело оставалось только за портным.

Он мучительно думал о том, где взять портного. Вспомнил одного старика Петракеича из деревни Халезево, который ему шил когда-то полушубок.

— А сможет ли он сшить галифе? — спросила тетя Катя.

— Сможет, — ответил Витька. — Конечно сможет! Если он сшил полушубок, то брюки-то сошьет.

От Горска до Халезево будет верст десять, но десять верст разве расстояние для мальчишки, которому так хочется иметь парадный костюм?

В воскресенье Виктор пошел в Халезево.

Старик Петракеич был из тех деревенских портных, которые ходили из одной избы в другую, перешивая старое тряпье и получая за свой труд питание и немного денег.

Петракеича застал дома. Но когда рассказал ему о своей заказе, тот как-то странно посмотрел на Витьку поверх очков и, сомнительно покачав головой, сказал:

— Армяк я шил, полушубок смогу, детское полупальтишко делал, хомут там подшить или другое что по шорному делу, а элифе делать никогда не приходилось.

— Сошьешь, Петракеич, я тебя знаю, ты мне полушубок в прошлом году хорошо сшил, а галифе дело простое, — настаивал Витька, боясь, как бы Петракеич не отказался принять его заказ. — Я тебе покажу, как надо их шить. — Для большей убедительности он вырвал из ученической тетрадки лист бумаги и быстро сделал рисунок карандашом. — Главное здесь пузыри, галифе всегда шьются с пузырями, — объяснял Витька.

— Смотри, если что не так выйдет, не ругай.

— Не буду ругать, ей богу, не будут ругать! — обрадовался Витька согласию Петракеича принять от него заказ. — Когда будет готово?

— Приходи через недельку.

Все складывалось отлично! Через неделю у меня будут новые брюки, так думал Витька, возвращаясь в город.

Через неделю он снова пошел в Халезево, взял у Петракеича обновку и, не помня себя от радости, не шел, а летел на крыльях, возвращаясь в город.

Дома сразу же подошел к зеркалу и стал мерить брюки. Но стоило просунуть ноги в штанины и посмотреть на себя в зеркало, как куда-то к животу переместилось сердце, а на лбу выступили капли холодного пота. Витька не верил своим глазам. Бедные брюки! Крылья галифе были сделаны не со стороны карманов, а наоборот, они были обращены внутрь. Между Витькиных ног топорщились невероятно большие пузыри, а от карманов и вдоль ног проходили прямые швы, плотно прилегающие к телу.

Тетя Катя посмотрела на Витьку, заметила его смущение, покачала головой и сказала:

— Эти брюки носить нельзя.

Этого ему можно было и не говорить, он и сам видел всю несуразность костюма. Одеть такое — значит быть посмешищем в школе, да и не только в школе...

— Что же теперь делать, тетя? — еле удерживая слезы, спросил Витька.

— Остается только вырезать эти пузыри и носить, что останется, — ответила тетя Катя. Она взяла из Витькиных рук брюки и, отрезав торчащие ни к месту пузыри, застрочила прямым швом.

— На, надевай, — сказала она, улыбаясь.

Витька с трудом натянул на себя брюки. Они, как чулки, обтянули икры и жали везде. На этот раз он уже не испытывал никакого честолюбия и утешал себя лишь тем, что на брюках не было заплат.

Глава восьмая

В середине мая учеников распустили на каникулы. Виктору не хотелось оставаться во вздыбленном войной, грязном и неудобном городе — манили просторы полей и тени лесов. Он отправился в Куклин Угол.

Рушился старый мир. По земле победно шествовала Революция. Захмелевшие на фронтах люди ценой своей жизни отстаивали право на Свободу, а в тылу, где прочно утвердилась Советская власть, уже думали о том, как лучше устроить новую жизнь и налаживали ее.

Рушился старый мир, только шар земной, как и раньше, вращался. Все так же вставало на Востоке Солнце и плыло по небесному своду на Запад. Все так же, как и раньше, сменялись времена года — за летом приходила осень, за осенью зима, а там — весна.

Пришла весна и на этот раз. Пригрело теплое солнце, растопило снега и, потекли в теле деревьев живые соки, стали набухать почки. А луговые травы только и ждали, когда сойдет снег. Не успели талые воды уйти в низины и буераки, наполнить реки, как травы пошли в рост и стали набирать силу.

Полопались почки на деревьях, и засветились изумрудной зеленью лесные колки, заиграли они в лучах весеннего Солнца. Набежит небольшая тучка на лик Светила и пойдет по земле тень, посинеют на минуту колки, а выглянет Солнце из-за облака, и опять загорятся колки несказанным светом.

Витька шагал по проселочной дороге, изредка отклоняясь в сторону, чтобы обойти выбитые колесами крестьянских телег ухабы, в которых все еще стояла вода от стаявшего недавно снега. Он с наслаждением вдыхал в себя запах вековой сосны. Весенний воздух пьянил его и наливал силами.

Миновав лес, он вышел в поле. По левую сторону от него, в низине, простирались сенокосные луга, по правую — пашни. Согретая горячими лучами только что вспаханная земля отдавала миру тепло. Теплый воздух струился над пашней. Высоко в небе парили жаворонки, оглашая поля чудесной музыкой.

“Вот чертяки, куда забрались,— думал Витька, всматриваясь в голубое небо,— а человек не может, нет крыльев у человека”. Немного подумал. “Неправда, человек все может. Жюль-Верн писал о кораблях, летающих по воздуху. Конечно, это фантазия... Но ведь на германском фронте уже были летающие дирижабли, и аэропланы-разведчики тоже были. Значит, человек может и летать. Он научится летать выше, чем эти птицы”.

Нога Витьки задела за какую-то ржавую банку. Нагнулся, посмотрел — немецкая фляжка, подумал — немца убили, а фляжку привезли домой с фронта, испортили и выбросили за ненадобностью. Витька положил фляжку на землю и снова, на этот раз уже с удовольствием, ударил по ней носком сапога. Фляжка с глухим металлическим звоном покатила по дороге. Это понравилось, и он стал гнать ее все дальше и дальше. Догнал до самого болота.

Около заболоченного места дорога круто сворачивала вправо. Он не хотел делать большой крюк и пошел тропкой, проложенной по болотной гати.

Миновав болото, Виктор снова вышел к распаханному полю, заметил недалеко рощицу молодых березок и, как жеребенок, играя, побежал к ней, и, подбежав, с размаха плюхнулся на землю. Он лежал на земле, всматривался в безоблачное небо и слушал жаворонков, которые песни свои пели только для него.

На косогоре, выгнув спину и тяжело упираясь ногами в землю, крестьянская кляча тащила плуг. Плуг пахал глубоко, лошадь дышала, как астматик и часто останавливалась.

— Тяжело дается хлеб крестьянину, — думал Витька. Скоро и мне надо будет браться за дело. Сестра одна не управится ни с сенокосом, ни с пашней.

Прилетела пчела и стала кружить около головы. Витька втянул шею в плечи и, защищаясь от пчелы, клонился к земле.

— Уйди, подлая, не сахарный я!

Пчела поняла его и улетела.

“Пожалуй, пашня легче, чем сенокос”, — думал Витька. Он помнил, как прошлым летом в сенокосную пору поднимался до зари и шел с косарями на общественный луг. Все утро, пока лежала роса, махал косой. Нельзя было остановиться и отдохнуть, потому что сзади наступали на пятки другие косцы, а выйти из строя и сознаться, что выбился из сил, было стыдно. Так и косил он в то утро наравне с опытными косцами. Он до

сих пор, вспоминая об этом, ощущает ноющую боль в пояснице и суставах рук.

Хорошо бы косилкой. Та стрижет траву, как ножницами. Как хорошую музыку, вспоминал он стрекот на утренней заре пароконной косилки, которой прошлым летом косили траву в Никольской коммуне.

“Косилки делает какая-то иностранная фирма, «Мак Кормик» называется,— думает Витька,— а что тут мудреного? Разве нельзя делать косилки самим и столько делать, чтобы всем хватало? Можно это делать. Наверно когда-нибудь сделают приспособление и для плуга и, чтобы не Серко бедный ташил его по земле, а какой-нибудь двигатель, вроде паровоза.

Надо наделать много всяких машин и для деревни и для города. Надо сделать так, чтобы у каждого был свой велосипед, и чтобы рубашки и брюки тоже штамповали машинами и выдавали всем”.

Витьке грезилась страна благоденствия. Ему представлялся лес фабричных труб, много заводов и фабрик, где изготавливаются все необходимые предметы для жизни простого человека. Представилось ему, что в село Куклин Угол из города привезли электрический двигатель, и во всех домах вместо лучины зажглись электрические лампочки. Все люди по улицам деревень стали ходить в красивой одежде, мужчины — в синих, красных и белых косоворотках из шелковой ткани, а женщины — в вышитых цветными узорами сарафанах. На лугу за селом по праздничным дням стали водить хороводы, и собиралось все мужское и женское население. Здесь же играли дети.

Внимание Витьки привлек муравей. Муравей полз по прелым прошлогодним березовым листьям, волоча за собой крохотный кусочек дерева. Витька положил на его пути прутик. Муравей забрался на прутик и продолжал тащить свою ношу.

— Ну и трудяга! — громко сказал Витька. — Долго же тебе придется таскать всякой всячины, чтобы вымахать муравейник. — Через минуту его осенила новая мысль. — Послушай, где ты был, пока еще не родился? — спросил он у муравья.

Муравей полз по прутику и молчал, Витькины слова его не трогали.

— Не знаешь? Я тоже не знаю. Об этом брат нам с тобой ничего неизвестно. Появился на свет и таскай теперь палки. Без труда не проживешь.

“Разумные существа муравьи, — думал Витька, — все работают, дома себе строят, запасы на зиму делают, как и люди в коммуне...”

— Вот так-то, браток. Теперь уходи, ты мне надоел. Тащи свою ношу к муравейнику, тебя там ждут. — Он осторожно ссадил муравья, прижав прутик к земле. — Пожалуй, пора идти.

Он поднялся, стряхнул приставшую к брюкам прошлогоднюю траву и зашагал дальше.

Тропка, по которой шел Витька, снова выводила на проселочную дорогу. Около дороги, на пашне, поправлял разладившийся плуг крестьянин, недавно пахавший землю.

— Слава труду! — приветствовал Витька крестьянина. Он слышал, как приветствовали члены Союза Рабочей Молодежи друг друга. И в точности повторил это приветствие.

— Здоров будешь, — отвечал крестьянин. — Откуда, парень, идешь?

— Из города. Иду в Куклин Угол.

— Ну-ну. То-то, смотрю, вроде нездешний.

— Дальний я.

Витька не стал пускаться в дальнейшие разговоры и задерживаться здесь. Вскоре он миновал поле и вышел к деревне.

Недалеко от дороги стояла ветряная мельница. Крылья ее были ободраны и торчали, как ребра скелета какого-то чудовищного доисторического животного.

“Наверно бросили, — подумал Витька, — а ведь можно было еще поправить”.

Он шел мимо крытых соломой, покосившихся крестьянских хат, мимо пруда, где купались в грязи восемь уток (Витька успел сосчитать их), шел, распугивая кур, и не обращал внимания на собак, которые выскакивали из-под ворот и пытались схватить его за штаны.

За деревней снова начинался лес. В лесу потянуло сыростью и запахом прелой хвои.

Говорят, что вторую половину дороги путник всегда думает о том, что ждет его впереди.

Теперь и Витьку стали занимать другие мысли. Он думал о том, как будет проводить лето. Вспоминались прежние походы за грибами и ягодами, рыбалка на берегу Куколки и ребячьи игры на улице. Он решал задачу: много ли в этом году будет рыбы в Куколке и остались ли еще там раки? Он был так

занят этими мыслями, что даже не заметил проезжавшую мимо крестьянскую подводку. Остановился лишь, когда услышал громкое “тпру!” и скрип сворачиваемых с дороги колес.

— Витька, откуда ты?! — крикнул спрыгнувший с телеги парень. Витька узнал в нем Ваню Копейкина, своего закадычного друга и одноклассника.

— Здорово, Ваня! — закричал он, бросаясь тому навстречу.

— Надолго? — спросил Копейкин.

— На все лето! — снова крикнул Витька, выражая этим восторг от встречи и радость за то, что все предстоящее лето они проведут вместе.

— Значит нашего полку прибыло! Мы там одно дело задумали и ты нам очень нужен.

— Для чего?

— Придешь в село узнаешь.

— Ты сейчас скажи.

— Хотим организовать отряд бойскаутов.

— А это что такое?

— Бойскауты — сильные, смелые и выносливые люди, которые постоянно закаляют себя, помогают слабым и вообще — это самые смелые, самые передовые люди.

— Ого! А что будет делать отряд?

Ваня задумался.

— Мы еще не договорились. Соберемся и тогда все обсудим.

— Ты когда из Горска вернешься?

— Завтра. Как только вернусь, сразу же приду к вам в село. Тпру, тпру, стой! Стой, рыжая!

Лошадь, почувствовав, что мальчишки занялись разговором, решила попробовать зеленой травы, что манила ее своей свежестью. Она вытягивала из хомута шею и тянула губы к земле, отчего дуга, к кольцу которой была привязана узда, наклонилась и грозила сорваться с оглобель.

— Вот негодная, не может постоять и минуты, — сказал Ваня, запрыгивая в телегу. — До завтра! — крикнул он и стегнул лошадь.

Всю дорогу, пока шел лесом, Витька думал о том, что рассказал ему приятель. Он прикидывал в уме и так и эдак, но никак не мог представить себе, чем все же будут заниматься бойскауты.

Вскоре вышел из леса. Впереди открылись просторы полей, а вдаль на горе, у самой кромки елового бора уже видно было знакомое село Ку克林 Угол.

Глава девятая

Лошадь не спешила в город. Она медленно переставляла мохнатые ноги, утопая копытами в жидкой грязи. Лошадь не понимала, зачем людям понадобилось уводить ее с зеленого луга, где ходила стреноженной и щипала вкусную сочную траву. Теперь ее привязали к деревянному ящику и заставили тащить его неизвестно куда и зачем. С каким бы удовольствием она повернула оглобли обратно. Она бы, пожалуй, так и сделала, если бы не сидел сзади крикливый мальчишка и не подстегивал ее вожжами.

Другие думы занимали голову Вани. Он торопился приехать в город еще засветло и сделать все, что поручил ему Петр Степанович, а завтра пораньше утром отправиться с постоялого двора в обратный путь.

Нескладно сложилась жизнь у Вани Копейкина. Пятый год он живет у Петра Степановича, а кто ему Петр Степанович, он и сам объяснить не сможет. “Может, сын я ему приемный, а, может, он просто благодетель мой”, — думает Ваня.

Умер отец у Ванюшки. Мать надела ему на шею холщевый мешок и послала по миру. Несладко жилось и при отце, но никогда не доходило до того, чтобы по миру побирались. Отец в летнюю пору каждый год уходил на отхожий промысел, плавал на барже по Волге, а осенью, как только река вставала, возвращался домой с деньгами. Покупал зерно и сено. Хоть и не жирно жили, но было, чем семью кормить.

После смерти отца все пошло кувырком. Кроме Ванюшки в семье еще двое, те совсем малые, а кормилица одна. Видел Ванюшка, как мать выбивалась из сил, потому и не противился, когда вывела она его за двери, надела суму, перекрестила и сказала:

— Иди, сыночек, с богом... Ты — старший, помогай...

Стыдно было ходить по своей деревне и выпрашивать у знакомых куски Христа ради. Старался уйти подальше. В других деревнях, где никого не знал в лицо, набирался смелости, подходил к окнам, стучал палкой о бревенчатую стену и пел:

— Подайте милостыньку ради...

В иных домах подавали, а в других говорили:

— Иди, милый, нет ничего, бог подаст...

Вечером возвращался домой, вытряхивал из холщевого мешка куски ржаного хлеба и клубни вареной картошки. Сестренка с братишкой бросались к ним, хватались за куски и тянули в рот, а мать ласково смотрела на помощника и вытирала платком глаза.

В чужих деревнях донимали мальчишки, дразнили нищенкой, бросались камнями и травили собаками.

Как-то, отойдя далеко от дома, он попал в незнакомую деревню. Никогда не бывал в ней раньше. Подошел к дому под зеленой железной крышей и стал стучать палкой о наличник. Из окна выглянул старик с длинной седой бородой, спросил:

— Тебе что нужно, малец?

— Подайте милостыньку ради...

— Чего ты тут распелся? Иди в избу.

Зашел в дом и снова запел:

— Подайте милостыньку ради...

— Сколько тебе лет, парень? — спросил старик.

— Восьмой.

— Как звать?

— Ванюшкой.

— И не стыдно тебе, Ванюшка, милостыньки собирать?

— Стыдно... Мамка посылает. Дома есть нечего.

— Парень, вижу, ты ладный, оставайся у меня лошадей пасти. С ребятами в ночное будешь ходить. Одни мы живем со старухой. Ты все равно как сын будешь.

— Не знаю... Как мамка...

— С мамкой полажу сам. Скажи, чтобы пришла.

Так и остался в ту пору Ванюшка у Петра Степановича. Положил за него Ванюшкиной матери Петр Степанович мешок муки в год, а Ванюшке харчи и одежду.

Летом Ваня лошадей пас, а зимой подносил сено из сарая на скотный двор в плетенках, да подогревал воду для скота в омшанике, и резал резку из овсяной соломы, когда не хватало кормов. Не утруждал работой через силу Петр Степанович Ванюшку. В праздничные дни гулять с ребятами отпускал.

На второй год дал за Ванюшку матери на пропитание два мешка муки, а с осени Ванюшку в школу послал учиться.

От деревни, где живет теперь Ванюшка, до села Куклин Угол всего верста. Подружился с ребятами Ванюшка еще в школе, и теперь чуть свободное время, бежит к ним.

Глава десятая

Эту идею подбросил в Куклин Угол приезжавший на несколько дней из Ярославля студент, брат учительницы местной школы Марии Николаевны. Он сказал тогда ребятам:

— И чего вы без дела шатаетесь, как неприкаянные. Организовали бы отряд бойскаутов, закалялись бы физически, устраивали бы разные игры и вообще мало ли интересных дел можно найти для отряда.

Заронил в сердца искру, а сам уехал. Ребята подумали, а почему бы и на самом деле не организовать им отряд бойскаутов? Так с тех пор отряд у них из головы не идет.

Обсуждать вопрос собрались на окраине села, там, где лежали штабелем бревна. Пришли, уселись на бревна все носители этой идеи: длинный, как жердь, Петруха Голубков, Шура Иванов, который едва достает головой до плеча Петрухе, уже известный нам Ваня Копейкин, без особых примет Димка Усачев и постоянный хвост этой компании Колька Быков. Димка — младший из них, а Колька на два года моложе Димки, но ни в чем не отстает от ребят и по каждому вопросу свое суждение имеет.

Витька явился последним.

— Здорово горюны! — сказал он, присаживаясь рядом. Сел и стал отковыривать палкой отстающую от дерева еловую кору.

Над селом сгущались сумерки. В небе летали стрижи. То, плавно выбросив в стороны прямые и узкие крылья, парили они высоко, то, быстро-быстро махая ими, устремлялись вперед, как бы играя, перегоняли друг друга, на секунду снижались и тут же снова взмывали ввысь.

— Дождя не будет, — сказал Витька. — Мошकारа высоко летает, а где мошकारа, там и стрижи. Перед дождем мошकारа всегда к земле жметяся.

Это он сказал между прочим. На Витькино замечание по поводу предстоящей погоды никто не отвечал. Замечание его было слишком малозначительно по сравнению с теми думами, которые занимали их головы.

— Чего все молчите? — спросил Витька. — Придумали каких-то бойскаутов, а теперь сидят и молчат, будто воды в рот набрали. Будем организовывать отряд или нет?

— Будем, — сказал Ваня, — хотя он у нас уже есть.

Он тоже, по примеру Витьки, стал обламывать с бревна кору.

— Ты говоришь, отряд есть? Где ты взял отряд?

— А это что? — показал Копейкин на собравшуюся на бревнах компанию.

— Допустим, это так, — согласился Витька. — Тогда давайте поговорим теперь, чем заниматься будем в отряде.

— В лапту играть! — раньше всех выскочил с предложением Колька.

Ребята засмеялись.

— В лапту мы и раньше играли. Это старо, — заметил Димка. — Ты придумай что-нибудь поновее.

Он слез с бревна, вынул из кармана рогатку, натянул резинку и выпалил чем-то в пролетающего мимо стрижа.

— Зачем бьешь птиц? Они тебе мешают? — спросил Петруха.

Димка спрятал рогатку.

— Вот что, ребята, — начал Петруха. — Бойскауты должны быть сильными и смелыми. Значит, нам надо тренироваться. А где тренироваться? Для этого нужны снаряды.

— Верно говорит Петруха, — поддержал Копейкин. — Нам нужны спортивные снаряды: турник, брусья, лестница для подтягивания на руках...

— Ого! — перебил Витька. — Много всего надо, чтобы построить эти снаряды. Давайте подсчитаем. Нужны столбы деревянные, веревки, гвозди. И кто строить будет?

— Никто нам строить ничего не будет, все будем делать сами, — ответил Петруха. — Дело немудреное. И лес напилим, и столбы вкопаем. Как, ребята?

— Правильно Петруха говорит, — одобрил Ваня. — Только откладывать дело не надо. Давайте в следующее воскресенье и начнем. Возьмем пилы, топоры — и в лес. Напилим там стоек сухих, выберем, каких надо. Только на чем будем вывозить из леса, не знаю. Хорошо бы лошадь попросить у кого.

— Я у бати попрошу, может, и даст, — сказал Шура.

— Ребята, а где снаряды ставить будем? — спросил Петруха. — Хорошо бы поставить их на той стороне реки, около школы.

— Лучше места не найти, — поддержал Витька. — Поставим снаряды, а перед площадкой вкопаем высоченную мачту и во время занятий отряда будем поднимать красный флаг.

— Вот красота будет, — крикнул Коляка. — На такую площадку все ребята из Взглядово ходить будут.

— Тю! Вон чего придумал, — возразил Димка. — Мы строить, а они на готовенькое ходить будут. Пусть вместе с нами строят.

— Это Димка правильно придумал. Надо пригласить и взлядовских ребят участвовать в нашей работе, — поддержал Димку Ваня Копейкин. — Коля к ним сбегает на неделе. Кого увидишь, всех зови. Обязательно позови Рачковых, скажи, что спортивную площадку, мол, собираемся строить, чтобы приходили в воскресенье, пусть захватят топоры и рубанки.

— Значит, дело решили, — подвел итог Петруха. — Соберемся в воскресенье пораньше утром и направимся в лес. Хорошо бы управиться там к полудню, чтобы после обеда столбы можно было вкапывать.

— Со столбами и перекладинами много хитрой работы будет, можем одни и не справиться, — заметил Витька.

— Работа не простая, — согласился Голубков. — Надо бы пригласить кого из знающих. Может ты, Витюха, поговоришь с дядей Колей. Он плотник хороший.

— Попробую.

Сумерки сгустились. Перестали летать стрижи. Отсырела трава. А ребята все еще сидели на бревнах и горячо обсуждали предстоящую работу по устройству спортивной площадки.

— Петя! — послышался откуда-то издали девчоночий голос. Это кричала сестра Петрухи Голубкова Шура.

— Чего тебе? — отозвался Петруха.

— Я тебя давно ишу. Иди скорее ужинать. Мамка ругается, что тебя до сих пор нет.

Петруха встал. За ним поднялись и остальные.

* * *

На следующий день Витька встретил дядю Колю около колодца, где тот рубил новый сруб. “Как бы к нему подъехать получше”, — подумал Витька и спросил:

— Сруб новый рубите, дядя Коля?

— Рублю новый, — отвечал тот, зачищая паз.

— Хороший сруб будет, красивый, — льстиво сказал Витька.

Дядя Коля на замечание не отвечал. Наступила длинная и неловкая пауза.

— Мы тоже собираемся плотницкую работу делать, спортивные снаряды строить, но не знаем как, все неумехи.

— Кто это вы?

— Сельские ребята. Петруха, Димка, Шура... Помогите нам, дядя Коля?

— Чем помочь? Какие бывают снаряды, я и сам не знаю.

— Хотим сделать параллельные брусья на вкопанных в землю столбах, турник, трапецию и лестницу. Видели, может быть, такие снаряды в Горске, около базарной площади, где с новобранцами занимаются?

— Вон он что. Это я много раз видел. Тут ничего и мудреного нет. Где хотите строить?

— На лугу, около школы.

— Когда строить собираетесь?

— В воскресенье. Если успеем лес вывезти к полудню, то во второй половине дня и начнем. Придете, дядя Коля?

— Что же с вами сделаешь, придется прийти.

Теперь все замечано, подумал Витька. Если дядя Коля придет помогать, то снаряды сделаем что надо.

Рано утром в воскресенье в село пришли взглядовские ребята и вместе с нашими героями отправились в лес. Шура Иванов на лошади подъехал позднее.

— Есть что вывезить? — крикнул он с дороги.

— Есть! Давай, подъезжай ближе, сейчас грузить начнем, — отвечал Петруха. В лесу он был за старшего.

Ребята выволокли к дороге три больших обрезанных сосновых бревна, выбранных из сухостоя и закатали на подводу.

Пока Шура отвозил первую возку, ребята подготовили еще пару сухих сосновых бревен, несколько жердей и длинную лесину для мачты.

Еще задолго до обеда работа в лесу была закончена.

После обеда собрались на площадке. Подошел и дядя Коля. Похвалил лес, сказал, что такой и надо, и распределил работу. Одних поставил ошкуривать бревна, других — мерить и отпиливать стойки, третьих — строгать рубанками, четвертых — копать ямы для стоек. Теперь никто не сидел без дела. Все шло, как у хорошо слаженной плотничьей артели.

Вместе со всеми работал и Колька Быков. Он не хотел отста-

вать от других. Колька строгал рубанком мачту. Дело у него не ладилось. Рубанок вертелся в руках, соскальзывал с лесины и забивался стружкой, ему часто приходилось останавливать работу и выковыривать стружку из рубанка гвоздем. В конце концов, ему надоело это занятие, и Колька присел на бревно.

— Мало каши ел, Коля? — уколол его Димка, увидев, как Колька оставил работу.

— Хорошо тебе землю копать. Ты попробуй, построгай, лесина-то круглая, вертится, — оправдывался Колька.

— Давай меняться работой, ты будешь копать землю, а я строгать твою мачту.

Кольке только этого и надо. Он подошел к Димке, выхватил у него из рук заступ и небрежно бросил:

— Иди, строгай. Построгаешь, потом узнаешь, где лучше.

Димка пошел выполнять Колькину работу.

— Подожди, Дима, я тебе рубанок налажу, — крикнул дядя Коля. Он отрегулировал рубанок, после чего в руках Димки инструмент стал работать легко и плавно.

— Коля, посмотри, как надо строгать, — подзадоривал Димка. Колька делал вид, что не слышит, пыхтел и сосредоточенно копал яму.

Сложную работу, где требовалось особое умение, делали братья Рачковы. Такой работой были перекладыны и спортивная лестница. Их надо было сделать особенно прочными и красивыми.

Быстро прошло время. Не заметили, как подкрался вечер. За день ребята славно потрудились. Они сделали все, что намечали сделать и даже больше. Кроме турника, трапеции и брусьев, построили еще снаряды для упражнения на кольцах. Теперь на зеленом лугу, красуясь свежей белизной, стояли хорошо оструганные спортивные снаряды, а чуть поодаль, как бы венчая спортивный городок, в небо упиралась высокая мачта с пропущенными через блок веревками для поднятия флага.

— Конец — делу венец, — сказал дядя Коля, бросил на землю топор и стал сворачивать самокрутку.

— Все бы хорошо, но только насорили много, весь луг запако-стили, — продолжал он, посмотрев вокруг. На лугу действительно валялось много цепи и стружек.

— Сбегайте за граблями, да соберите, ребята, в одно место всю эту щепу.

На следующий день, к вечеру, над спортивной площадкой был поднят красный флаг.

Глава одиннадцатая

Спортивная площадка бойскаутов, как и думали, сразу же привлекла внимание молодежи окружающих село деревень, а сельские ребята каждый день хоть на часок, но обязательно забегали сюда.

Прошло две недели, и к упражнениям на спортивных снарядах прибавился еще крокет. Деревянные шары, невзвест для чего выточенные каким-то деревенским умельцем, достали по случаю, молотки сделали сами, а ворота согнули из ржавой проволоки. По субботам и воскресеньям крочетные шары не лежали без дела. В эти дни удары молотков о шары далеко слышны были еще задолго до наступления позднего вечера.

Игроки разбивались на команды, каждая из которых боролась за право быть названной непобедимой. Бывало, команда выходила на первое место, потом оказывалось, что команда эта начинает проигрывать и место ее занимает другая. Видимо для того, чтобы устроить противника, команды облюбовывали для себя какое-нибудь хлесткое название. Были здесь и “Леопарды”, и “Уссурийские тигры”, и даже “Крокодилы”.

Как-то в субботу, когда солнце было уже на закате, Виктор все еще продолжал играть в крокет. Какая по счету была партия, он и сам не помнил. Его шару осталось пройти еще двое ворот, чтобы выйти в “разбойники”. Виктор решил заимствовать для этого ход от другого шара, стоящего на позиции у “мышеловки”. Шар оказался Нюркин, девочки лет тринадцати, играющей в партит противника. От удара Витькиного шара ее шар отлетел в сторону.

— Витька, что ты наделал?! — чуть не плача от обиды закричала Нюрка. — На какой хорошей позиции стоял мой шар, а ты безжалостно сбил его. Теперь мне век не пройти через эту проклятую “мышеловку”.

Виктор, опираясь на длинную деревянную ручку своего молотка, выжидательно смотрел на Нюрку. Так он всегда

позировал после удачного хода, смотрите, мол, как я хорошо играю. Но на этот раз вместо восхищения он увидел на глазах у девочки слезы и почувствовал себя виноватым.

“Жаль Нюрку, напрасно обидел, — подумал он. — Девчонка играть только учится”.

— Ничего Нюра, — подбадривая девушку, сказал он, — вот проберусь в “разбойники”, тогда помогу тебе проскочить через “мышеловку”.

— Дождешься от тебя помощи, как же. Ты только не мешай играть, не сбивай мой шар с позиции, а “мышеловку” я и без тебя одолею.

Вскоре Виктор протолкнул свой шар через двое последних ворот и вышел в “разбойники”. Нюркин шар к этому времени был снова кем-то сбит и стоял поодаль.

— Крокирую! — крикнул Витька, направляя свой шар через всю крокетную площадку.

Короткий удар, Нюркин шар катится в направлении “мышеловки” и встает в отличнейшую позицию. “Хорошо”, — думает Виктор и тут же сильным ударом молотка пробивает ее шар через “мышеловку”.

— Ой, Витечка, милый! — кричит та. — Спасибо тебе!

— Зачем помогаешь противнику? — набросились на Виктора играющие с ним в одной партии. — Если не хочешь играть, как все люди играют, тогда убирайся с поля!

— Вот еще нашли противника, — думает Витька, и, сказав, что сделал это ненароком, что хотел пустить ее шар мимо “мышеловки”, но случайно провел его, отошел в сторону.

— Ври, да не завирайся. Если хочешь помогать Нюрке, играй с ней в одной команде, — бросил кто-то.

Витька не хотел спорить, к тому же ему надоело играть. Следующим ходом он крокировал чей-то шар, подошел к своему тычку, ударился о тычок, что означало “убился”, из игры выбыл.

Закончив игру, Виктор отошел от крокетной площадки и лег на густую, начавшую уже сыреть траву.

Спускавшееся к горизонту солнце закрыло вершинами деревьев. На землю ложились сумерки. Стоял теплый летний вечер. Была какая-то удивительная прозрачная тишина.

“Как тихо, как все красиво кругом и как хорошо дышится”, — думал Виктор, закрывая глаза. Он устал от дневной суеты,

теперь ему хотелось вытянуться во весь рост, лежать и ни о чем не думать. И вдруг тишину вечера прорезал удар церковного колокола. Бом... Звонили к вечерне. И дальше уже через ровные короткие промежутки доносилось из-за реки: бом... бом... бом...

Гулкие и протяжные удары церковного колокола, казалось, стали царить над округой. Удары его то затихали где-то вдаль, то снова сотрясали вечернюю тишину и замирали в полях над вершинами леса.

“Какая могучая сила заключена в звуке этого колокола, — думал Виктор, — недаром люди многие века слушали колокольные звоны”.

Ударяли в колокола во время войн, пожаров и других бедствий народных, а также и в часы ликований.

Виктор помнил, как когда-то лазил на колокольную, где видел надпись, сделанную на большом колоколе при его отливке. Там значилось: “В колоколе сим 130 пуд. Основан 1729 лета”. Значит, что сто тридцать пудов серебра и меди израсходовано было при его отливке, и звонит этот колокол без малого двести лет.

“Но жизнь течет, и все меняется, меняются и люди, — думает Виктор, — и отлитый на подаяния мирян церковный колокол скоро будет никому не нужен. И гудеть теперь он стал как-то по-другому, с каким-то надрывом, с обидой что ли, точно жалуются и спрашивают у людей: “Почему вы перестали ходить в храм божий, или жизнь вам с церковью не мила?”

В церковь теперь ходят только пожилые, молодежи совсем мало. А после того, как построили спортивную площадку, молодежь вся здесь. Их и в престольные праздники в церковь пряниками не заманишь. Говорят родителям:

— Мы в церковь пошли, — а дойдут до села и сворачивают на луг в игры играть.

За лесом, куда недавно спустилось солнце, на безветренном небе синела туча. Туча выплывала из-за вершин деревьев и освещалась сполохами молний. “Как красиво освещает молниями небо, наверно гроза будет”, — соображает Витька.

Между тем, на крокетной площадке собирали шары и снимали проволочные ворота. На спортивных снарядах тоже закончились упражнения, и молодежь расходилась по домам. Иные девушки и ребята пошли к реке, другие собрались на

ступеньках школьного крыльца и слушали веселый рассказ Петрухи Голубкова. Петруха, видимо, что-то чудил, до Витьки доносились взрывы дружного смеха. О чем рассказывал Петруха, здесь не было слышно, но рассказывал он, наверно, что-то очень смешное. Витька уже хотел вставать и присоединиться к компании, что сидела на школьном крыльце, но в это время подошел Ваня Копейкин.

— Чего разлегся здесь? — спросил он.

— Так. Настроение дрянное.

— Обиделся что ли на то, что тебя поругали за Нюрку?

— Вот еще. Я об этом и думать забыл. Лезут в голову разные мысли насчет жизни.

— Ого! И что же решил?

— Ничего я не решил и решать не собирался.

— Поднимайся, Виктор, посмотри какие зарницы, наверно скоро гроза будет.

— А ты боишься грозы? — спросил, поднимаясь с земли, Виктор.

— Наверно боюсь. В природе много такого, чего люди еще не знают. Вот у нас, в Гулаково, в прошлом году такой случай был. У дяди Никифора огненный шар залетел в избу через окно. Сидели за столом, ужинали, а окна были открыты. Вроде и грозы в то время никакой не было, только увидели все, как влетел в окно огненный шар и стал кружить по избе. С испугу все замерли, сидят и не дышат, а шар тот полетал-полетал, да так же медленно, как влетел, и вылетел в другое окно.

— Правильно, Ваня. Много в природе такого, о чем люди и понятия не имеют. Говорят, что “человек — царь природы”, а мне кажется, что это только бахвальство одно. Залетит в дом к тебе такой шарик, шарахнет по голове “царя природы”, и откуда что взялось, никто толком объяснить не сможет. Человек всего-навсего только часть природы. Как, Ванюшка, правильно я говорю?

— А гроза идет к нам. Пора домой.

— Пошли, — отряхиваясь, сказал Виктор.

Еще недавно казавшаяся безобидной синяя каемка облаков, нависшая над лесом и изредка освещаемая зарницами, теперь закрыла весь горизонт, сгустилась в тучу, которая клубилась и наступала. Слышались раскаты грома. Потянул слабый ветер.

— Эй, гуляки! Пойдемте домой, гроза будет! — позвал кто-то из ребят, сидевших у школы.

— Мы не пойдем домой, мы пойдем в лес, на грозу и будем сражаться с молниями! — рисуясь, продекламировал Витька, подходя к ребятам.

— Вы что, ушибленные? — спросила Надюшка, смеющимися глазами посмотрев на приятелей.

— Мы не ушибленные, а бойскауты, — ответил Ваня. — А бойскауты никогда ничего не боятся, они должны закалять себя и воспитывать волю.

— Вы серьезно, ребята, в лес собрались? — спросил Петруха.

Ваня переглянулся с Витькой, ответил:

— Серьезно.

— Тогда и я с вами.

— Я тоже пойду, — заявил Колька Быков.

— Пойдемте все. Чем больше, тем веселее будет, — пригласил Витька.

Так в шутку брошенное слово обернулось серьезным намерением — всем бойскаутам идти на грозу в лес. Кроме Витьки и Вани, в лес решили пойти еще четверо, остальные, назвав их сумасшедшими, направились домой.

Ветер усилился. Облака низко нависли над землей и поседели. В воздухе запахло сыростью. Все чаще и чаще вспыхивали молнии. Слышались близкие раскаты грома.

— Витька, сосчитай, где сейчас ударяет, — спросил Копейкин. — Звук распространяется со скоростью одна верста за три секунды. Подождем молнии. Считай сразу же после молнии.

— Раз-два-три...

— Сколько сосчитал?

— Десять.

— Далеко. Больше трех верст. Вон дождь накрапывает. Побежим, ребята, в Ханинскую рощу, там спрячемся под елками.

И ребята со всех ног пустились бежать к лесу.

Стали падать крупные капли дождя.

Гроза наступала. Закрытое тучами небо отбросило на землю тьму. Ломаные линии молний, казалось, рвали тучу на части, слепили глаза, а вслед за ними слышались глухие раскаты, как будто бы вверху на небе катали тысячепудовые камни.

Добежали до леса. Около столетней, в два обхвата березы, свернули в чашу, где и уселись над раскидистой елью.

Молнии вспыхивали одна за другой. Все небо горело, а ельник от этого пожара на небе окрашивался каким-то оранжевым светом. После вспышек молний сразу же следовали то глухие, то сухие и резкие, как выстрелы, раскаты грома.

Хлынул ливень, а через минуту с неба стали низвергаться каскады воды. После каждого удара грома ливень усиливался еще больше, и казалось, что не будет предела этой разбушевавшейся стихии.

— Красотища какая! — крикнул Витька, стараясь перекричать шум бури.

Ребята сгрудились у ствола старой ели, прижались друг к другу и молчали. Спасавшее их в первые минуты дерево отказало в защите. Колька сидел мокрый и хмурый, прижавшись щекой к стволу дерева.

— Чего, Коля, приуныл? — спросил Димка, теребя его за плечо. — Боишься?

— Ничего не боюсь.

— Врешь, страшно?

— Чего страшного? Ну-ка пусти! — Колька растолкал ребят и, выскочив из-под ели под самый дождь, закричал что было силы.

— Дождик, лей, дождик, лей, на меня и на людей...

На нем не оставалось сухого места, рубашка и штанишки липли к телу, волосы спутались, с подбородка, с ушей и носа стекала вода, а сам он в каком-то восторге, как бесенок, все прыгал и прыгал, разбрызгивая ногами дождевую воду, и кричал:

— Дождик, лей на людей! Дождик, лей на людей!

— Хватит, Колька! Доказал всем нам, что ничего не боишься, теперь поверили! — крикнул Витька.

Колька перестал прыгать и снова уселся под елкой.

— Чего раскисли? Давайте, ребята, споем песню, — сказал Ваня, и, не дожидаясь ответа, начал высоким мальчишеским голосом:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И непрерывно гром гремел, — подхватили другие,
И ветры в небе бушевали.

Яркая вспышка молнии ослепила глаза. Сразу же за ней обрушился оглушительный удар грозового разряда. Рядом что-то затрещало, закрипело, рухнуло. Гулким эхом по лесу разнесся шум, как будто взлетела стокрылая птица. Песня оборвалась. Ребята испуганно смотрели друг на друга. В лесу стало как-то неестественно тихо. Даже дождь, за мину-ту до этого хлеставший как из ведра, вдруг перестал, и в воздухе повисли капли, будто только что пропущенные че-рез мелкое сито.

— Что это такое? — подумал Витька, и не найдя объяснения, спросил: — Испугались?

— Это леший пугнул, — предположительно сказал Колька. — Леший всегда что-нибудь учудит. Он не любит, чтобы по ночам люди по лесу ходили. С бабкой Оксиньей в прошлом году знаете, какую он шутку сыграл? Наверно слышали?

— Нет, не слышали, — сказал Петруха.

— Рассказать?

— Рассказывай.

— Пошла бабка Оксинья как-то за грибами, да и завечерела в лесу. Стала из леса на дорогу выбираться, чтобы домой идти, уже совсем было вышла, только глядит — барашек маленький. Стоит барашек, смотрит на нее и так это жалобно “бя-бя-бя”. “Видно чей-нибудь от стада отбился, — думает бабка. — Надо его на дорогу вывести”. Хочет подойти к барашку, а тот как прыгнет от бабки, остановился и опять: “Бя-бя-бя”. Бабка за ним, тот отбежит немного и снова блеет. Так барашек и кружил бабку по лесу пока совсем не стемнело. Одумалась бабка, вспомнила, что домой пора, махнула рукой на барашка и стала дорогу искать, чтобы из леса выйти, но не тут-то было, не может дорогу найти. Плутала-плутала бабка, да так и заночевала в лесу. Только утром и выбралась. Увел он ее, знаете куда? К Перову, верст за семь.

Колькин рассказ никого не тронул.

Первым поднялся Петруха.

— Никак дождь перестал. Пойдемте домой рубахи выжимать.

Все стали выбираться из леса. Преодолев кустарник, в кровь исцарапав лицо, руки и ноги и еще больше вымокнув, ребята, наконец, выбрались на дорогу и сразу же в нерешительности остановились.

— Что там белеет? — спросил Ваня.

Все смотрели и не могли узнать место. Там, где раньше стояла большая береза, около которой полчаса тому назад свернули в чащу, теперь в небо упирался высоченный, расщепленный до самых корней белый пенёк. Около него на дороге валялись обломки ствола, сучки с зелеными листьями и белые щепки.

— Вот это врезало! — многозначительно заметил Петруха. — Хорошо, что мы здесь не остановились.

“Жалко березу, — подумал Витька, — какая была красивая. Около нее всегда было много белых грибов”.

Глава двенадцатая

После дождей выдалась сухая погода. На лугах вымахали травы по пояс, заколосилась рожь, наступила горячая пора сенокоса.

Каждый день теперь перед закатом солнца деревенскую улицу оглашают ритмичные удары клепальных молотков по металлическим бабкам. Это к утренней заре у каждого дома правят косы. Удары клепальных молотков о металл эхом отдаются в лесу.

Кончился перезвон косарей. Хлопая кнутом, пригнал на деревенскую улицу стадо пастух. Быстро расхватили скотину и развели по домам. Подоив коров и наскоро поужинав, люди улеглись спать, кто дома, а кто на сеновале.

Спит деревня. Уснуло все: лес, травы и даже речка, еще днем говорливо перебрасывавшая свои воды через каменистое дно. Солнце давно ушло за лес, оставив на горизонте только размытую полоску розовой краски.

Ушло светило, а на улице, как днем... Это оттого, что светится небо, оно озаряет землю каким-то таинственным светом. Настали белые ночи... Земля покрыта пестрым благоухающим ковром цветов, посвежевший воздух напоен запахами сирени, фиалок и свежего сена.

Не уснуть в такую ночь мальчишкам. Они сидят на заборе у околицы, качают босыми ногами и о чем-то разговаривают. Спросите, почему не идут спать? Ведь завтра же рано надо всем встать и идти с косами на луг, косить по утренней росе траву. Не ответят. Они и сами не знаю, почему сидят здесь, с наслаждением вдыхая посвежевший и наполненный ароматами лета ночной воздух деревенской улицы.

В кустах ольховника защелкал соловей. Сначала чуть слышно, потом громче и громче, перешел на трель и начал выводить рулады. Из-за реки ответил другой, с переливами, стараясь искусством своим превзойти соперника.

— Как чудно! Не шумите, ребята, послушаем, — попросил Ваня. Все замолчали, стали слушать чудесные песни лесных музыкантов.

Прозрачную ночь с неистощимой щедростью пронизывали тончайшие трели. Они неслись от реки, из темных береговых зарослей, из леса и отовсюду, казалось, везде было пристанище этих чарующих звуков, заставляющих замирать сердце.

— Витька, ответь на вопрос, почему ночью не поет ни одна птица, только соловей? — выждав подходящий момент, спросил Ваня. — Все птицы запоют только с восходом солнца, а соловей всю ночь оглашает округу своими песнями.

Витька задумался, потом лицо его прояснилось, он что-то вспомнил.

— Это потому, что соловей — самая чувствительная птица. Соловей очень тонко чувствует природу. Сидит в кустах на ветке и восхищается красотой ночи, а когда чувства переполняют грудь, приходит в восторг и заводит песню.

Ваня внимательно посмотрел на Витьку.

— Птицы разве чувствуют? — спросил Колька.

— Почему не чувствуют? И птицы, и звери, и рыбы, — все чувствуют природу, только по-разному. Баран, например, чувствует, когда пить или есть хочет, а в остальном, как вон тот кирпич. Собака тонко чувствует, всегда привязана к человеку, ласкается, радуется, скучает, а иногда даже и помирает с горя.

— Лошадь тоже все понимает, — высказал свой взгляд на этот вопрос и Колька. — Если кого невзлюбит лошадь, не подходи, и зубами кусает и копытом бьет... Тетка Наталья рассказывала, что когда у Троицы еще кабак был, по дороге из Горска домой, лошади завсегда у кабака останавливались. Мужику надо выпить, и лошадь это понимает.

Ребята замолчали. Они снова стали прислушиваться к звукам летней ночи. Молчание вновь нарушил Колька.

— Витька, ты вот что скажи, когда человек умирает, что с ним бывает после смерти?

— Ничего не бывает. Умрет и все.

— Тетка Наталья говорит, что после смерти одни люди попадают в рай, а другие в ад. Кто верит в бога, молится — тот в рай, а неверующие — все в ад. Она весь передний угол иконами заставила.

- И рай, и ад — все это люди выдумали.
- Почему ты знаешь?
- Ты тоже будешь знать, когда подрастешь.
- Выходит, что ты все знаешь? Тогда скажи, что будет через миллион лет?
- Этого никто не знает.
- И ученые не знают?
- Не знают и ученые.
- А самые-самые ученые?
- И те не знают.
- Какие же они ученые, если не знают?
- Недавно наука новое открытие сделала, — начал Петруха. — Открытие такое, когда один человек с другим может разговаривать на большом расстоянии. Ты, Витька, слышал об этом?
- Слышал. Радиотелеграфом называется.
- По проводам? — полюбопытствовал Колька.
- Без проводов, по эфиру. Я, предположим, в Горске, а ты здесь, и я тебе из Горска говорю.
- Какое же горло надо иметь, чтобы из Горска в Куклин Угол кричать?
- Обыкновенное. Все говорят спокойно в специальный аппарат, а тот передает звук на любое расстояние. Может даже в Москву и дальше.
- В разговор включился Ваня.
- В Горске я видел высокую мачту, а от нее проволока натянута — и это, говорят, радиотелеграф.
- Прилетел майский жук и начал кружить над головами. Витька спрыгнул с забора, стал махать кепкой и сбил жука, потом поднял и, положив на ладонь, сказал: “Вот, ребята, смотрите, тоже создание природы. Сам с ноготок, а что-то соображает, сложил крылышки, прижал лапки, притворился мертвым и хочет обмануть нас. Зачем ты нам нужен, жук майский, лети, куда летел”. Витька размахнулся и подбросил майского жука вверх.
- На дороге от леса послышался скрип колес.
- Что там за полуночники? — спросил Ваня.
- Какая-то женщина, тяжело дыша, толкала впереди себя двухколесную тачка с травой.
- Это бабка Оксинья. — догадался Петруха. — Она всегда по вечерам в лес ездит, накосит там травы в кустах и везет домой,

а на следующий день около своей избы сушит на солнце. Старуха живет только коровой, ничего у нее больше нет. Чтобы кормить корову зиму, много сена надо. Вот и мается все лето. А сил нет... Смотрите, в чем только душа держится.

Скрип колес все ближе и ближе.

— Ну-ка, Колька, отбрось жердь от забора, пусть проедет.

Старуха поравнялась с мальчишками.

— Спасибо, родной, что помог старому человеку. Чей ты? А... Это Натальин Колюшка, — узнала старуха. — Дай тебе бог здоровья, Колюшка...

Бабка Оксинья стала толкать свою тачку дальше.

— Плоха стала бабка, — заметил Ваня, провожая глазами удаляющуюся по дороге старуху, — а все еще работает. Что поделаешь, живет одна, помочь некому, вот и мучается.

— Скоро помрет. Она себе уже гроб приготовила. Гроб у нее на чердаке стоит, — сказал Колька.

Витька обнял Кольку, прижал к себе.

— Чудной ты парень. Гроб может простоять на чердаке у старухи еще лет десять, а есть и пить ей надо каждый день. Кто приготовит, если сама не сделает?

— Вот где бедность так бедность — это у Сидоровых, — опять вступил Колька. — Там вчера Кирюшка вместо хлеба дерьма коровьего наелся и весь день блевал.

— Какой Кирюшка?

— Кирюшка у них меньшей. Пять лет ему. Не знаешь ты, Витька, что ли? У Сидоровых два пацана и две девчонки. Они всегда голодные. Вчера вышел Мишка Мельников из дома, в руках кусок хлеба держит, посыпанный жженой солью. У Мельниковых хлеба много, сколько хочешь, столько и ешь. Кирюшка увидел у Мишки хлеб, подошел к нему и просит: “Миша, вынеси мне горбушечку маленькую, пожалуйста...”, а Мишка отломил от сухой лепешки коровьего дерьма кусок и сует ему — на, если съешь это, вынесу тебе хлеба. Кирюшка взял дерьмо и начал жевать. Мишка смотрит и смеется, а Кирюшку тошнить стало.

— Ну и подлец. А хлеб вынес? — спросил Витька.

— Вынес. Только Кирюшка его не взял. Сильно тошнило его тогда. Он на этот хлеб и смотреть не мог.

— Сколько Мишке Мельникову лет?

— Зимой восемь исполнилось.

— Отлупить бы его надо за это. Только мал.

Ребята замолчали.

Соловьи, соперничая друг с другом, продолжали оглашать окрестности переливчатыми трелями и свистом. Пели они у реки, и за рекой, и на опушке леса. Кажется, падали соловьиные трели с самого неба.

Размытая полоска розовой краски на горизонте сместилась к востоку и стала намного шире.

— Скоро утро, а завтра косить надо вставать. Пора, пожалуй, и домой подвигаться, — сказал Петруха.

— Теперь уже не завтра косить, а сегодня,— поправил кто-то.

Глава тринадцатая

Прошел год. Много за это время в ручьях и реках воды утекло. Второе лето игр ребячьих в отряде бойскаутов перевалило за половину.

В августе 1920 года бойскауты готовили спектакль. Подобрали пьесу “Великий коммунарь”, где рассказывалось о Джордано Бруно, ученом, замученном средневековой инквизицией, выписали роли и стали проводить репетиции.

Для репетиций собирались в школе три раза в неделю. В классе партами обозначали сцену, на сцену ставили стол, стулья и другое, что нужно было по ходу действия.

Руководила подготовкой спектакля учительница Серафима Никаноровна. Каждому артисту она указывала его место на сцене и строго следила за тем, чтобы артисты правильно повторяли за суфлером слова и походили на тот образ, что выведен был автором пьесы.

Как-то после репетиции, когда уже все собрались расходиться домой, Серафима Никаноровна, сдвинув со лба на глаза очки и внимательно посмотрев на бойскаутов, как бы между прочим спросила: “Вот о чем я часто думаю, ребята, почему вы бойскаутами себя называете?” Вопрос был задан как-то неожиданно. Ребята до того растерялись, что сразу и не поняли, о чем она хочет спросить их. “В Пахтино, — продолжала Серафима Никаноровна, — молодежь комсомольскую ячейку организовала. Там ребята комсомольские значки носят”.

Как только услышал про значки Колька Быков, сразу же загорелись у него глаза.

— Давайте. Ребята, переименуем название, — расплывшись в улыбке, сказал он, — будем называться и мы комсомольцами.

— Нельзя, — возразил Витька. — Одно дело бойскауты, а другое комсомольцы. В позапрошлом году я записался в Горске в Союз Молодежи. И на собраниях бывал не раз. Этот Союз потом переименовали, его и называют теперь комсомолом. Знаете, что это за организация? Это организация политическая.

Комсомол — первый помощник партии. Комсомольцы, которые постарше, едут на фронт, а другие, кто остается в тылу, являются толкачами к новой жизни.

— Что еще за толкачи такие? — спросил Шура Иванов.

— Толкачи — это те, которые проталкивают на местах все новое, обучают неграмотных, борются против религии, распространяют книги и газеты, помогают продотрядам отбирать хлеб у кулаков, чтобы кормить голодающих.

— Почему ты раньше не рассказывал нам ничего про комсомольцев и толкачей? — спросил Петруха. — Придумали каких-то бойскаутов...

— Я ничего не придумывал, — возразил Витька. — Это вы придумали бойскаутов и меня в эту игру затянули.

— Это я придумал бойскаутов, — сказал Копейкин. — Не хотите бойскаутами быть, можно и переделать. Если все согласны, давайте соберем собрание отряда и вынесем постановление, чтобы вступить всем в комсомол, в протоколе распишемся, а Витька снесет в Горск наше постановление и передаст кому надо. Он знает, кому отдать.

— А разве можно всем отрядом сразу? — спросил Петруха.

— Витька спросит.

— Мне не трудно, — согласился Витька. — Снесу я этот протокол и узнаю там, можно ли сразу всем отрядом вступить в комсомол.

* * *

Ребят в Горске поддержали, и через две недели в селе Кукулин Угол состоялось собрание сельской молодежи с участием представителя Горского Укома комсомола.

На собрание пришло человек сорок. Кроме бойскаутов пришли ребята из Подольново, Пантелеек, Перово и других деревень.

Проводили собрание в школе. Все собравшиеся сели за парты, а стол учителя отвели для президиума. Бойскаутов сразу видно было, они и держались вместе, и в президиум выдвинули своих — председателем Ивана Копейкина, а секретарем Шуру Иванова.

— На повестке дня один вопрос, — сказал Копейкин. — Об организации в селе комсомольской ячейки. Слово имеет представитель Укома.

К столу подошел белобрысый парень в очках и поношенной форме реального училища.

— Ребята здесь собрались активные, — начал он, — всем бы им прямая дорога в комсомол, но нашлись такие, что вместо комсомола подались в бойскауты. В отряде бойскаутов больше года ходили, а потом все же решили в комсомол вступать. Прислали в Уком заявление: “Мы, бойскауты села Куклин Угол, такой-то и такой-то, просим принять нас в комсомол”. В Укоме удивились. Бойскауты и вдруг в комсомол просятся, но все же решили проверить, что за отряд такой? Проверили и поняли, что ребята просто запутались, занимаются комсомольскими делами, а назвали себя бойскаутами. А знаете ли вы, кто такие бойскауты?

— Знаем, — ответил с председательского места Копейкин.

— Если знаешь, то выкладывай о бойскаутах, как понимаешь их, а я пока подожду.

Копейкин поднялся, отставил в сторону стул и уверенно сказал:

— Бойскауты — самые смелые, самые сильные и закаленные люди, они ничего не боятся.

— Здорово отчеканил. Но не сказал ты главного, чья это организация и за что она борется. Это знаешь?

Копейкин ничего не мог ответить на неожиданно поставленный перед ним вопрос. Кроме того, что сказал, он о бойскаутах ничего не знал.

— Значит, не знаешь? Тогда я тебе это скажу. Бойскауты — организация буржуазной молодежи, она борется за интересы буржуазных классов. Октябрьская революция в России уничтожила буржуазные классы и ликвидировала все буржуазные организации, заменила их организациями, способными строить новое общество — государство рабочих и крестьян. С бойскаутами нам не по пути.

“Это что-то новое”, — подумал Копейкин, смутившись, и сел на место.

— Мы этого о бойскаутах не знали! — крикнул Витька.

— Так вас и поняли в Укоме, — сказал представитель и продолжал. — У буржуазии — бойскауты, а у нас — комсомол. Комсомол — организация рабочего класса, она борется за его интересы и интересы беднейшего крестьянства. Лучшие сыны рабочих и крестьян сейчас на фронте отдают жизни свои за дело революции, а

те, что остались в тылу, силы свои должны отдать партии, чтобы помочь ей в строительстве новой жизни. Теперь всем вам ясна разница между бойскаутами и комсомолом?

— Поняли! Всем ясна! — закричали с мест.

Представитель снял очки, протер запотевшие стекла платком.

— Теперь пойдем дальше, — сказал он. — Бойскауты на своем собрании приняли решение вступить всем отрядом в комсомол и просили Уком принять их. Решение хорошее. Но прежде, чем вступить в комсомол, нужно этим ребятам уйти из отряда бойскаутов.

— Распустить отряд и все тут, — крикнул кто-то с задней парты.

— Это другое дело. Тогда это предложение надо проголосовать, — подсказал представитель.

— Поступило предложение распустить отряд бойскаутов, — сразу же поставил вопрос на голосование Копейкин. — Кто “за”?

— Подожди, не торопись, — остановил его представитель Укома. — На собрании присутствуют не только бойскауты, а о роспуске отряда могут решать вопрос только они.

— Понятно, — сообразил Копейкин, и тут же обратился к собранию. — Ребята, кто не был бойскаутом, тем руки не поднимать. Голосуют только бойскауты. Кто за то, чтобы отряд распустить? Против нет? Значит, отряд распущен.

Как только проголосовали за роспуск отряда. Представитель Укома тут же взял слово. Он сказал, что все бывшие бойскауты теперь могут считать себя комсомольцами. Уком рассмотрел их заявление и зарегистрировал организацию.

— Ура! — закричали в классе и захлопали в ладоши.

Уполномоченный продолжал:

— У нас, кроме бойскаутов, есть и другие ребята, которым бы тоже хотелось вступить в комсомол. Откроем и им дорогу. Каждый из вас, ребята, может подать заявление в комсомольскую ячейку. Эти заявления будут рассматриваться в индивидуальном порядке.

После этого он познакомил присутствующих с Уставом комсомола и призвал всех подавать заявления в организацию. На этом общее собрание молодежи закрыли.

Когда в классе остались только комсомольцы, открыли собрание комсомольской ячейки. На этом собрании выбрали

бюро и секретаря. Единогласно секретарем избрали Ивана Копейкина.

Здесь снова выступил представитель Укома. Он похвалил ребят за спортивную площадку, за то, что готовят спектакль, рекомендовал включиться в ликвидацию неграмотности. “Каждый комсомолец, — сказал он, — обязан обучить хотя бы одного неграмотного”. И в заключение потребовал, чтобы в ячейке была организована военная работа.

— Нам жить не дают бандиты, — сказал он. — В уезде всюду орудуют зеленые банды, они состоят из дезертиров и недобитых белогвардейцев, разбежавшихся по лесам после Ярославского мятежа. Недавно такая банда среди белого дня ворвалась в село Заковряжино и на сельской площади, на глазах у собравшихся крестьян, порубила шашками секретаря партийной ячейки и работников исполкома. Банды разоряют крестьян, уводят из деревень скот, сжигают посевы. Могут ли комсомольцы равнодушно смотреть на все это? Жизни своей не должны щадить комсомольцы в борьбе с бандитами! В каждой волости теперь из коммунистов и комсомольцев организованы отряды ЧОН. Знаете, что это такое?

— Не знаем, — отозвались ребята.

— Другими словами — это части особого назначения. В их задачу входит охрана сел от белобандитов. Вам тоже надо будет организовать такой отряд. Оружия пока не дадим, у нас его мало. И надо вам сперва научиться владеть им. Пожалуй, дадим вам на всех на первое время одну учебную винтовку. Чем сейчас должны заняться чоновцы? — продолжал представитель. — Чоновцы должны патрулировать селения, вести разведку, узнавать о появлении бандитов и немедленно сообщать о них в волостной штаб отряда. Придется выполнять и другие поручения командования.

Старшим по военной работе выбрали Петруху Голубкова и наказали ему, чтобы завтра же сходил в Горск за учебной винтовкой.

Приподнятое настроение ребят, получивших право называться комсомольцами, после комсомольского собрания неожиданно омрачилось. При сверке списка комсомольцев, утвержденных в составе организации Укомом, не оказалось Кольки Быкова. Представитель Укома вспомнил, что одному из бойскаутов было отказано в приеме по возрасту. Он только забыл

фамилию, пояснив при этом, что не принятому комсомольцу исполнилось лишь одиннадцать лет, а в комсомол принимают с четырнадцати.

Колька Быков, присутствовавший при этом разговоре, молчал и недоумевающее смотрел на ребят, пытаясь спрятать от них покрасневшее лицо и налитые слезами глаза. Казалось, еще минута и Колька расплачется.

Все комсомольцы поняли Колькино горе, и кто как смог стали успокаивать его. Уверяли Кольку, что будут приглашать его на все комсомольские собрания, будут давать ему комсомольские поручения, одним словом, будут считать его таким же комсомольцем. От этих слов на душе у Кольки стало как будто теплее, и горе его спряталось внутрь.

Глава четырнадцатая

Вскоре в село приехал дядя Миша, Колькин отец. Он вернулся с войны после госпиталя. Дядя Миша воевал на колчаковском фронте и приехал из Сибири калекой, без левой руки. Руку ему отрезали по ранению.

С приездом дяди Миши Колька взлетел на девятое небо, ходил сам не свой и гордился отцом безмерно.

Узнав, что ребята готовят спектакль, дядя Миша стал часто заходить в школу на репетиции, а после репетиций, уступая настойчивым просьбам комсомольцев, рассказывал им что-нибудь о войне.

— Дядя Миша, расскажи, как булочную с ситным у колчаковцев отбили, — начинал кто-нибудь.

— Отбивали, было такое дело, — ухмылялся дядя Миша. — А вы откуда про то знаете?

— Колька говорил. Расскажи, дядя Миша... — просили ребята.

Дядя Миша сворачивал толстую самокрутку из самосада, выбивал огнем искру, затягивался и начинал рассказ.

Было это дело на Урале. Продвигались тогда мы с боями. Обмундирование у красноармейцев, сами знаете, плохое, обувь, какая придется: у кого подметки к ботинкам веревками привязаны, у кого на ногах худые лапти с обмотками. Новое обмундирование в ту пору совсем не получали, а если и приходило что на часть, то не обмундирование, а одни слезы — пар десять ботинок, да шинелей штук сто на дивизию, не больше. А в дивизии народу знаете сколько? Тьма! Как тут делить?

Бывало, солдаты сами доставали для себя одежду. Пойдут в атаку, возьмут в плен батальон колчаковцев, а на тех шинельки первый сорт, английского сукна, ботинки тоже иностранного производства, ну и поменяются с ними обмундированием. Возвращаются обратно, а ребят и узнать нельзя, ушли рваные, а вернулись в новом с иголки. Бывало, конечно, когда и наших колчаковцы тоже раздевали.

Паек у красноармейцев, сами понимаете, не жирный, не раз и голодовать приходилось. Иной раз идешь в наступление, а в брюхе оркестр играет. И нет того хуже, когда обоз за частью не может поспеть. Часть твоя идет в наступление, а обоз отстает верст на тридцать. Не подают тебе ни снарядов, ни патронов, ни продовольствия.

Вот в такую-то кашу мы раз и попали недалеко от Златоуста. С боями, значит, прорвали линию белого фронта, и рванула наша дивизия далеко вперед, за два дня верст сто, а может и более. Бойцы ночь не спали, измученные, голодные... Сделали привал. Тут бы в самый раз и заправиться, а полевые кухни и обоз где-то там, и слыхом не слыхать, и видом не видать. Расположились, значит, на отдых. Расположились, а еда из головы не идет.

Местность перед нами открытая, кругом все хорошо видно. В ложине, верст за пять, небольшой городок — две церквушки да с десятков каменных домиков. Командир дивизии приказывает разведать тот город. И случилось, что в разведку назначают наш взвод. Человек двадцать что ли тогда было в нашем взводе, не помню.

Скрытно, по оврагам подошли мы к городишку. Вроде бы все в порядке, белых нигде не повстречали. Остановились на окраине городка. Командир взвода посылает меня с напарником в город. “Узнайте, — говорит, — есть ли там белые или же нет”. “Узнаем”, — говорим и пошли.

Пробираемся огородами, палисадниками и дворами, прошли без малого полгорода, а беляков нигде не повстречали. Дошли таким манером до площади базарной, спрятались за воротами одного дома, выглядываем оттуда, наблюдаем за площадью.

На площади, ребята, вроде никого нет, а у булочной, что напротив — толпа. Смотрим — солдаты, и с погонами. Эге, значит, белые! Их там немного, всего-то человек десять или пятнадцать, и все без оружия. Присматриваемся, что делают. Видим, выносят из булочной большие хлеба, а кто баранки связками, и так это свободно, через шею перебросят связку — и несут.

Я говорил вам, что мы больше суток не жрали. Как глянули на эти караваны ситного, так и остолбенели. С голодухи аж тошнить стало. “Ах вы, гады! — думаем. — Мы голодные, а вы

ситный жрете. Мы его вон сколько лет не видали, и какого цвету он забыли”.

Мой напарник шепчет: “Пойдем в атаку, браток, дадим “прикурить” белым гадам!” “Нет, — говорю, — постой, надо еще посмотреть, может, там которые из них с ружьями, нас могут уничтожить”.

Стоим и смотрим... Вроде никого больше на площади не видать, кроме тех колчаковцев, которые у булочной собрались. Напарник мой долго смотрел на эти хлебы, не выдержал пытки, выскочил из-за ворот, выстрелил, да как заорет на всю площадь: “Ура!” — и бросился бежать к булочной. Я — за ним, тоже “ура” кричу и стреляю. Мы еще и до булочной не добежали, а беляков с площади как ветром сдуло. Забежали мы в булочную и говорим булочнику: “Давай скорее по три хлеба!” И суем ему советские деньги, а тот смотрит на нас, как коза на новые ворота, и ничего понять не может. Потом догадался, что власть переменялась, и взял деньги. Забрали мы буханки и к своим. Прибыли на место и докладываем взводу: “Так, мол, и так, беляков в городе немного, а булочные хлебом белым и сушками торгуют”.

— В кого стреляли? — спрашивает.

— Там очередь у булочной из беляков стояла, так мы их пугнули.

Командир тут сразу и приказал взводу войти в город. А ребята, как увидели у нас хлеб, бросились к базарной площади, добежали до булочной и все в очередь встали.

Колчаковцы, что удрали от булочной, в то время отлеживались на огородах, а как увидели, что в город вошло красных мало, осмелели. Собрали побольше силы, да на нас в атаку. Видим, дело табак, беляков много стало, а нас только взвод, схватились мы, да из этого города давай бог ноги.

Когда убегли из города, вернулись в дивизию, докладываем командиру об обстановке: “В городе белые. Были маленькие стычки с ними у булочной из-за хлеба. Сначала мы их, потом они нас. Потерь нет, а хлеб достали”.

Посмеялся командир, и отбивать город у белых полк послал. Тот сразу всех белых гадов из города подчистую вымел.

Рассказы дяди Миши о войне увлекали ребят. Слушали они эти рассказы, не переводя дыхания. Рассказывал бы дядя Миша до утра, до утра бы слушали.

Окончил первый рассказ дядя Миша, и снова просьба:

— Еще расскажи чего-нибудь, дядя Миша.

Дядя Миша, прищурив глаза, ласково смотрел на ребятишек:

— Уезжал на войну, вы все еще малышами были, а теперь, смотри, как вымахали. Стали совсем взрослыми парнями. В комсомол записались. — Он сворачивал еще самокрутку и, уступая настойчивым просьбам, говорил:

— Слушайте другой рассказ. Служил со мной в одном полку солдат из Пошехонья. Солдата того Филькой звали. Мужичок невзрачный такой, Филимон настоящее-то его имя было.

Так вот, значит, служил с нами этот пошехонец, а пошехонцы, известно дело, недотепы. Слава о них такая идет. Они всегда чего-нибудь начудят. То толокно в реке разводить надумают, то корову на крышу сарая затащят, чтобы соломой кормить, то солнышко тушить поедут заместо пожара. Такой же чудак был и Филька наш. Чудак-чудак, а случилась с ним история первостатейная.

Было это после боя. Белых в ту пору мы здорово потрепали. И ихних, и наших в том бою полегло страсть сколько. Белые отошли. Филька в то время в трофейной команде служил. Как только бой кончался, Филькино дело было винтовки и патроны собирать.

И на этот раз Филька ходил промеж убитых. Наберет винтовок, составит их в козла, чтобы видно было и идет дальше. Таким манером он ходил-ходил по полю боя и далеко ушел от своих. Хватился покурить. Вынул кисет, свернул сигарку и шарит спички, а спичек нет. Думает, у кого бы прикурить, вроде близко и не видать никого. Решил, было, обратно идти к своим, но только видит невдалеке танк стоит. Пойду, думает Филька, к ребятам, которые танк водят, у них и прикурю. Подходит к танку, а у танка никого нет, и сам он, как мертвый. Значит внутри люди, думает Филька. Подошел вплотную к машине и давай прикладом о железо бить. “Товарищи, — кричит, — есть так кто живой? Дайте прикурить!” Только он сказал это самое слово “товарищи”, как танк ожил, смотрит — пулемет налаживают в его сторону. У Фильки душа в пятки, присел он у самого танка, а над головой “та-та-та-та”. Смекнул тогда Филька, что танк этот чужой, беяки в ем. Отбежать от танка нельзя, мигом срежут, а тут, где присел, пространство “мертвое”, не простреливается, пулемет не берет. Распластался брюхом по земле, ну,

думает, сейчас меня пригладит, как утюгом. А танк сделал два-три выхлопа, рванулся вперед, задрожал и замер. Через минуту у танка опять заработал мотор, и танк на месте кружиться стал. Что же это такое? — дивится Филька. Если он меня утюжить собирается, то надо бы ему сейчас с места двигаться, развернуться да и пойти сюда, где лежу, а он все кружит да кружит на одном месте. Присмотрелся Филька и видит, что работает у танка только одна гусеница, а другая перебита и по земле тащится. Тут Филька осмелел.

— Попались, гады! — кричит. Выбрал подходящий момент, запрыгнул на танк, приставил винтовку к люку. — Кто там есть живой? Сдавайся, белая сволочь!

А танк покружился-покружился да и застыл на месте, а люк не открывают. Филька стал бить прикладом о броню, потом смекнул, что танк ему одному ни за что не побороть и вверх стрелять стал, чтобы своих вызвать. Когда наши услышали стрельбу, прибежали к Фильке, спрашивают:

— Что тут у тебя?

— Вот я танк в плен взял, а белые дьяволы не выходят.

Солдаты пригрозили поджечь танк. Тогда только беляки и сдались. После того, как танк ослобонили от белых, Фильку качать стали. “Молодец, Филька! У белых танк отбил!”

Командир части, когда узнал про танк, приказал за геройство Фильке благодарность в приказе объявить и перед строем зачитать. Вот какое на фронте иногда бывает.

Рассказчик замолчал. Ребята тоже молчали и думали о подвиге красного солдата Фильки.

— А я так соображаю, — продолжал дядя Миша, — какой Филька герой? Повезло пошехонцу и все тут. Просто случай такой вышел...

Вот Степан Вострецов — так тот герой настоящий, не Фильке чета. Расскажу я вам сейчас про Вострецова, нашего геройского командира. Служил я в Петроградском полку. А почему наш полк Петроградским назывался, сейчас объясню.

Когда стала со всех сторон жать на нашу советскую республику международная и внутренняя буржуазия, Ленин позвал народ на защиту революции. Много тогда из разных городов рабочего класса стало подаваться в Красную Армию. Потянулись и из Питера. Наш полк в Питере начинался. Первыми пришли туда питерские рабочие с Путиловского завода, потом с

Выборгской стороны, так и пошло. С этих пор он и стал называться Петроградским полком, хоть потом и служили в нем не только петроградцы, но и ярославцы, и ивановцы, и костромичи, и чувашаи, и мордва — всякого народа было много. Командовал тем полком кузнец из-под Бирска Уфимской губернии Степан Вострецов. Еще в германскую войну за геройство свое он был произведен в полные георгиевские кавалеры.

Слава о нашем полку далеко впереди нас шла. Где заминка какая на фронте выйдет, говорят: “Вот бы Петроградцев сюда, показали бы они белякам, как питерские рабочие воюют”.

И случилось однажды такое дело. Шел наш полк маршем. Подошел к какому-то селу и наткнулся на белых. С ходу бросились в атаку. Беляки удара не ожидали, и началась у них паника. А когда у неприятеля паника, нам всегда легче. Полегло беляков тогда порядочно, но и убежало из села немало. Оставили тогда беляки в селе свой штаб с документами и обоз.

Стали читать документы. В бумагах было прописано, что стоял в этом селе колчаковский пехотный полк и что сюда вот-вот должно подойти подкрепление, еще один батальон, и командует этим батальоном штабс-капитан Горецкий.

Вострецов прочитал бумаги и приказал догонять убегающих из села колчаковцев, а сам с двумя ротами остался ждать прибывающий батальон Горецкого.

— Будем брать их без боя, — сказал командир. — Мы сделаем в селе колчаковцам прием как следует быть, — и приказал ротам спрятаться за дома, плетни и сараи.

Себя он обрядил в форму белогвардейского поручика, нацепил на грудь ордена и кресты разные, приказал переодеться белогвардейскими солдатами несколькими красноармейцам, после чего пошел с ними к околице встречать гостей.

Ждали недолго. Вскоре на дороге показалась колонна белых. Вышла она из леса и на опушке остановилась. В село идти, видно бояться. Послали вперед двух всадников — разведку.

— Господин поручик, — подъехав, спросил один из них у Вострецова, принимая его за своего, — мы недавно слышали артиллерийскую стрельбу, штабс-капитан послал узнать, все ли здесь в порядке?

— Тут мы красных немного потрепали, все в порядке теперь, можете заводить батальон в село, — ответил Вострецов. — Передайте штабс-капитану, чтобы поторопился, командир полка давно ждет его в штабе.

Конники поскакали обратно.

— Скажите ребятам, чтобы были в полной готовности,— послал предупредить засаду Вострецов.

Батальон белых оторвался от леса и двигался в направлении села. Впереди батальона на конях три всадника, один в форме штабс-капитана, другие — поручики.

— Господин поручик, скажите, пожалуйста, в каком доме размещается штаб полка?

— С кем имею честь разговаривать? — спросил Вострецов.

— Я командир батальона штабс-капитан Горецкий, — отрекомендовался тот.

— Вас-то мы и ждали, ваше благородие. Я командир Петроградского полка Красной армии Степан Вострецов.

Как громом поразило штабс-капитана.

— В чем дело? — растерянно спросил он.

— Дело в том, что вы в плену у красных. На вас направлены пулеметы из-за заборов. Не мешкайте и быстро слезайте с седел.

Штабс-капитан увидел, что из-за домов и заборов на них действительно направлены стволы винтовок и пулеметов и сразу же сник.

Разоружив офицеров, Вострецов подошел к штабс-капитану, взял его под руку и повел навстречу входящему в село батальону.

— Что скисли, ваше благородие? Держитесь веселее. Когда подойдет ваш батальон, прикажите ему сложить оружие. Если сделаете это, обещаю, что ни одной капли крови здесь пролито не будет. Все ваши солдаты и офицеры останутся живы и смогут вернуться домой к своим женам и детям. Если же поднимите шум, то первого убьют вас, да и из батальона вряд ли кому посчастливится уйти.

В это время батальон белых уже втягивался в село, его вел какой-то поручик. Увидев своего штабс-капитана, он подал команду:

— Батальон, стой! Смирно!

— Вольно! — командным тоном приказал Вострецов.

Услышав команду незнакомого им офицера, солдаты с недоумением смотрели на своего штабс-капитана и не знали, что же им делать.

— Поставьте в козлы у дороги винтовки, а сами отойдите в сторону, — на этот раз приказал им уже штабс-капитан. —

Батальон окружен засадой. Всякое сопротивление бесполезно. Господа офицеры, покажите пример своим подчиненным.

Беляки стали выполнять приказ командира.

Захватили мы тогда, ребята, больше четырехсот колчаковцев без единого выстрела. И все это благодаря хитроумной сметке нашего прославленного командира Степана Вострецова. Подумайте, если бы пришлось их боем громить, сколько бы напрасно жизней изничтожили, сколько бы детей осиротело?

Слушая рассказы дяди Миши, ребята ощущали войну, как реальное событие, которое было теперь не за тридевять земель в тридевяти царстве, а где-то совсем недалеко от них. Они гордились успехами Красной Армии, которая вела бои против угнетателей, за новую, свободную жизнь.

— Дядя Миша, — спросил тогда кто-то, — когда будет коммунизм?

Дядя Миша наморщил лоб, долго думал. — Лет этак через пятьдесят, а может и через сто. Наше дело отвоевывать право на жизнь, а вам, молодым, придется строить эту жизнь. Ее, может, еще вам и защищать придется.

“Буду обязательно военным”, — думал Витька. Своими мыслями он поделился с Копейкиным.

— До коммунизма еще может случиться не одна война, — сказал тот.

Тогда и договорились они пробиваться в Красную Армию.

Глава пятнадцатая

Занятия в школе второй ступени в том году начались вовремя и проходили организованно. Немного оставалось времени и до зимних каникул, когда можно будет встать на лыжи и кататься с гор. Лыжи Виктор соорудил себе еще летом. Он выстругал сырые осиновые доски, запарил их в котле, загнул концы и высушил. Лыжи были спрятаны в сенном сарае и ждали прибытия владельца.

Осенью, уезжая в Горск, он обещал ребятам обязательно приходить в село каждое воскресенье, но, уехав, позабыл об обещании и с тех пор не бывал в селе еще ни разу. Доходили слухи, что комсомольская ячейка работает хорошо, три раза в неделю собираются комсомольцы в школе, изучают политграмоту и разучивают новую пьесу.

Как-то во время большой школьной перемены Витьке крикнули, что внизу около лестницы его дожидается какой-то парень. “Кто бы это мог быть?” – подумал Виктор, и со всех ног бросился бежать к лестнице, прилег на перила, съехал по ним вниз и оказался рядом с Копейкиным.

– Наконец явился, – сказал тот, пожимая Витькину руку. – Здорово. Как учишься?

– Учусь средне, – нехотя ответил Виктор на формальный вопрос друга.

– Чего так? Ты не позорь нашу марку.

– Хватит наставлений. Что у тебя?

– Я к тебе по делу. Сегодня был в Укоме комсомола, сдавал там комсомольские взносы и случайно узнал, что из Губкома комсомола на уезд пришла разнарядка по набору комсомольцев на курсы красных командиров. Набирают на артиллерийские, военно-инженерные и пехотные курсы. Спросил там, можно ли нашей ячейке рассчитывать на два места. На одно место имел в виду тебя, а на второе себя. Секретарь выслушал, дал бумагу, сказал: “Пиши заявление”. Ну, я и написал. “Утверждать разнарядку, – сказал секретарь, – будем вечером на бюро”. Из Укома

я прямо к тебе и побежал. Не знаю, как ты на это дело посмотришь. Пропускать случай не надо. Такое бывает не часто.

— Конечно, не надо пропускать случай! Молодчина ты, Ванюха! — хлопнул друга по плечу Виктор. — Обязательно поедем. Только на какие курсы нам податься. Над этим ты думал?

— Думал. Поедем в Киев, на артиллерийские?

— Хорошо. Согласен. Сколько времени там учиться?

— Три года.

— Многовато. И это неплохо, три года проучимся, зато будем красными командирами.

Звонок извещал об окончании большой перемены.

— Уроки сейчас, — забеспокоился Виктор. — Ты когда ко мне зайдешь?

— Послезавтра. Специально в среду приеду в Уком, чтобы узнать, как они решили насчет нас.

— Передавай привет ребятам.

Возвращаясь домой после уроков, Витька думал о том, как он о своем намерении поехать учиться на курсы красных командиров расскажет тетке, и что из этого может выйти. Но все вышло как-то само собой. Разговор с тетей Катей он начал сразу же, как только снял пальто.

— Тетя, я хочу поехать на курсы красных командиров, — независимым тоном, заходя в комнату, заявил он.

— До этого еще долго ждать, — ответила та. — Надо тебе сначала школу закончить, а потом уж думать, где учиться дальше. Тебе еще вон сколько учиться во второй ступени надо. Поедешь на военные курсы, когда рак свистнет.

— Он наверно в среду свистнет, — хитро улыбнулся Витька.

— Почему именно в среду? — насторожилась тетя Катя.

— В Уком комсомола пришла разнарядка по набору комсомольцев на военные курсы. Наша комсомольская ячейка дала заявку на два места. В среду мы будем знать решение Укома.

— А кто второй?

— Ванюшка Копейкин. Он сегодня был у меня.

Тетя Катя покачала головой.

— Вас водой не разольешь с Копейкиным.

— Ни водой, ни огнем. Дружья до гроба! — желая подтвердить свою вечную дружбу с Копейкиным, рисуясь, произнес Виктор.

— И дураки оба.

— Почему же дураки?

— Не знаю, как Ванюшка, а что касается тебя, то ты форменный дурак. Не доучился в средней школе и куда-то бежишь из нее. Какой из тебя командир? Ты посмотри на себя. Без носового платка ходишь. Сморкаешься двумя пальцами. Фу! Командир должен быть подтянутый и подавать хорошие примеры другим.

— Прежде чем нас командирами назначат, нам еще учиться надо три года. За это время не только хорошим манерам выучимся, но бороды успеем отрастить.

— Тебе жить, уговаривать не буду, ты уже большой, делай, как хочешь.

Виктор не спал всю ночь, он все думал о том, как их дело решится в Укоме, удастся ли ему с Ванюшкой учиться на Киевских курсах. В среду от приехавшего в город Копейкина он узнал, что решение бюро Укома комсомола было положительным, и в назначенный предписанием день, получив в Укоме бумагу с круглой печатью в адрес Губкома, на товаропассажи́рском поезде, всегда переполненном и медленно ползущим, видимо за изнурительную езду и названным “Максим Горький”, они отбыли в Ярославль.

“Максим Горький” шел медленно, он подолгу задерживался на каждом полустанке. За окном вагона, куда ни поглядишь — всюду снежные поля. Редкие станционные домики утопают в сугробах, видны лишь только трубы, из которых валит дым. Это спозаранку везде топят печи, чтобы согреть деревянное жилье от зимней стужи. На станциях к входным дверям станционных построек в снегу прокопаны траншеи. Каждое утро здесь чистят снег деревянными лопатами и вновь прокапывают эти траншеи.

Вагон, в котором едут Виктор с Копейкиным, переполнен народом. А ребята нашли себе место. Они залезли на верхнюю полку и лежат там, вытянувшись во весь рост. Дымно. Пахнет доморощенным табаком, селедкой и еще чем-то ужасно вонючим.

— Ну-ка, браток, пододвинься немного, — оттирает Копейкин локтем какого-то верзилу, залезшего на верхнюю полку вслед за ребятами и навалившегося вместе со своим мешком на Ванюшку. Верзила что-то нечленораздельно бормочет, но все же чуть подвигается. Стало чуть-чуть свободней.

— Как ты без меня, Ванюшка, жил? Что у тебя было нового?

— Я теперь живу в Шеино, — ответил Ваня.

— К матери перебрался, помочь по хозяйству хочешь что ли? Надолго перебрался?

— Навсегда.

— Как навсегда? Это у тебя что-то новое в жизни.

— А так. Ушел я от Петра Степановича. Совсем ушел.

— Что-нибудь вышло?

— Нехорошо вышло. Обидел он меня крепко.

— Как обидел? Ты расскажи.

— Вышло так. Зашел как-то к Петру Степановичу сосед наш, дядя Анисим. Ты, поди, знаешь его. Плотник. Ну вот, зашел дядя Анисим, и повели они разговор о новой власти. Не по душе она им обоим пришлась. Толкуют, что неправильно, мол, новая власть поступила с помещиками, напрасно у них землю и скот отобрали. И еще насчет церквей. Церкви, мол, все разоряют, не власти, а грабители — да и только. Слушал я, слушал их разговоры, а потом и спрашиваю: “Кто грабители?” Петр Степанович нахмурился. “Не твоего ума, — говорит, — дело. Носом не вышел в разговоры вступать, когда старые люди между собой беседу ведут. Иди, гуляй”.

А я опять: “Может, — говорю, — грабители не народная власть, а грабителями помещики были, пока их не согнали с народной земли?” Видел бы ты, что тут получилось. Петр Степанович покраснел, как луковица, да на меня с кулаками. “Ах ты, — кричит, — сопляк! Сам приживальщиком который год у меня живешь, а туда же лезешь, о других судить. Уходи, негодяй, чтобы и духу твоего здесь больше не было!”

Мне обидно стало. Поднялся я с лавки и начал собирать пожитки. Петр Степанович замолчал и вышел с соседом на улицу. А тетка Пелагея — жена Петра Степановича, видит, что я собрался от них уходить, выхватила из рук котомку. “Куда ты, Ваня? Погорячился Петр Степанович, ты для нас все равно, как сын родной, куда тебе идти?” “Нет, — говорю, — спасибо вам за все ваши добрые дела. Но больше у вас не останусь ни на один день”. Выбежала она тогда на улицу и давай Петра Степановича звать: “Отец, иди скорее домой, уходит Ванюшка-то от нас!”

Вернулся Петр Степанович в избу, смотрит, как я собираюсь, и молчит. А тетка Пелагея к нему: “Поговори с Ванюшкой, ведь уйдет!” Петр Степанович подошел, похлопал меня по спине, говорит: “Погорячился я, Ваня, нехоршее слово тебе

сказал. Оставайся, будем жить, как и прежде...” “Нет, — говорю, — пойду к матери в Шеино”. Так вот и ушел от него.

В Ярославль поезд прибыл в полдень, остановился на Всполье. Справа от полотна железной дороги лежал пустырь, за ним — красные многоэтажные корпуса текстильной фабрики Корзинкина. Чтобы попасть в город, следовало идти в противоположную сторону от фабрики. Виктор раньше бывал в Ярославле с братом и помнил, что город начинался сразу же, как только выйдешь из здания вокзала станции Всполье. Раньше здесь останавливались трамваи, которые шли к центру.

Ваня Копейкин приехал в Ярославль первый раз и во всем полагался на Виктора. Виктор понимал это и даже немного гордился своей осведомленностью. Но стоило им выйти из вагона, как все планы Витьки, построенные по поводу того, как лучше добраться от вокзала до центра, сразу рухнули. Виктор не узнавал место. Старое здание вокзала было разрушено, на месте его стоял какой-то деревянный, сколоченный на скорую руку, тесовый барак, а дальше по направлению к городу, очень далеко, насколько мог схватить глаз, лежали руины каменных и деревянных строений. Виднелись церкви со сбитыми колокольнями и провалившимися куполами. Кое-где стояли закопченные белые колонны, когда-то поддерживавшие балконы и портики теперь разрушенных особняков.

“Это все мятеж! — подумал Виктор. — Что стало с городом, с его красивыми набережными, бульварами, с золотыми маковками старинных церквей, с удивительными орнаментами стен соборов?!” Он сказал Копейкину, желая видеть разрушения до конца:

— Я не знаю, где теперь останавливается трамвай. Не знаю и ходит ли он. Пойдем пешком. Здесь будет до центра версты четыре.

Пока шли первую половину пути, видели сплошь сожженные дома, разрушенные каменные ограды, остовы стен и израненные деревья. После стало попадаться все больше и больше уцелевших зданий. Когда подошли к центру, то заметили, что здесь разрушений меньше, разрушены главным образом церкви и колокольни, да еще сгорел Демидовский лицей. Виктор вспомнил, как рассказывали тогда, что колокольни служили мишенями для артиллерии красных, так как мятежники на колокольнях оборудовали пулеметные гнезда, которые не

позволяли рабочим отрядам, подавляющим мятеж, продвигаться к центру города.

Губком комсомола размещался в большом многоэтажном доме на центральной площади города. У входа в здание висело много разных вывесок. Здесь был и Губком РКП(б), и Губисполком, и Губоно, и Губстрах, и Губпродком, и еще множество других учреждений. Казалось, все административные учреждения губернии были собраны здесь.

Ребята вошли в здание и увидели, что, несмотря на большое количество учреждений, разместившихся в этом доме, добрая половина комнат пустует. В длинных коридорах гуляет ветер, кое-где по углам лежит снег, который надуло сюда через разбитые стекла пустующих комнат. Поднявшись по лестнице на четвертый этаж, разыскали Губком комсомола. В комнате топилась “буржуйка” с железными рукавами, выведенными в форточку, от чего было сравнительно тепло.

— Послушай, приятель, — обратился Виктор к сидевшему за столом и перебиравшему какие-то карточки рыжему парню, — где здесь вербуют комсомольцев на военные курсы?

— Вы откуда прибыли? — спросил рыжий.

— Из Горска.— Копейкин показал бумагу, полученную в Укоме.

Парень принял из рук Копейкина направление и стал записывать что-то в тетрадь.

— Из вашего Укома вчера еще трое приехало, — не отрывая головы от тетради, сказал он.

— Нас не касается, — ответил Виктор. — Наше направление только на двоих.

— Получите талоны на обед и ужин, — он вынул из ящика стола несколько квадратных картонок с губкомовской круглой печатью. — Обедать будете здесь, в столовой Губисполкома. После обеда идите в комнату пятьдесят третью к заведующему военным отделом. Там все и узнаете.

Ребятам не терпелось поскорее дойти до цели. Выйдя от рыжего, они сразу же стали разыскивать нужную им комнату.

Комната пятьдесят третья размещалась на том же этаже и была набита комсомольцами. Комсомольцы толпой обступили заведующего отделом. Тот что-то с жаром объяснял им. Витка с Копейкиным остановились посреди комнаты, потому что подойти ближе к заведующему отделом не было никакой возможности. Остановились и стали прислушиваться к доносив-

шемуся до них разговору. Довольно ясно долетали слова: “Нет больше мест! Понимаете, нет! Еще утром отдали все, что оставалось, рабочим текстильной фабрики. “Красному перекопу” полагалось шесть мест, а пришло с фабрики пятнадцать парней и все из добровольческих рабочих дружин, которые участвовали в подавлении белогвардейского мятежа. Разве могли им отказать?”

— А вы откуда прибыли? — спросил Виктора стоявший рядом парень.

— Из Горска.

— Здесь еще из Горского Укома приехали, — крикнул через головы товарищей спрашивавший их парень.

— Вот, пожалуйста. Сколько приехало? — спросил губкомовец.

— Двое.

— Талоны на обед получили?

— Получили.

— Тогда отправляйтесь обедать, а потом возвращайтесь домой. — По толпе прошел смех. — Что я могу сделать? — с жаром продолжал губкомовец, на этот раз обращаясь уже ко всем присутствующим в комнате. — Мы и так направлений на военные курсы выдали гораздо больше того, чем следовало. Вините не нас, а Укомы, они выдавали направления без учета возможностей и нашей разнарядки. Ростову полагалось три места, а прислали сюда двенадцать человек. Углич на пять мест прислал четырнадцать. Пошехонье на два — восемь. Больше ни одному Укому ни одного места не дам. Можете стоять здесь хоть всю ночь!

Комсомольцы выслушали губкомовца и опять загалдели.

— Дело наше кислое. Пойдем, Витька, в столовую, — сказал Копейкин.

Надежда наших героев поступить на военные курсы рухнула. Красная армия и связанная с ней романтика маячили где-то далеко на горизонте и казались теперь несбыточной мечтой.

Проглотив наскоро в столовой по тарелке чечевичной похлебки с полуфунтом эрзацхлеба, испеченного из картофеля, смешанного с овсяной мукой и льняным жмыхом, и запив все это теплым фруктовым чаем, ребята решили в Губком не возвращаться. Оставшееся время до отхода горского поезда договорились провести на улицах Ярославля.

— Не удалось поступить на военные курсы, жалко, но ведь не от нас и зависит, — сказал Витька, выходя из столовой.

— Конечно не от нас, — согласился Копейкин. — Но все же возвращаться домой, не солоно хлебавши, стыдно. Как теперь домой приедем? Наболтали раньше времени везде, что поехали учиться на красных командиров в Киев...

— Ты разве говорил, что мы с тобой на военные курсы поехали? Ребята знают?

— Все знают.

— Теперь засмеют...

Так рассуждали наши герои, направляясь на набережную Волги к знаменитой белой беседке с колоннами.

Глава шестнадцатая

Буржуазные газеты за границей плели о революции в России всякий вздор. Они изображали ее, как бунт черни, нашествие варваров — разрушителей цивилизации.

“...Нет предела, писали они, опасениям за будущее памятников русской культуры, где темные массы совершают не только подлые убийства, но и культурное самоубийство, в котором чувствуется какая-то дикая преднамеренность...”

Всемирно известный английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, только что вернувшийся в то время из России и не понявший ничего из того, что видел там, писал книгу “Россия во мгле”. В России же в то время светили миллионы огней. “Большевики губят цивилизацию!” — кричали за границей, а в это время председатель СНК В. И. Ленин подписывал постановление Совета Народных Комиссаров о сооружении на площадях городов России памятников великим деятелям социализма и культуры: Марксу и Энгельсу, Лассалю и Робеспьеру, Сен-Симону и Гарибальди, Роберту Оуэну и Софье Перовской, Ломоносову и Кибальчичу, Рублеву, Казакову, Мусоргскому и Шопену.

По-разному понимали цивилизацию пролетариат России и аристократы на Западе.

Цивилизация в представлении английских лордов — цилиндр, белые перчатки, стэк и прекрасная верховая лошадь для прогулок по уютным лондонским паркам. “У каждого порядочного человека, — говорили они, — должно быть десять-двенадцать костюмов”. Видимо, считая недостаточно порядочными тех, у кого не было этих двенадцати костюмов, и совсем непорядочными металлургов и шахтеров из Йоркшира и Южного Уэльса, изнемогающих от изнурительного труда и получающих нищенскую заработную плату.

К цивилизации относили и пробковый шлем плантаторов, предохраняющий от обжигающих лучей африканского солнца головы тех, кто расчищал природные богатства британских колоний, и совсем не считали за людей голодных и полуголодных аборигенов, работающих на этих плантациях.

Отстаивать такую “цивилизацию” и послали тогда в Россию свои экспедиционные корпуса капиталисты Англии, Франции, Америки и Японии. Они же щедро открыли сейфы для финансирования белогвардейских армий царских генералов: Колчака, Деникина и Врангеля.

Простые русские парни не носили в то время английских костюмов, они носили застегнутые на пять пуговиц ситцевые косоворотки и выцветшие солдатские гимнастерки с заплатами. Не у каждого школьного учителя был костюм и галстук.

“Над галстуком смеются в большевистской России, говорят, что он признак мещанства”, — писали тогда заграничные газеты. Неправду писали. Галстук никогда не был признаком мещанства. Галстук носил Ленин.

У миллионов мужчин России не было ни галстуков, ни костюмов, они имели по одной рубашке, и когда та стиралась, сидели голые, дожидались, когда высохнет. Это не было признаком низкой культуры, это был признак нужды и крайней бедности.

Все работали не покладая рук. Коммунисты и комсомольцы впереди — они посылались на самые трудные участки борьбы, и для каждого из них было законом не брать себе от общества больше того, что полагается другим. Они всегда принимали на себя самую тяжелую работу и ставили себя в самые трудные обстоятельства, чтобы служить примером самоотверженности и бескорыстия для окружающих.

Это были самые высокие человеческие идеи, и носителями этих идей были не только коммунисты и комсомольцы, но и все передовые люди страны советов, где только что свершилась пролетарская революция. Выражали эти идеи и прогрессивные люди в западных странах. “...Вот о чем я думаю очень часто в продолжение каждого дня, — писал в то время великий физик Альберт Эйнштейн. — Моя внешняя и внутренняя жизнь зависит от труда моих современников и предков. Я должен напрягать свои усилия, чтобы отдавать соответственно тому, что получаю. И я ощущаю необходимость вести самую простую жизнь, и у меня часто бывает тягостное сознание, что я беру от себе подобных больше необходимого...” “Без носков можно обойтись,— писал Эйнштейн, — одна кожаная куртка позволяет мне много лет обходиться без пиджаков...”

Эйнштейн был увлечен наукой, в ней заключалась вся его

жизнь. Такое же отношение к жизни воспитывалось и у всех советских людей, приступивших к строительству нового, еще невиданного общества, мечтавших о коммунизме. Это называлось пролетарской совестью, но в этом была и величайшая человеческая культура. За нее на Северном фронте, в обледенных лаптях, с думами о коммунизме сражались красные воины с английскими и американскими интервентами. Это ее на лезвиях своих сабель несли по Донским степям буденовцы!

Рабочей и крестьянской молодежи, вступившей в комсомол, недосуг было в то время думать о личном благополучии, головы их были заняты совсем другим, надо было отстаивать Революцию и строить новую жизнь.

Какая будет жизнь в будущем, никто не знал. Устраивали собрания и диспуты, спорили до хрипоты. “Дело вовсе не в галстуках, — говорили там, — и не в том, сколько у тебя будет костюмов, а в том, чтобы исключить навсегда в будущем обществе порабощение одного человека другим, чтобы сделать всех людей самоотверженными в труде, честными, справедливыми и скромными в быту”.

Глава семнадцатая

Стояли колючие зимние дни. Окна в школе села Куклин Угол до верхних перекладин высоких рам затягивались инеем, а внизу на стекле нарастала толстая корка льда.

Рано утром школьная сторожиха тетя Стеша топила печи, жаркие, еще пышущие синим пламенем угли перекрывала печными вьюшками, и тогда в школе теплело, а после того, как классы наполнялись шумными ушастыми и курносими ребятами, которые приносили с собой еще и домашнее тепло, постепенно начинали оттаивать рамы, и вода с подоконников тонкими струйками стекала на пол.

Из школьных окон теперь хорошо видны сугробы снега, палисадник и длинные ряды поленниц березовых дров.

Серафима Никаноровна проснулась ровно в семь. Поеживаясь от холода, она зажгла керосиновую лампу, накинула на себя вязанную из грубой шерсти домашнюю кофту, поправила постель, закрыв ее белым пикейным одеялом, и быстрыми шагами направилась в кухню к ручной мойке. В ручной мойке плавали мелкие пластинки льда. Это Стеша налила только что принесенной с реки воды. Воду она брала из проруби, которую затягивало за ночь льдом. Идя за водой, Стеша всегда захватывала с собой топор, чтобы сколоть лед.

После теплой постели страшно было бросать на лицо ледяную воду, но когда плеснула раз и два, лицо стало приятно жечь, и она сразу же почувствовала бодрость. Вытирая покрасневшие щеки полотняным полотенцем, вспомнила, что сегодня исполняется ровно тридцать лет с тех пор, как восемнадцатилетней девушкой, сразу же после окончания Горской женской гимназии, приехала в эту школу на должность сельского учителя.

“Господи, как быстро бежит время! Я же стала совсем старухой! А давно ли все было?”

Отец и мать не могли одобрить намерения молодой девушки ехать школьным учителем в какую-то дыру на грошовое жалование. Отец тогда в Горске вел бакалейную торговлю, и торговые

дела его шли успешно. Когда Сима окончила гимназию, в семье уже было негласно решено в тот же год ее выдать замуж. Был найден и жених — землемер уездного земства, молодой человек, недавно окончивший Казанский университет. Но когда мать осторожно, намеками, начала с дочерью разговор о замужестве, Сима широко открыла свои большие карие глаза и, с недоумением посмотрев в лицо матери, сказала:

— Мама, запомните навсегда, я не выйду замуж. Это решено давно и окончательно. Я пойду в народ и буду служить ему. Поеду в деревню, в медвежий угол учителем. Когда народ изнемогает от нужды, не время нам думать о личном счастье. Так мы условились в гимназии. Дали клятву...

Мать, а после и отец, пробовали отговаривать девушку, но Сима была непреклонной, твердо стояла на своем. Зная ее упрямый характер, вскоре разговор о замужестве прекратили.

— Это Чернышевский да Белинский с Некрасовым вскружили им головы. Ведь без малого половина женской гимназии так настроена, — сказал законоучитель гимназии, настоятель Горского собора отец Иоанн, когда Симин отец стал жаловаться ему на отказ дочери от замужества и намерении ее поехать в глухомань школьным учителем.

Симе удалось настоять на своем, и вскоре она получила назначение в Куклин Угол на должность учителя церковноприходской школы.

Через год после какой-то неудачной торговой сделки отец умер от разрыва сердца. Магазин, товары и имущество пошли с молотка за долги. Мать переехала к Симе и жила у нее два года, ранней же весной ушла и мать вслед за отцом. Похоронила ее Сима за белой оградой под черемухой, а на могиле разбила цветник. С тех пор, как мать ушла на сельское кладбище, не стало у Симы роднее места, чем это село.

О юбилейном дне Серафимы Никаноровны никто не знал. Ни коллеги, вместе с ней работающие в школе учителями, ни Стеша, ни ученики. Она не любила поздравлений и выражений к себе какого-то особого внимания, и то, что о юбилее ее никто не знает, приносило ей какое-то нравственное удовлетворение, скрытую радость.

Она стояла у окна, держала в руках мокрое полотенце и рассеянно смотрела на завьюженную школьную ограду и на дорогу, что проходила недалеко от школы. Мысли одна за другой

роились в голове. И неизвестно, сколько бы она простояла так, вспоминая прошлое, если бы не вывел ее из задумчивости вдруг закипевший на горячей плите чайник. Серафима Никаноровна вспомнила о том, что в школу скоро придут ученики, торопливо отнесла в свою комнату полотенце, захватила оттуда большую фарфоровую чашку — подарок матери и, вернувшись на кухню, стала пить чай.

Учительствуя в школе, Серафима Никаноровна по-своему понимала обязанности сельского учителя. “Как врач, давший клятву Гиппократа бескорыстно приходить на помощь больному везде, где есть в нем нужда, и ради спасения больного не щадить жизни своей, так и учитель, несущий народу знания, — думала она, — должен беззаветно служить делу народного просвещения”.

Почти каждый день Серафима Никаноровна после уроков шла в ближайшие деревни с книгой или газетами. На громкие читки стихов Некрасова или газеты “Русское слово”, где описывались острые дебаты в государственной думе, собиралось немало крестьян. Ее везде встречали приветливо, и в каждой избе крестьянской была она желанным гостем.

В ту зиму, когда Ярославский союз кооперативов, руководимый эсерами, решил провести в селе Куклин Угол трехмесячные кооперативный курсы для крестьян-общественников и организовать здесь сельскохозяйственное кооперативное товарищество, она ног под собою не чувствовала. Страшно обрадовалась тому, что курсы будут проводиться в школе, ходила по деревням, разъясняла крестьянам значение курсов, заполняла какие-то статистические бланки по определению экономики крестьянских хозяйств и вербовала на курсы слушателей.

С открытием курсов в село стали приезжать лекторы. С какими интересными людьми ей пришлось тогда познакомиться! Одним из приезжих был Михаил Михайлович Польшин — человек широко эрудированный и всесторонне одаренный. Он своими знаниями и умением держаться в обществе затмевал всех. Серафима Никаноровна преклонялась перед образованностью этого человека, она боялась себе признаться в том, но ей всегда казалось, что Польшин ей безумно нравится, и не только как умный и образованный человек, но... Но когда приходила такая мысль, она сразу же гнала ее от себя прочь, потому что Михаил Михайлович был человек семейный.

Когда по причине болезни в 1917 году Михаил Михайлович снова приехал в Куклин Угол и стал судить о событиях, она увидела в нем крупного общественного деятеля, чутко прислушивалась к каждому его слову и очень сожалела, что тот по состоянию здоровья не может принимать активного участия в бурно развивающихся революционных событиях. И только эсеровский мятеж в Ярославле, который привел к множеству бессмысленных человеческих жертв и разрушению старинного города, странное исчезновение Михаила Михайловича в дни мятежа из села, многое прояснили, отрезвили Серафиму Никаноровну, потушили ее восторги и нежные чувства к этому человеку. Теперь каждому невооруженным глазом видно было, что Михаил Михайлович, будучи эсером, состоял в заговоре против большевиков и стремился к свержению советской власти.

Серафима Никаноровна против большевиков ничего не имела. Декреты советов о конфискации помещичьих земель, о мире и передаче фабрик рабочим, совпадали с ее идеалами. Она видела, что большевики несут народу освобождение от власти капиталистов, помещиков и деревенских кулаков, открывают пути к просвещению народа, а потому, когда вспоминала о своих увлечениях Польшихиным, ей делалось как-то неудобно, стыдно за свою прошлую ошибку. И если при ней теперь почему-либо заходил разговор о Польшихине, она прятала глаза.

В последние годы она с головой ушла в общественную работу.

Клуба в селе не было, а тяга деревенской молодежи к культуре была невиданная.

Как-то комсомольцы пожаловались, что надо бы проводить политические занятия, но нет места, где можно было бы собираться, Серафима Никаноровна сразу же предложила свою комнату. Теперь устраивали там и политические занятия, на которых добросовестно штудировали политграмоту Коваленко — первый учебник для начинающих, проводили беседы на различные темы, обменивались взглядами по вновь прочитанным произведениям художественной литературы и делали многое другое. В школу на эти встречи приходили не только комсомольцы, но и все желающие приобщиться к культуре. Таким образом, комната Серафимы Никаноровны превратилась в клуб сельской молодежи.

Комната ее была просторна, как класс. Сама Серафима Никаноровна довольствовалась малым. У задней стены в комнате

стояла кровать. Здесь же была небольшая прикроватная тумбочка, в которой хранились разные мелочи: аптечка, столовая и чайная посуда, белье, носовые платки и даже продукты. В углу располагались деревянные полочки с книгами, на стене отрывной календарь и приколотые канцелярскими кнопками небольшие, размером в почтовую открытку портреты Белинского, Гоголя, Льва Толстого, Пушкина, Некрасова, Лермонтова и Достоевского. Все же остальное пространство комнаты отдавалось молодежи для их собраний.

Здесь стояли два длинных, вместе составленных стола, большой деревянный диван с надломленными ножками и около десятка стульев с гнутыми спинками. Когда собиралось много людей и мебели не хватало, приносили скамейки из кухни и классов.

Живя в городе, Витька часто думал о том, чем заняты сейчас ребята в селе. “Наверно собираются в школе и спорят по разным вопросам”, — думал он.

Как-то раз, просматривая газету “Наш путь”, которая выходила в Горске на серой оберточной бумаге два раза в неделю, он наткнулся на одно любопытное стихотворение. Стихи были названы программой футуристов и публиковались по инициативе местного Пролеткульта. Идея их была прямо противоположной тем взглядам на культуру, которые складывались на беседах у Серафимы Никаноровны. Виктор много не думал о том, что скрывалось за этой программой, но, обнаружив резкое противоречие во взглядах на один и тот же предмет, решил прочитать их на одном из собраний кружка. Газету он припрятал, желая сохранить ее до зимних каникул.

В дни каникул, вернувшись в село, он в тот же вечер направился в школу. В школе в тот вечер былолюдно. Для чего-то серьезного собрались, подумал Виктор, открывая двери в комнату Серафимы Никаноровны и замечая там много людей.

— Внимание! Красный командир прибыл! — увидев Витьку, насторожил всех шуткой Петруха Голубков.

— Смирно! — поднимаясь во весь рост и вытягивая руки по швам, командовал Егор Рачков, а потом к Витьке, давась от смеха:

— Товарищ командир, как поживают Киевские артиллерийские курсы?

— Чего на меня навалились? Известно же, чем кончились наши дела с военными курсами, — парировал наступление Витька.

Поздоровался с каждым за руку. — А где Ваня?

— Он сегодня не пришел, а то бы вы вместе и доложили нам о своей поездке в Ярославль, — продолжал шутить Рачков.

— Тише, ребята! Сегодня у нас нет времени Торопова доклады слушать. Есть дела важнее, — перебила шутки Серафима Никаноровна. — Пора начинать обсуждение романа Чернышевского “Что делать?” Все прочитали книгу?

В комнате воцарилось молчание. Потом кто-то неуверенно сказал:

— Прочитали. Наверно все прочитали.

— Нет не все. Я не прочитал, — заявил Иванов Шура.

— Я тоже не читала, — присоединилась Тина.

— Книгу трудно достать, — выкрикнул еще кто-то.

— Хорошо, все ясно. Тогда будем обсуждать эту книгу с теми, кто успел ее прочитать, а остальные пусть слушают, — заключила Серафима Никаноровна.

— Сначала выясним, — продолжала она, — чем замечателен этот роман Чернышевского, и какие вопросы он ставит перед обществом? Кто храбрый, кто будет начинать?

Никто начинать не хотел. Молчание длилось минуты три.

— Давай, Торопов, говори, — подтолкнул Витьку Петруха.

— Я по литературе имею отметку “плохо”, — сострил Витька.

— Так кто же будет говорить? — снова спросила Серафима Никаноровна.

— Дайте, попробую, — попросил слова Егор Рачков. И сразу же начал. — Чернышевский написал роман этот для того, чтобы показать людям, как жить надо. В романе рассказывается, как Вера Павловна организовала женскую артель, и всем работницам жилось в этой артели намного лучше, чем у частника. Чернышевский проводит мысль о том, что частное предпринимательство надо заменить кооперацией, и чтобы взаимоотношения людей там строились на доверии и взаимопомощи.

Серафима Никаноровна во время выступления Рачкова утвердительно кивала головой, показывая свое согласие с ним. Когда Рачков кончил, поднял руку Голубков.

— Говори, Петя, — сказала она.

— Читал я эту книгу, и не во всем согласен с автором. Особенно насчет любви. Тут не разберешь у него, что и получается. Полюбила Вера Павловна хорошего человека. Этого... Как его...

— Лопухова, — подсказал кто-то.

— Да, Лопухова. Поженились, значит, они и живут в полном согласии. Хорошо живут. Живут так, что дай бог каждому. Прошло какое-то время, и встретился Вере Павловне другой человек — Кирсанов. Тоже хороший. Но кажется он ей краше первого. Полюбила и этого. По добровольному, значит, согласие расходуется с первым и сходится со вторым. Чтобы не мешать ихней любви Лопухов уходит. Думаю, что неправильно это. Нельзя так. Так в жизни не бывает, и быть не может. Допустим, что так случилось. Что же дальше? А дальше, может, через год или два Вера Павловна встретит третьего. Будет у них любовь еще краше. Что же получается? Теперь Кирсанову надо топиться? А где семья? По-моему так: нельзя брак связывать цепями на всю жизнь, как делает это церковь. Иногда эти цепи рвать надо. Если жизнь не ладится, чтобы каждый имел возможность уйти от другого. Но если вышел в семье какой-то небольшой разлад, то постарайся жизнь наладить. А еще пуще, если есть дети. Надо не столько о себе думать, сколько о детях.

Потянулись вверх руки.

— Я не согласен! — выкрикнул Шура Иванов.

— Я тоже не согласна. Голубков книгу не понял, — раздался писклявый девичий голос.

— Петруха все понял и все правильно сказал, — одобрил Витька. — Я с ним вполне согласен.

— Подумайте над этим еще раз, ребята, а на следующем занятии мы продолжим разговор, — заключила Серафима Никаноровна. — А кто не прочитал, пусть за это время прочтут книгу.

— Можно вопрос? — подняла руку Тина.

— Что ты хочешь спросить, Тина?

— Серафима Никаноровна, скажите, ревность при коммунизме будет?

— Ревность всегда будет, потому что ревность в каждом из нас чувство врожденное, — раздался голос Рачкова.

— Ревность — это хорошо или плохо? — допытывалась Тина.

— Я думаю, Тина, что это хорошо и в то же самое время плохо. Безумная ревность, отчаянная, как у Отелло, — это плохо. Вы знаете, чем она кончилась. Но ведь и любви без ревности не бывает.

— С ревностью понятно. А совесть? — спросил Голубков.

У Серафимы Никаноровны вспыхнули глаза.

— Мне кажется, что нет на земле человека более замечательного

дара, чем совесть. Совестью каждый из нас оценивает свои поступки, и это отличает человека от животного. Чем выше сознание совести, тем благороднее человек. Рядом с нами есть разные люди. Ходят по земле и бессовестные. Их много. Это спекулянты, взяточники, воры и другие подлецы. Достоевский говорил, что среди подлецов есть люди, убежденные в том, что их подлость — высочайшее благородство. Один из таких подлецов утверждал, что когда он будет богатым, его самым высоким наслаждением будет кормить хлебом и мясом собак, когда дети бедных будут умирать с голоду, а когда им согреться негде будет, он купит дровяной склад, сложит дрова в поле и вытопит поле. Совесть, ребята, поднимает человека и облагораживает его. Надо всячески уважать и развивать такие удивительные свойства людей, как совесть и стыд.

— А стыд долой! — то ли всерьез, то ли в шутку выкрикнул Витька. Все повернулись к нему лицом. Серафима Никаноровна нервно спустила со лба очки и стала своими большими карими глазами выразительно смотреть на Виктора, как на нарушителя дисциплины и дезорганизатора порядка.

— Чему вы удивляетесь? — стараясь оправдаться, спросил Виктор. — Это не я выдумал. В Москве общество есть. Оно так и называется “Общество долой стыд!” Члены общества, чтобы показать свое пренебрежение к сложившейся буржуазной морали, снимают с себя одежду, перебрасывают через плечо широкую ленту с надписью: “Долой стыд!” и шагают по московским улицам. Правда, это в Москве не поощряется, их ловят и ведут в милицию, как нарушителей общественного порядка, но они упираются, не хотят идти в милицию, жалуются на то, что им отказывают в свободе.

Ребята засмеялись.

— Я слышала об этом, — подтвердила Серафима Никаноровна слова Виктора и продолжала: — Стыд — это такой же удивительный дар, как и совесть. Эти два чувства у человека всегда рядом. Стыд контролирует совесть. Чувство стыда человек испытывает в том случае, когда поступает против совести. Конечно, есть люди разные. Есть люди грубые, у которых эти чувства не развиты или заглохли. В жизни мы встречаем самых разных людей. Я говорю об идеале. В идеале стыд и совесть должны двигать всеми людьми. Я всегда с большим уважением отношусь к тем людям, которые не могут лгать, которые краснеют, когда

говорят неправду, и, наоборот, не люблю людей, утративших чувство стыда.

Вместе с тем, есть у человека еще одно, еще более удивительное чувство — любовь. Любовь движет миром и облагораживает каждого человека. Любовь — спутник величайших открытий науки и шедевров искусства. Об этом прекрасном чувстве написана масса книг, создано множество легенд и песен. О нем писали в своих романах Лев Толстой, Тургенев и Достоевский. Его воспевали в стихах Пушкин и Лермонтов. Чтобы глубже познать мир, каждому из вас надо как можно больше читать. Все великие, гуманные идеи находим мы в классике русской и мировой литературы, в величайших творениях классической живописи, скульптуры. Как можно больше читайте классику...

— Вы безнадежно отстали от жизни, Серафима Никаноровна, — перебил Виктор. — Недавно в Горской газете “Наш путь” были опубликованы стихи, где совсем другое о классике сказано. Да это и не только стихи, это программа пролетарского искусства будущего. Хотите послушать? — и, не дождавшись ответа, он вытащил из кармана Горскую газету, развернул ее и, громко отчеканивая каждое слово, прочел следующее:

Будущее ищем,
Исходили версты торцов.
А сами
Расселились кладбищем,
Придавленные плитами дворцов.
Белогвардейца
Найдете и — к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Туда динамиты!
Выстроили пушки на опушке.
Глухи к белогвардейской ласке.
А почему не атакован Пушкин?
А прочие...
Генералы классики?
Или
Зуб революции ступился о короны?
Дым развеите над зимним —
Фабрики макаронной!

Это было подобно удару по голове. Ребята не могли собраться с мыслями. Ведь здесь же все наоборот! Они молчали и смотрели то на Витьку, то на Серафиму Никаноровну. Первой нарушила молчание Серафима Никаноровна.

— Это совсем не новость. Я читала эти стихи, — громко сказала он, зло посмотрев на Виктора. — И футуристы, и Пролеткульт со своими идеями пролетарской культуры делают совсем не то! — Движения ее стали резкими. — Подождите, я сейчас принесу, — поднялась с места и быстрыми шагами направилась к прикроватной тумбочке. Там, на книжной полке что-то искала, быстро-быстро перебирая книги. Потом нашла томик Толстого, вынула из него синюю ученическую тетрадку и вернулась к столу.

— Это я выписала из речи Ленина. — Надвинула на глаза очки и подошла ближе к лампе. — Слушайте, что он говорил о пролетарской культуре. “Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, — читала она, — не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знаний, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, чиновничьего общества...” Вот как Ленин представляет себе пути для движения общества к новой культуре. Не надо отрицать старое искусство и старую литературу, а надо бережно отбирать из нее все, что годится для построения нового мира. — Она от волнения покраснела, на смуглых щеках ее проявились белые пятна. Резким движением руки она сунула тетрадку опять в томик Толстого и с силой захлопнула его.

— Попал пальцем в небо, Витюха, — похлопал Виктора по спине Рачков. — Убери ты свою газету и больше никому не показывай.

— Я же пошутил.

— Такими вещами не надо шутить, Витя, — заметно успокоившись, сказала Серафима Никаноровна.

— Зачем же печатают такой вздор? — сказал Виктор в свое оправдание.

— Это не вздор. Сейчас много спорят о будущем. Ищут пути к нему. И нередко высказывают такие взгляды на будущее нашей культуры, от которых уши вянут. Но “на каждый роток не накинешь платок”, говорит русская пословица.

После они еще долго сидели в комнате, обсуждая очередные дела. Выйдя победителем в споре, Серафима Никаноровна на этот раз была особенно словоохотлива.

— Хотите, я вас окрошкой накормлю? — спросила она под конец беседы. — Сегодня я сделала замечательную окрошку, уверена, что вы такой никогда не едали. Там у меня есть и картофель, и редька, и лук, и хлебный квас. И не беспокойтесь, пожалуйста, окрошки много, всем хватит.

— Спасибо, время позднее, пора и домой отправляться, — выражая общее мнение, сказал Голубков.

— Окрошку мы у вас в следующий раз съедим, — поднимаясь со стула, заявил Виктор. — А за стихи на меня не обижайтесь. Я прочитал их для проветривания мозгов.

— Оставайтесь сейчас есть окрошку, потому что следующего раза может и не быть. Не упускайте случая.

— Спасибо, Серафима Никаноровна. Не уговаривайте, есть окрошку не будем.

Ребята попрощались и направились к двери, где при входе, на длинной скамейке были сложены их пальто, полушубки, косынки и шапки.

Глава восемнадцатая

Шли годы. Годами деревня не получала от города промышленных товаров и привыкла обходиться без них. Везде теперь сеяли лен, пряли и ткали. Мужики носили домотканые рубахи, такие же портки, а бабы домотканые юбки и кофты.

Холсты и льняное полотно, чтобы не было марко, красили настоем ольховой коры. Сами выделывали кожи, сами шили себе сапоги. Огниво с трутом заменило спички, фабричную махорку фабрики Дунаева – самосад, а царскую сорокоградусную водку – шестидесятиградусный самогон.

На крестьянских огородах, как лопухи, теперь росли невиданные здесь ранее табачные листья. Сами гнали из бересты деготь, сами в деревенских кузницах ковали подковы, гвозди, делали бороны и лемеха для плугов.

Кажется, научились делать все. Даже сладкие соки научились извлекать из неведомой здесь ранее сахарной свеклы. Не было только соли. Как ни ломали головы, но соль заменить ничем не могли, а добывать ее тоже не с руки, не было близко ни синего моря, ни соляных варниц. Приходилось отдавать фабричным рабочим за стакан соли три десятка яиц. И отдавали охотно, только бы найти, где меняют. Соль в Горск изредка привозили из Ярославля, ее там выдавали рабочим по карточкам, выдавали редко и мало. И вдруг соль резко упала в цене.

Бурили в Ярославле на “Красном перекопе” скважину, искали питьевую воду. Питьевой воды не нашли, а из скважины ударил фонтан соленой воды. Попробовали выпаривать. Из ведра рассола вышло четверть ведра соли. Обрадовались ткачихи, всплеснули руками: “Бабоньки! Мы теперь к нашему голодному пайку, какую добавку иметь можем!” Схватили ведра и к фонтану бегом. А фонтан заарканили, заключили его в гнутую трубу, а около трубы охрану поставили.

Ткачихи шум подняли. Вмешался профсоюз. Раздали талоны – по четыре ведра соленой воды на семьи и не более.

* * *

Война отступила. В Горске сняли осадное положение и открыли кинематограф. Восстановили электростанцию и на городской площади зажглись четыре фонаря. Дали ток и в две городские школы, в больницу и уездный исполком. Электродвигатель работал с ужасно сильными, подобно выстрелам, выхлопами и часто останавливался. Когда останавливался электродвигатель, повсюду гас свет. В кинематографе подолгу сидели в темноте, дожидаясь продолжения сеанса.

Около кинематографа выставлено два огромных фанерных щита. На их извещение об идущих картинах.

На одном:
СЕГОДНЯ
Американский фильм
ДЛИННОНОГИЙ ДЯДЮШКА
С участием Мэри Пикфорд

На другом:
СКОРО
МЕДВЕЖЬЯ СВАДЬБА
По сценарию А. В. Луначарского

В газетах опубликован декрет об отмене продрозверстки и замене ее сельскохозяйственным налогом. Излишки крестьянам разрешали продавать на рынке. Вводилась НЭП.

Излишков негусто, но все же ожил рынок. Сначала в обмен на сметану и масло — спички и керосин. За пуд ржи — яловые сапоги. За другой пуд — кашемировый платок и ситцу на юбку. Появилась в продаже всякая всячина: ножи, топоры, ложки и зажигалки. Их мастерили в цехах заводов, а в базарный день выносили на рынок.

После пошла торговля на миллионы. Название упростили — миллионы называли лимонами. Коробок спичек — пять тысяч. Галифе — три лимона. Пальто буржуйское поношенное — двадцать лимонов.

Опытные торгаши, те, которые до революции какое-нибудь торговое дело имели, сначала присматривались, примерялись, прицеливались, а когда поняли, что НЭП надолго, как в весенний паводок прорвало плотину. Потекло тогда на рынок все:

сусальные пряники из ржаной муки, белые калачи из картошки с небольшой добавкой муки, такие же сушки, фруктовые воды на сахарине. Появились и настоящие довоенные папиросы в коробках “Зефир” и “Осман” с золочеными оттисками на мундштуках и красивыми картинками на коробках, монпансье в жестяных банках, шоколад “Миньон” и “Эйнем” в плитках, пачки натурального китайского чая. Все это раньше было надежно укрыто и годами хранилось на чердаках и в подвалах. Теперь настала свобода частного предпринимательства, можно и потрясти тайниками.

Недалеко от базарной площади открылась лавка потребительской кооперации, в ней: деготь, грабли, деревянные лопаты, веревки, гвозди, часы-ходики и папиросы “Смычка”. На пачке папирос рисунок — безбородый рабочий с молотом пожимает руку бородатому крестьянину с серпом.

За все мелочи надо платить миллионами. От бумажных денег оттопыриваются карманы. Кое-где бумажными деньгами оклеивают стены вместо обоев — красиво и дешево.

Выпустили червонец — кредитный билет Государственного банка, обеспеченный золотом.

У Уездного отделения Государственного банка вывесили две доски. На одной из них нарисовали червонец, на другой показан курс червонца на сегодняшний день. Каждый день меняется сумма старых денег в миллионах рублей, равная одному червонцу. Червонец только красуется на доске у банка, а в натуральном виде его еще никто не видел.

Бумажные деньги катастрофически обесцениваются. Они жгут руки. Каждый старается сбросить эти деньги в тот же день, как получил, заменить их товарами. Такое длится полтора года. Через полтора года Государственный банк обменял старые деньги на червонцы и разменную монету.

* * *

Апрель 1922 года был необыкновенно теплым. Еще в середине марта на улицах города прочно лежал снег, а потом как-то быстро согнало его, и к середине поста установилась солнечная и теплая погода с южными ветрами и чуть пахнувшими еще сыростью от сохранившегося в низких местах снега вечерами.

Полопались почки на деревьях. Березы стали покрываться нежной зеленью.

Удивительно красивым был в это время вид города с Горушки. Горушкой называли высокий холм с западной стороны города, покрытый сосновой рощей. Город стоял на другом холме — восточном, а между ними пролегалла лощина. Вот с этой-то Горушки весь город виден был, как на ладони, со всеми его одноэтажными домами, зелеными, красными, серыми крышами, с прямыми улицами, с городскими соборами и многочисленными церквями, с железнодорожной станцией и водокачкой.

После долгих, суровых и тревожных лет грязный Горск теперь прихорашивался и отмывался. Людям надоело жить кое-как. Весна вдохнула в них новые силы и озарила надеждами.

С улиц убирала битое стекло и куски отвалившейся штукатурки, кирпичи и ржавое железо. Чинили деревянные тротуары. Старые гнилые доски заменяли свежими, только что распиленными и потому еще пахнущими смолой. Белили пятиглавый собор, торговые ряды, школы и больницы. Кое-где красили железные крыши домов, подновляли резные наличники, вставляли стекла.

Около базарной площади открыли чайную и Дом крестьянина с заезжим двором. Над чайной повесили вывеску, на вывеске нарисовали кипящий самовар, связку сушек и огромный чайник.

В Горске жить стало чуть полегче, а в стране еще голод. Засуха поразила 35 губерний. Особенно голодно на Среднем и Нижнем Поволжье.

Глава девятнадцатая

Жизненный путь человека не предопределен ему при рождении, как об этом говорят гадалки, всматриваясь в “линии жизни” на ладони. Судьба человека не рождается вместе с ним, а зависит от множества случайностей, вытекающих из судеб человечества, наций и государств. Каждый человек при рождении попадает в круговорот общественных отношений. Свершаются войны и революции. Как вихри поднимают в пустыне песок, кружат песчинки и бросают их, так же войны и революции срывают миллионы людей с обжитых ими мест, сталкивают одних и разъединяют других.

В этом вихревом движении пути людей сходятся и расходятся, иные идут вместе, другие же, не успев соединиться, снова разлетаются в стороны, чтобы больше никогда не сойтись.

По этому, вероятно, закону вещей встретились и на некоторое время соединились и жизненные пути кузнеца Киевского завода “Арсенал” Петра Будилова и ученика Горской школы второй ступени Виктора Торопова.

Будилов — человек немолодой, получил образование в тюрьме и солдатчине еще задолго до революции. Витька же в то время последний год учился в школе второй ступени.

Вскоре после Японской войны призвали Будилова на действительную военную службу. Три года прослужил он в Сибирском пехотном полку, срок выслужил, а перед тем, как ехать домой, случай у него вышел, хотел заступиться за молодого солдата и бросился со штыком на офицера. Заколоть не заколол, а в тюрьму угодил. Приговорили его тогда за покушение на жизнь офицера к пяти годам каторжной тюрьмы.

Только отбыл наказание, как началась первая империалистическая война. И дома-то побыл не больше месяца. Недели на него снова солдатскую шинель и послали на Западный фронт.

Воевал хорошо. Много раз ходил в разведку, участвовал в боях. За смелость и мужество три раза награждался георгиевским

крестом. На фронте сошелся с большевиками, читал “Окопную правду”, здесь же вступил в партию.

После февральской революции выбрали его на митинге в солдатский комитет полка, а через два месяца уехал с фронта по болезни и жил полгода дома.

Когда началась Гражданская война, снова пошел на фронт. Бился с колчаковцами, а после с врангелевцами. По ранению осколком снаряда в грудь оказался в военном госпитале в Ярославле. Думал — конец. Нет, выжил.

Из госпиталя снова пошел в военкомат. Хочу, говорит, поехать драться с белополяками. Послали на врачебную комиссию. Повертели доктора так и этак, послушали через трубку, говорят: “Отвоевал свое, поезжай домой, в армию не годишься”.

— Не гожусь! — рявкнул так, что зазвенели на столе пузырьки. — Белополяки к Киеву рвутся, а я не гожусь? Пойду до секретаря губкома!

В губкоме не поддержали. Выслушал жалобу секретаря, сказал:

— Не горюй. С белополяками и без тебя управятся, ты свое отвоевал, в тылу тоже кадры нужны, пора налаживать мирную жизнь. Кем в армии воевал?

— Комиссаром полка.

— Нам таких надо. Будешь заниматься народным просвещением, открывать клубы, народные дома, библиотеки. Организуешь работу по ликбезу. Пошлем тебя работать в Уездный политпросвет, заведующим. Семья большая?

— Семья в Киеве. Отец старик, жинка и двое диток.

— Съездишь на место, приглядишься, а потом в Киев махнешь за семьей.

Так Петр Гаврилович Будиллов оказался в Горске в должности заведующего Уполитпросветом.

* * *

На третий день пасхи, когда во всех церквях города звонили в колокола, Будиллов ходил по городской площади и смотрел на ярмарочное гулянье.

В этот день в Горске развернулась городская ярмарка. За одну ночь было построено много полотняных палаток, в которых торговали семечками, орехами, разными сладостями и безделушками.

Под звуки саратовской гармошки с колокольчиками, сверкая на солнце свежеекрашенными деревянными конями, медведями, слонами, возками и велосипедами, крутилась карусель. Вверху над каруселью раскачивался стеклярус, лучи солнца переливались в его стеклянных гранях. Недалеко стоял балаган. Афиши приглашали смотреть недавно прибывшего из Индии волшебника.

Площадь была заполнена всякими звуками. Свистели свистульки, играли губные гармошки, звенели колокольчики. Какой-то мальчишка, одетый в костюм Арлекина, зазывал публику на новое представление балагана.

На этом веселом праздничном гулянье среди публики был и Витька Торопов. Он ходил по площади, всматривался в просветлевшие лица людей и думал: “Как много переменялось с тех пор, когда люди прятались по домам, боялись показаться на улице, теперь же их и узнать нельзя, стали веселыми и жизнерадостными”. Он остановился около попугая, вытаскивающего из ящика записки “на счастье”. Рядом стоял человек-оркестр. Человек играл на рожке. На голове его было какое-то сооружение со множеством колокольчиков, которые мелодически позванивали при встряхивании. В руках человек держал медные тарелки и временами бил одну о другую. У ног его стоял барабан, в который он тоже находил способы ударять, когда это было нужно. От пояса и вдоль ног свисали связки бубенчиков. Он так искусно пользовался всем этим арсеналом инструментов, производящим музыкальные звуки, что, казалось, ничего не было здесь лишнего и одно дополняло другое.

Когда человек-оркестр вел мелодию, одновременно производя движения руками, ногами, головой и бедрами, казалось, весь преобразался и воплощался в какое-то одно виртуозное движение, дающее жизнь музыке.

— Вот это искусство! — подумал Виктор. — Надо же уметь так ловко играть. Мне никогда не постичь такой премудрости.

Внимание от музыканта отвлек зазывала, стоящий на балконе балагана, одетый в маску смерти. На зазывале — черная накидка с изображением скелета. Кости нарисованы по черному фону белыми красками, а над накидкой, на палке поднимался череп, вылепленный из папье-маше. В руках “мертвец” держал косу, которая, видимо, должна была напоминать людям о бренности всего живого.

— А это что за чудо? Зачем такие страхи? — как-то произвольно вырвалось у Витьки.

— Затем, хлопец, чтобы гроши тикли к хозяину балагана. Чем страшнее, тем больше грошей, — ответил на Витькин вопрос какой-то усатый дядька, одетый в старую солдатскую гимнастерку и соломенную шляпу с необычайно большими полями. Круглое лицо его улыбалось, как молодой месяц.— Не нравится?— спросил усатый.

— Зачем пугают людей? Это же не искусство, это черт знает что такое, кто только разрешает такую пакость на площади показывать, — возмутился Витька.

— Подожди, парень, не горячись. У тебя, может, есть что-нибудь лучше? Что ты вместо этого кувыркалы с того света можешь предложить?

Витька не ожидал такого вопроса и не знал, что отвечать усатому.

— Пока нечем заменить. Вон как гарно спивают, пойдем, посмотрим, — усатый положил на Витькино плечо руку и вывел его из толпы, обступившей балаган.

По площади проходили комсомольцы с плакатами. Впереди несли нарисованный на белом полотне плакат с изображением воскресения Христа, крест-накрест перечеркнутый жирной черной краской. Под изображением надпись: “РЕЛИГИЯ – ОПИУМ НАРОДА!” На других плакатах тоже были рисунки и надписи на злобу дня. На одном из них написано:

РАНЬШЕ РАБОЧИЙ С ЗАВОДА БЕЖАЛ ПРОСТО.
ТЕПЕРЬ ЗАИНТЕРЕСОВАН ПРОМЫШЛЕННЫМ РОСТОМ!

На другом:

РАНЬШЕ С КРЕСТЬЯНАМИ ВРАЖДОВАЛИ НЕМНОГО.
ТЕПЕРЬ ОТНОШЕНИЯ ИЗМЕНИЛИСЬ С ОТМЕНОЙ
РАЗВЕРСТКИ, С ВВЕДЕНИЕМ НАЛОГА!

И еще:

РАНЬШЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ШЛА ПОД БЕЛОЕ ЗНАМЯ.
ТЕПЕРЬ РАСКОЛОЛАСЬ, И БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ИДЕТ ЗА НАМИ!

И замыкал шествие на красном полотнище большой лозунг:

КРЕПНЕТ ВЛАСТЬ СОВЕТОВ,
КАЖДОМУ ЗРЯЧЕМУ ВИДНО ЭТО!

— Молодцы! — похвалил усатый. — Только плакатов маловато. Ты комсомолец? — спросил он у Витьки.

— Комсомолец.

— Почему не в колонне? Вон как ваши спивают.

Комсомольцы старались идти в ногу. Над площадью звенела их песня.

Наш паровоз вперед лети,
В коммуне остановка!
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка!

Витьке нравилась песня, он старался запомнить ее слова.

— Учишься или работаешь где? — спросил усатый.

— Учусь последний месяц. В этом году кончаю вторую ступень.

— После куда?

— Не знаю еще.

— Кто же про тебя знает? Может батько, а может нянька? Я думал, что ты вырос, а ты еще совсем дите.

— Нет у меня батьки и матери нет, умерли давно.

Витьке не понравился назойливый допрос усатого дядьки. “Чего он пристал со своими разговорами? Чего ему от меня надо?” — и уже повернулся, чтобы уйти от усатого, но тот остановил.

— Подожди, хлопец, мне с тобой поговорить надо.

— Чего еще? — спросил Витька.

— Горяч ты, а мне такие горячие как раз и нужны. Скажи, после того, как закончишь школу, пойдешь работать в политпросвет?

— Что делать?

— Там работы дюже богато и все по культуре.

— А вы кто такой, что работу предлагаете?

— Я главный там. Будилов моя фамилия.

“Интересная загогулина получается, — думал Витька, — не успел я еще школу окончить, а тут уж работу предлагают в политпросвете”.

— Ну, как, хлопец, придешь ко мне, когда школу окончишь?

— Может, приду, — сказал Виктор и отошел от усатого.

* * *

В июне Витька зашел к Будилову.

— Приглашали тогда на площади в пасху зайти насчет работы, когда школу окончу...

— А, старый знакомый. Помню, как мы с тобой по площади гуляли. Давно жду и работу тебе берегу. Заведовать Народным домом в село поедешь?

— Поеду.

— Посмотрим, где нам заведующие потрібны. — Он вынул из ящика стола какую-то папку, раскрыл ее и стал читать вслух. — Серeda, Пахтино, Горинское, Куклин Угол, Ермаково...

— Подождите, — перебил Витька, — разве в селе Куклин Угол тоже требуется заведующий Народным домом? Там и дома такого нет. Я хорошо знаю это село. Там моя родина.

— В этом селе требуется открыть Народный дом. Там есть каменное здание, которое пустует.

— Есть кирпичное здание бывшей школы. Лет семь тому назад построили новую школу, за рекой, а этот дом действительно пустует.

— Туда поедешь?

— Поеду.

— В штате двое — заведующий и сторож, — продолжал Будилов, а остальное все на общественных началах. Привлечешь до дела учителей, других грамотеев. Требуется собрать библиотеку. Часть книг дадим мы, кое-что возьмешь в школе, организуешь сбор книг по хатам, где ими богаты. Запомни, что наипервейшей твоей работой будет ликвидация неграмотности. Народный дом должен стать центром культурной жизни, как огонек, около которого будет собираться все, что тянется к просвещению.

Витька был рад такому обороту дела. Слушая наказ Будилова, он уже представлял себе, как по приезде в село возьмется за организацию Народного дома. Он хорошо знал людей, которые живут там, знал, что ему помогут и в успехе не сомневался. Он думал о том, как вместе с учителями и комсомольцами начнет борьбу за культуру.

— Когда можешь поехать до места? — вызвал его из задумчивости вопрос Будилова.

— Хоть завтра.

— Добре. Поезжай и знакомься. После приедешь и скажешь, чем помогать надо.

Виктор простился с Будиловым и вышел от него, окрыленный доверием и стремлением к предстоящей интересной работе. “Вот я и при деле, — подумал он и ему стало удивительно радостно. —

Буду работать. Но какая же это работа?” Он привык представлять всякую работу, как тяжелый физический труд, а это совсем не работа, здесь все по сердцу.

Июньское солнце ласкало своими щедрыми лучами листья деревьев. Заглянуло оно и в лицо Витьки. Он зажмурился, потому что не мог перенести такого яркого, режущего глаза солнечного света. В воздухе летали бабочки и мухи. Они кружили у навозной жижи, скопившейся в выбитых колесами ямах на мостовой. Пахло конским навозом и керосином. Но Виктор ничего этого не замечал. Ему было очень хорошо. Сегодня казалось, что только для него существует и солнце, и земля, и небо, и все деревья, и весь этот прекрасный мир. Теперь он должен будет трудиться, чтобы сделать этот мир еще прекраснее, еще лучше.

Глава двадцатая

Посреди села стоял белый дом. Он был заброшен. Двери его крест-накрест давно заколочены досками и в прогнившие щели между досок лазили куры и кошки. Дом стоял у пруда, населенного лягушками и головастиками.

Сельские мальчишки уверяли, что в доме живет привидение, что слышали, как ходило оно по комнатам, как под ногами его хрустела отвалившаяся от стен штукатурка. Колька еще в прошлом году вполне серьезно уверял всех, что привидение по белому дому действительно ходит, что он своими глазами его видел. Привидение, по словам мальчишек, появлялось ночью, в то время, когда церковный сторож отбивал полуночные часы церковным колоколом.

Когда и для какой цели был построен дом, никто не знал. Это был единственный каменный дом в селе. Может быть, его строили лет двести тому назад вместе с церковью для местного причта, но священник и псаломщик с незапамятных времен жили в других домах. Каменный же дом по внутреннему расположению комнат не был похож на жилье, скорее всего его строили для каких-то казенных целей. Еще не так давно здесь размещалась церковноприходская школа. И бабушка Оксинья, и дед Евсей, и Петрухин дед, Ефим Капитонович – долгожители села, не раз рассказывали, как ныне покойный поп Иван в этом доме за детские шалости на уроках закона божия ставил их коленами на горюх.

Незадолго до революции для сельской школы был построен другой дом, деревянный. Новую школу построили за рекой, а этот, каменный с зеленой крышей, так и стоит с тех пор пустой. Этот дом и был предназначен для очага культуры в селе.

Когда Витька внимательно осмотрел помещение, у него опустились руки. “Сарай и сарай, – подумал он. – Какой же это очаг культуры, если кругом дыры? Смех один”. Посоветовался с комсомольцами.

– Как быть, ребята?

— Не думай отказываться, — сказали комсомольцы. — В школе мы постояльцы, а тут свой дом будет. Нам не привыкать на субботники ходить.

— Этот субботник длинный будет, с полгода длиной, — сказал Витька.

— Ну и что же? Зато домище-то какой!

Всеми было признано — необходимо дом ремонтировать.

В один из летних дней над белым домом взвился красный флаг. Сюда пришли комсомольцы. Они ходили по комнатам, стучали топорами по худым половицам и балкам, отдирали доски от основания, лазили под пол и на чердак, подсчитывали и записывали в тетрадь — сколько надо заменить разбитых стекол, достать дверных ручек и печных заслонок. Они с хозяйской рачительностью записывали все, что нужно было сделать, чтобы привести дом в надлежащий порядок.

Работы набралось уйма. Решено было соединить две классные комнаты, чтобы получить вместо них зрительный зал, перебрать полы и построить сцену. Кроме того, надо было еще сделать деревянные скамьи для зала, стеллажи для книг в библиотеку и еще много разной мелочи.

После того, как все было проверено, подсчитано и записано, ребята задумались. Работа была трудная, вернее, она просто была им не под силу. Чтобы привести в порядок такую домину, нужны были не только трудовые затраты, но и немало денег. А где их взять? Надо было где-то доставать лес, покупать гвозди, стекло, дверные ручки, печные дверцы и вьюшки.

Увидев входные двери настежь открытыми, забрел в дом и дед Евсей. Он долго прислушивался к ребячьим разговорам и, когда понял, что дом собираются ремонтировать, показал головой и сказал:

— Проще новый построить, чем такую казарму до дела довести. Его зимой наскрость продувать будет, дров не напасешься.

* * *

Утром следующего дня Виктор был уже в городе. Он прямо с дороги направился в Уполитпросвет к Будилову.

— Как дела, сынок? — приветливо встретил его Будилов.

— Дела мои дрянь, Петр Гаврилыч. Помещение, что для Народного дома отвели, никуда не годится. Полы гнилые, двери и печи поломаны, стекол в рамах нет. Стоило для скота неплохое

было бы, если немного утеплить, а чтобы довести до культурного вида, много работы требует. Мы описали всю работу. Каких и сколько нужно материалов тоже подсчитали. Вот здесь все записано, — пояснил он, вынимая из кармана свернутую в трубочку синюю тетрадку.

Будилов принял из Витькиных рук тетрадь и внимательно прочел написанное.

— Богато понаписали. Кто все это делать будет? У политпросвета нет таких возможностей.

— Мы сами сделаем, — уверенно сказал Виктор. — Ребята комсомольцы договорились, что весь ремонт берут на себя. Лес заготовим сами. Вывезти его на место сельсовет поможет. Плотничью работу тоже сами сделаем. Денег нет и материалов, и в этом главная загвоздка. Деньги нужны, чтобы заплатить пильщикам за разделку круглого леса на тес, на покупку стекла, гвоздей и прочей мелочи. Нет у нас и разрешения на порубку леса.

Будилову понравилась активность комсомольцев. Пока Виктор говорил, он добродушно смотрел на него и думал: “Горячо берутся. Может, и сделают хлопцы ремонт”.

— Начинайте ремонт, — поддержал он. — Разрешение на лес я помогу получить. Где удобнее рубить?

— В Ханинской роще, — подсказал Виктор.

Будилов отметил карандашом в своей записной книжке.

— Помогу вам достать стекло и гвозди, а вот насчет грошей, на мою помощь можете не рассчитывать. Нет у нас денег.

У Витьки опустились руки. “Как же можно без денег, — подумал он. — Без денег никакого ремонта не сделаешь”.

Будилов заметил растерянность на лице у Виктора и после небольшой паузы спросил:

— В селе есть кооперация?

— Есть. В селе крепкий кооператив, — ответил Виктор, подумав: “Чего он меня спрашивает о кооперации? Причем тут кооперация?”

— Вот у них должны быть на это дело деньги. Потряси кооператоров, они обязаны заниматься культурой.

— Попробуем, — согласился Виктор, подумав, что это пока не решение вопроса, и неизвестно, что еще из этого получится. Далее продолжать разговор с Будилковым о ремонте не имело смысла, и Виктор поднялся со стула.

— Так вы, Петр Гаврилыч, насчет леса, гвоздей и стекла не забудьте, на вас вся надежда.

— Все хорошо будет, сынок, — ободрил Будилов, прощаясь. — О том, как пойдут дела дальше, держи меня в курсе.

“Если один пойду к кооператорам за деньгами, ничего не дадут, — думал Витька. — Надо подключить к этому делу дядю Мишу, он — местная власть, пусть помогает”.

Михаил Борисович осенью вступил в партию, а весной его выбрали председателем сельского совета. Виктор рассказал ему о своей беседе с Будиловым, тот внимательно выслушал и согласился помогать.

Разговаривать с Федором Ивановичем, председателем правления потребительской кооперации, пошли втроем — дядя Миша, Ванюшка Копейкин и Витька. Жил Федор Иванович в двух верстах от села, в деревне Подольново.

— Будь здоров, хозяин! — приветствовал дядя Миша Федора Ивановича, заходя в избу. — Мы к тебе вроде делегации по общественным делам.

— Проходите, гости дорогие, присаживайтесь, — пригласил Федор Иванович, поднимаясь им навстречу и показывая широким жестом на свободное место за столом под образами.

— Меня ты знаешь, я — низовая власть, а со мной вожак комсомола Копейкин, его, поди, тоже знаешь, и Виктор Торопов, назначенный заведовать Народным домом.

— Чем могу служить?

— Белый дом собираемся ремонтировать, — с места в карьер начал дядя Миша, подмигнув ребятам. — К тебе за деньгами пришли. Скажи прямо, может кооператив из своего культурфонда на это дело денег дать?

— Закуривайте, — протянул Федор Иванович гостям пачку “Смычки”, закурил сам. — Какие у нас деньги, — сказал он после двух глубоких затяжек, — слезы одни, а не деньги.

Почувствовав, что Федор Иванович вот-вот может отказать в деньгах, Виктор перешел в атаку.

— Много денег и не надо, — перебил он. — Пусть кооперация выкупит за свой счет гвозди, стекло, кое-что другое для ремонта, да разделает кругляк на тес. А в остальном мы и без вас обойдемся, все сделаем. Посмотрите, какая работа предстоит, и что следует выкупить, — он передал Федору Ивановичу список.

Федор Иванович внимательно и долго читал. Возвращая список, глубоко вздохнул:

— Много работы. Кто все это делать будет?

— Ребята комсомольцы, — показал головой в сторону своих спутников дядя Миша.

— Комсомольцам одним не поднять. Тут нужны опытные плотники.

— Поднимут, — настаивал дядя Миша, — а если надо будет, то и мужики помогут. Кооператорам тоже надо свое помещение для собраний иметь.

— Насчет денег один не могу решить. Надо собрать правление.

— Нам не сегодня деньги нужны. Правление — так правление. Ты только на правление и нас позови.

* * *

После того, как правление кооператива постановило участвовать в ремонте белого дома, комсомольцы приступили к работе. Сначала приходили по вечерам, после того как управлялись с домашним хозяйством. Одни отдирали половые доски, сортировали их, гнилые выбрасывали на дрова, а годные складывали на улице, предварительно освободив их от ржавых гвоздей. Другие ремонтировали двери, вытаскивали из рам битые стекла, очищали от замазки. Работа хоть и медленно, но продвигалась вперед.

Никто не знал, когда начнутся основные работы. “Если по-серьезному заняться ремонтом, — думали комсомольцы, — то делу и конца не видно. А тут еще как назло скоро должна начаться горячая пора в крестьянстве — сенокос. Начнется сенокос, и на час в неделю не забежишь сюда. Только успевай поворачиваться дома. После сенокоса жатва, а там и молотьяба... Зимой вести работы тоже нельзя. Как работать в тридцатиградусный мороз в холодном помещении?” Выходило — как ни прикидывая, а надо управляться с ремонтом до зимы.

Вскоре из Волисполкома в Сельский совет поступила официальная бумага, в которой сообщалось, что для ремонта Народного дома ему отведена делянка строевого леса в Ханинской роще.

Субботниками заготовили лес. А когда вывезли на место кругляк и пильщики распилили его на тес, оказалось, что лес еще надо сушить, укладывать на место сырые половые доски нельзя — рассохнутся, в полу будут щели. Это подсказали пильщики. Сушка леса совсем не входила в расчеты ребят, но делать нечего, организовали сушку.

Прошел август и сентябрь. И только в начале октября, когда перестали дымить овины и утих грохот конных молотилок на гумнах,

освободившиеся от крестьянской работы комсомольцы смогли вновь заняться общественными делами по ремонту белого дома.

Снова застучали топоры, захоркали пилы, зашуршали рубанки. Снова белыми лентами заструилась из-под рубанков древесная стружка.

Определился и состав постоянно работающих на ремонте комсомольцев. Организованы были две артели — плотницкая и столярная. Плотницкая артель перестилала полы, строила перегородки и сцену, а столярная вела чистую работу, мастерила скамейки для зрительного зала, стеллажи для библиотеки, ремонтировала двери и рамы.

Приходили на работу рано утром, а уходили с работы, когда совсем темнело и работать становилось уже невозможно. Возвращались домой, при свете коптилки съедали оставленные от обеда щи и заваливались спать. Спали как убитые, а утром, чуть свет, снова шли к белому дому.

В середине месяца Федор Иванович подослал печников ремонтировать печи, а в ноябре все было закончено.

За работой и не заметили, как скоротали осенние дни.

Выпал снег. Со снегом обновилась природа. Вместо хмурых и серых дней с ветрами, которые кружили пыль, набивая ее в уши, нос и рот, установилась тихая и теплая погода.

Побелела земля, крыши домов, заборы и огороды, с которых еще совсем недавно убрали капусту. Крестьяне разбирали телеги, снимали с осей колеса и закатывали их в сараи, а вместо телег налаживали сани. Легко заскользили по первопутку полозья, резво побежали кони, они были рады первому снегу.

На улице села неизвестно откуда появились сороки. Они садились на заборы и крыши сараев, перелетали с места на место и стрекотали — стрекотали, как будто удивлялись первому снегу. “И откуда его нанесло такую прорву? — кричала одна сорока. — Как теперь доставать червей и искать зерна на полях? Ведь все запорошило, не найти теперь ни одного зернышка”. “Это верно, — отвечала другая сорока, — но зато как красиво!”

На голые ветки сирени уселись воробьи. Они прилетели с поля и, усевшись на сиреневый куст и распушив перья, присматривались, чем бы поживиться около человека. Ждали, не вынесет ли кто помой, да не выплеснет ли их вон там у дороги.

Виктор шел к Народному дому. Вчера закончили все дела с ремонтом, и на душе у него было так легко, как будто бы стопу-

довый груз с плеч сняли. “Теперь пора браться и за культуру”, — думал он. Он так привык к беспокойным дням во время ремонта, что сегодня даже во сне снилось, что будто бы в Народном доме идет спектакль, зрительный зал заполнен публикой, а на сцене чего-то не хватает, то ли декораций, то ли костюмов каких, и от этого ныло сердце.

Он подошел к входной двери, открыл всяческий замок и шагнул в помещение. На полу в фойе еще белели свежие стружки, но пол уже был ровно очерчен плотно прилегающими к стенам фигурными филенками, что создавало впечатление законченности.

Прошел дальше. В зрительном зале стояло двенадцать рядов новых беленьких скамеек. Он любовно погладил одну из них. Ладонь руки стала липкой. Провел по дереву рукой второй раз и понял, что на дереве выступила сера. “Как же люди садиться будут на них, — подумал он, — надо красить”.

В глубине зрительного зала стояла сцена. На авансцене суфлерская будка. “Нужен еще занавес”, — отметил Виктор, и прошел в помещение, предназначенное для библиотеки-читальни.

В библиотеке не было ни книг, ни столов, ни стульев. На две комнаты стояла одна старая табуретка с побитой верхней доской. Виктор сел на эту табуретку и задумался.

Быстро и хорошо все сделали ребята. Комсомольцы помогли мне решить главный вопрос. Если бы не они, стоял бы дом до сих пор развалюхой. Ремонт позади, а впереди уйма разных хозяйственных дел. Нужна какая-нибудь мебель, нужны книги, газеты, лампы, керосин, дрова.

Хлопнула наружная дверь, в фойе послышались чьи-то осторожные шаги. Кто-то прошаркал ногами к зрительному залу, затем вернулся назад и, подойдя к двери библиотеки, остановился.

— Кто там? Идите сюда! — громко позвал Виктор, полагая, что пришел кто-то из ребят-комсомольцев. Но дверь открылась, и на пороге появилась незнакомая женщина лет сорока-сорока пяти с испитым, желтым лицом и потухшими глазами.

— Вам кого?

— Ищу заведующего, — ответила женщина.

— Я заведующий. Что надо?

Только успел Виктор признаться в том, что он заведующий, как в тот же миг женщина повалилась перед ним на колени.

— Милый человек, не дай умереть моим детям, Христом богом молю, помоги несчастной, — рыдая, выговаривала она.

— Что с вами? — встревожился Виктор. — Встаньте, пожалуйста, я ведь не помещик. — Он ухватил ее и стал поднимать с пола. — Расскажите, кто вы и что от меня хотите?

— Тебе требуется сторожиха, — продолжая рыдать, говорила женщина. — Возьми меня на это место.

— Вы откуда?

— Из голодного Поволжья. Беженка я. Самарская... Мужик с голоду помер, а я с двумя ребятами маюсь. Привезли нас, сказали, чтобы устраивались, кто на какую работу хочет, а кому я нужна с малыми ребятами? Никто не берет. Бабы и послали к тебе. Говорят, сторожиха здесь нужна. Не откажи, ради бога... — И женщина, громко рыдая, опять повалилась на пол.

— Ребятам твоим сколько лет? — спросил Виктор, снова поднимая ее с пола.

— Оба маленькие еще. Девочке три. А мальчишке пять. Ни пальтишка у них, ни валенок, а на улице снег выпал.

— Звать вас как?

— Пелагея. Полей зовут.

“Какая у человека беда, — подумал Виктор. — Бежала из дома от голода и оказалась среди чужих людей с детьми без крыши над головой. И сколько сейчас ходит по стране людей с такими судьбами!”

— Вот что, Поля, — сказал он, — нам сторожиха действительно нужна. Нужен такой человек, чтобы полы подметал, печи топил, помыл бы, когда очень грязно будет. Можешь такую работу делать?

— Господи, неужели же не могу. В крестьянстве все приходилось делать.

— Тогда приводи своих ребят и устраивайся в этом доме на кухне. Там русская печь есть, истопишь, тепло будет. Топи пока гнилушками, что от ремонта остались, после дров привезем.

— Спасибо тебе, добрый человек.

— Напиши, Поля, заявление. Завтра пойду в город и назначение твое оформлю.

— Неграмотная я.

— Тогда заявление за тебя придется мне писать. Ты на нем крестик поставишь. Это сможешь?

— Это смогу.

— Не горюй, Поля. Скоро откроем ликпункт, научим тебя и писать, и читать. А теперь пойдем, я покажу тебе, где устраиваться.

Глава двадцать первая

Еще днем он не знал, где будет доставать столы, стулья и лампы, не знал, где возьмет книги, чем обставит библиотеку, чтобы та хоть мало-мальски была похожа на культурное учреждение. Собирался утром пойти в Горск, чтобы обо всем этом рассказать Будилову, хотя наперед знал, что у Будилова ничего нет, и на помощь его мало рассчитывал. Что Будилов может сделать, где он возьмет мебель? Не фокусник Будилов, не выложит все это из своих карманов. На худой конец Виктор решил поставить в библиотеке столы с крестовинами и деревянные табуретки. Теса для этой цели после ремонта немного оставалось.

Вечером, поужинав, он уже хотел ложиться спать, когда в окно постучал Колька.

— Заходи в избу, чего ты в темноте бродишь, уши на улице отморозишь.

Тот зашел в Витькину комнату.

— Батя послал к тебе, сказать, чтобы ты завтра никуда из села не отлучался. Имушество в Народный дом привезут. Принимать будешь.

— Что за имушество? И откуда его могут привезти? — спросил Витька.

— Не знаю. Только батя сказывал, чтобы ты никуда не уходил завтра. Пойдем к нам, он расскажет. Батя сегодня в волости был, недавно вернулся.

Виктор накинул на плечи полушубок, и вместе с Колькой подался к Михаилу Борисовичу. Только поднялся на крыльцо Колькиного дома, навстречу тетка Наталья с ведром воды. Вышла поить корову.

— До краев полное — примета хорошая, — сказал Виктор.

— Это к благополучию, — разъяснила тетка Наталья.

— А я к дяде Мише.

— Заходи в избу. Он дома.

Михаил Борисович сидел около стола. Видно было, что он только поужинал. На столе еще стояла неубранная посуда, здесь

же лежала открытая папка с документами, пузырек с чернилами и ручка.

— Здорово, дядя Миша! Я, было, спать лег, завтра с утра хотел в Горск идти, а тут Коля пришел, передал твой наказ, чтобы никуда из дома не отлучаться. Имуущество, говорит, какое-то в Народный дом привезут. Что за имуущество, объясни толком.

— Хорошо, что зашел, Витя. Сейчас тебя обрадую. Скажу такое, что ушам не поверишь. Все имуущество из усадьбы генерала Болдырева тебе в Народный дом решили отдать. Там мебель, книги и много другого.

У Витьки перехватило дыхание.

— Как? — только и мог он выговорить.

— Вот так. Ты же знаешь, что усадьбу Болдырева конфисковали. Скот тогда сразу же и увели, а имуеществу сделали опись. Жила там его семья. После семья Болдырева уехала куда-то, и дом забили. Так он и стоял до сих пор без присмотра. Кто-то стал пользоваться тем, что нет сторожей, стали лазить в окна и уносить, что получше. Народ, знаешь, всякий есть. Другие только и смотрят, где плохо лежит. Сегодня мужики из Болдырева пришли в волость и говорят председателю ВИКа: “Чтобы не было на нас напраслины, увезите, бога ради, из усадьбы все ценное, а то разворуют”.

Стали думать, куда вывозить. Тут я и подсказал: “Отдайте,— говорю,— все нам в Народный дом. Помещение, говорю, привели в полный порядок, а стоит оно пустое. Места столько, что в городки играть можно, а на весь дом одна-единственная табуретка. Зачем, говорят, к примеру, вам чайные сервизы или двухспальные постели? Постели, говорю, действительно нам ни к чему, а сервизы в самый раз, сгодятся для сцены к спектаклям. А главное, говорю, нам нужна мебель: столы, стулья. Нужны еще книги, лампы, музыка разная”.

Помозговали в Волисполкоме и решили, что отдать все это имуущество тебе в Народный дом будет самое правильное. Сказали — лады! Тут же нарядили и подводы для перевозки. А я, как только вернулся из волости, так и послал Кольку предупредить тебя, чтобы не улег ты завтра куда.

Для Виктора все это было, как сон. Уж очень оглушительной казалась ему новость. Сколько времени ломал голову, искал выход, а тут одним махом решалось все.

— Когда можно ждать возчиков? — спросил он, одумавшись.

— От Болдырева до нас верст пятнадцать будет. Когда-то уложат возы, да и на дорогу клади часа четыре.

— К вечеру, наверно, будут?

— Похоже на то, что после обеда приедут.

Возвращаясь домой, Виктор летел, как на крыльях. Его так взволновало сообщение дяди Миши, что он продолжал всю дорогу думать об этом. “Вот привалило! Выходит, не зря тетка Наталья с полными ведрами воды навстречу попалась. Примета верная”.

Дома о своей удаче рассказал сестре, та немало удивилась. Поужинал и лег спать, но не мог уснуть, поворачивался с боку на бок и соображал по поводу того, что могут привезти, какая будет мебель, как он ее распределить по помещениям? “Конечно, раньше всего надо обставить библиотеку, — думал он. — Именно здесь следует поставить все лучшее”. Он представлял себе бородатых крестьян, с добродушной улыбкой усаживающихся в генеральские кресла, представлял друзей-комсомольцев, пренебрежительно шагающими по генеральским коврам. Словом, лезла в голову всякая чушь. Виктор старался избавиться от этих мыслей, на минуту отвлекался от них, а после все начиналось сначала. И сон куда-то пропал. Он переворачивался на другой бок и начинал считать до ста, но где-то на восьмом десятке сбивался со счета, и старые мысли по поводу генеральской мебели вновь овладевали всем его существом. Под утро возбуждение ослабло, и Виктор забылся сном.

Проснулся чуть свет. Видимо ночью на дворе упала температура, стекла в рамках замерзли. Проснувшись, вспомнил о генеральской мебели, и снова нахлынула радость. Спрыгнул с постели, сунул ноги в холодные валенки, накинул на плечи ватник и выскочил на улицу. Вернулся с охапкой березовых дров и растопил чугунную печку. Весело затрещали охваченные огнем поленья. От чугунки в комнате быстро стало теплеть. Не прошло и получаса, как комната нагрелась. На раскаленной докрасна плите зафыркал чайник. “Хорошо бы сейчас настоящего китайского”, — подумал Витька, отламывая кусочек цикория. Поставил на стол чугунок холодной, еще вчера сваренной картошки, наскоро поел, запил чашкой горячего настоя цикория и отправился на работу.

Работы, прямо говоря, сегодня у него никакой не было. Ему просто не сиделось дома, хотелось как можно скорее пойти в

Народный дом и дожидаться там подвод, которые должны подойти из усадьбы Болдырева.

Часам к десяти подошла новая сторожиха тетя Поля. Она убрала из фойе стружки и протопила на кухне русскую печь. К полдню помещение согрелось, и она привела своих ребятишек.

Виктор несколько раз выходил на улицу и смотрел на дорогу — не едут ли? Но, как и сказал дядя Миша, подводы подошли только к вечеру. На одной из подвод, накрытые рваной рогожей лежали перевязанные стопками книги генеральской библиотеки. Все они были в черных или коричневых переплетах с золотыми тиснениями на корешках. На другой подводе лежал перевернутый вверх ножками рояль. Между его ножек были уложены венские стулья. Стулья громоздились в высоту и были привязаны веревками. На следующих трех розвальнях лежала мягкая мебель, обитая синим и голубым бархатом. Здесь же были багетные рамы, столы и трюмо, виднелись лампы-молнии с абажурами, ветвистые рога оленя, бронзовые бра, самовар, оконные занавески и большая граммофонная труба, разрисованная цветами.

“Вот это богатство, — подумал Виктор. — Повезло же нам. Теперь заживем!

Имущество привез пожилой человек в суконном буденовском шлеме с красной звездой. Увидев Виктора, он спросил:

— Парень, ты не знаешь, где заведующий Народным домом?

— Я заведующий, — ответил Виктор, уже сомневаясь в том, действительно ли он тот самый человек, которому привезли все это богатство.

— Тогда принимай барахло. Люди голодные с утра. Показывай, куда заносить.

Виктор провел представителя Волисполкома в Народный дом.

— Мягкую мебель сюда, — сказал он, показывая на библиотеку-читальню. Рояль поставим в фойе. Другого помещения для этого инструмента у нас нет.

— Замучились мы с ним, — пожаловался представитель. — Тяжеленный, еле выволокли из барского дома.

— Стулья прошу заносить на сцену, — продолжал Виктор, — а всю мелочь: лампы, занавески и прочее вон в ту комнату, — открыв двери, показал он небольшое помещение, предназначенное для вешалки.

— Вот что, парень, сейчас мужики все это затаскивать будут, а ты тем временем подготовь-ка мне расписку в том, что полу-

чил от меня все это имущество, доставленное из усадьбы генерала Болдырева на пяти подводах. Так и пиши, получил, мол, от уполномоченного Волисполкома товарища Уткина... а дальше, сам знаешь.

— Описать что ли составу имуществу?

— Какую опись? Мне, браток, некогда. Напиши. Что получил, мол, пять возов от Уткина и точка. Укажи свою фамилию и распишись. А опись можешь в Волисполком потом прислать.

Весть о том, что в Народный дом привезли из имения генерала Болдырева мебель, с быстротой молнии распространилась по селу. Только ушли подводы, как посмотреть на доставленное в Народный дом имущество пришли дядя Миша с Колькой, Петруха Голубков и Серафима Никаноровна.

— Как в салоне дворянского собрания, — сказала Серафима Никаноровна, присаживаясь на мягкий диван. — Только, Витя, все это беречь надо, а то быстро испортят мебель. Не привыкли мы еще бережно обращаться с казенным имуществом. Свое бережем, а государство, думаем, не обеднеет, оно богатое. В прошлом году к началу занятий привезли в нашу школу десять новых парт. Сколько крови стоило их добыть, кроме меня, никто не знает. Через два дня, смотрю, парты поцарапаны гвоздями, а на иных даже имена свои ученики перочинными ножами вырезали. Во время урока поднимаю с места одного, спрашиваю:

— Федя, зачем ты парту изрезал?

— Это не я, — говорит.

— А кто же?

— Не знаю.

— Здесь вырезано “Федя” и тебя зовут Федя. Кто же твое имя на парте вырезать будет.

Стоит красный весь, как рак.

— Не знал я, что нельзя. Простите, больше не буду.

Ну что с него взять? Вот я смотрю на эту мебель и жалко ее мне. Может быть, чехлы на кресла и диван сшить из сурового полотна? Подумай, Витя.

— Хорошо бы чехлы сделать, да полотна нет. Нам бы его хоть на занавес найти.

Посмотрев на все доставленное в Народный дом, Серафима Никаноровна с дядей Мишей ушли. Петруха же с Колькой остались помогать Виктору разобраться с вещами.

На вбитые в потолок крючья повесили лампы. Две в зрительном зале и одну в фойе. Не хватило в читальню.

— Перевесим одну лампу из зрительного зала в читальню, — сказал Петруха. — В зрительном зале зажигать лампы будем только, когда спектакль или собрание, а в читальне она нужна каждый день.

Предложение одобрили, и лампу перевесили в читальню.

— Теперь мне надо идти в Волисполком за талонами на керосин, — вспомнил Витька.

Когда расставили мебель, читальня стала уютной и привлекательной. Посреди комнаты был поставлен овальный стол для газет, около него кресла, а в углу маленький круглый столик, на нем граммофон.

— Отлично! — подумал Виктор, присаживаясь на мягкий диван. Колька пришел в восторг и стал плюхаться в кресла.

— Осторожно, порвешь, — остановил Петруха. — Садись, как все люди садятся, или нравится, как пружина тебя в зад толкает?

Около книжных стеллажей, где намечалась выдача книг, поставили письменный стол, на нем кабинетную лампу с зеленым абажуром, который поддерживала бронзовая фигура какой-то обнаженной девы.

“Теперь все на месте, — подумал Виктор, — А как с роялем?” — и вздохнул. Дело в том, что во время перевозки был утерян ключ от рояля. Теперь крышка инструмента не запиралась. “Любителей нажимать на клавиши найдется немало, — думал он. — Колька за это время уже не раз пробовал свои музыкальные способности. Стоит пронюхать о рояле школьникам и, оглянуться не успеешь, как испортят инструмент”.

Не прошло и десяти минут, как за дверью читальни. Где стоял рояль, послышались беспорядочные удары по клавишам: бум-бум-бум.

— Кто там балуется? Посмотри, Колька.

Колька открыл дверь, хлопнула крышка рояля, и кто-то побежал к выходу, семеня ногами.

— Кто там? — спросил Виктор.

— Андрюшка, сынишка сторожихи тети Поли.

— Ты, Колюха, бренчал, и ему захотелось попробовать. Ты ему пример плохой показал.

— Опять я виноват? Ты всегда на меня валишь. Во всем виноват только Колька. Знаешь что, Витька, повесь на рояль висячий замок, никто его трогать не будет.

Петруха засмеялся.

— Повесть такой замок, как в Горске, в железнодорожном клубе, — сказал он.— Там в крышку рояля ввернули кольца и повесили вот такой, в две ладони, амбарный замок.

— Учту ваши советы.

Вечерний сумрак сгустился, и в помещении стало темно.

— Мы пошли, — сказал Петруха, и вместе с Колькой отправился домой.

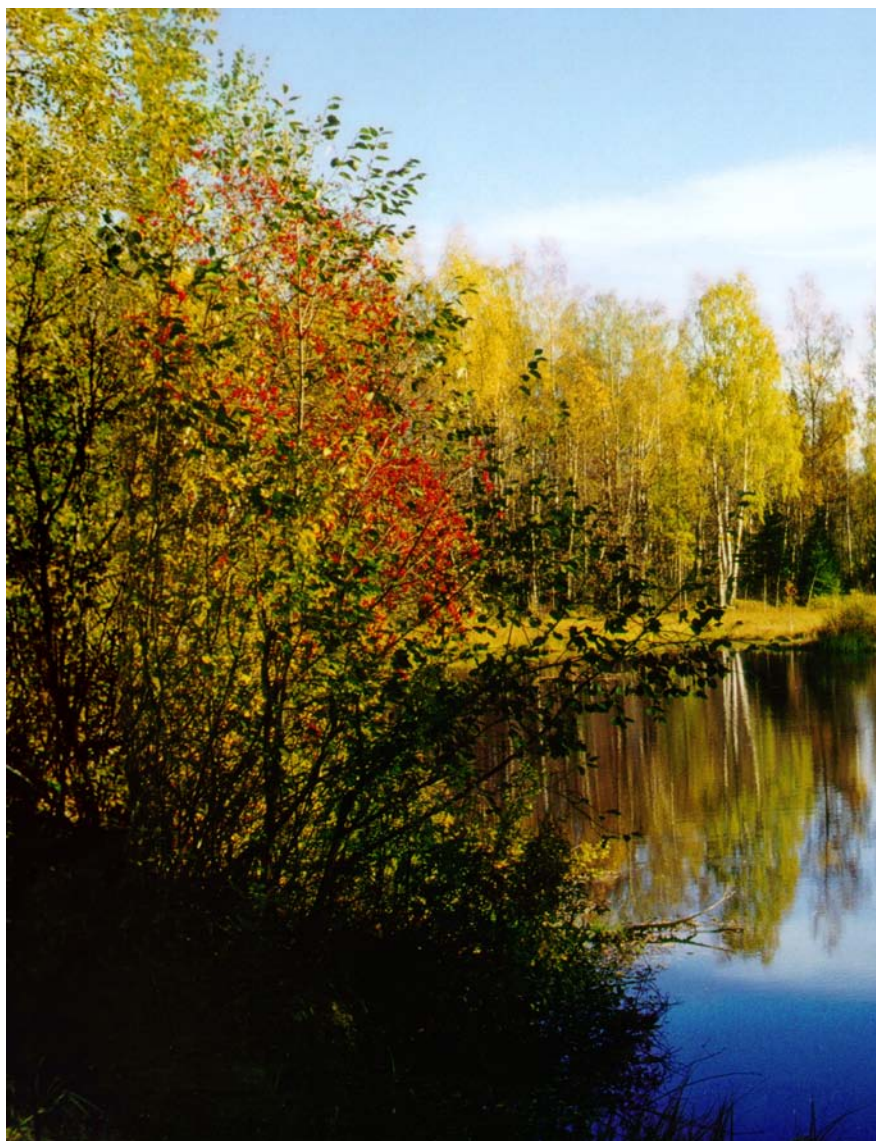
На следующий день с утра Виктор занялся разборкой книг. За исключением нескольких книг религиозного содержания: трех библий, евангелия и сборников проповедей отца Иоанна Кронштадтского, все привезенные из усадьбы Болдырева книги были нужного содержания. Здесь было полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Глеба Успенского, Владимира Короленко, Мамина-Сибиряка. Были и книги вышедшие приложениями к литературным журналам: Леонида Андреева, Куприна, Шишкова, были сборники детских рассказов, сказки Андерсена и братьев Гримм. Были книги по истории государства российского, о земле, о планетах, популярные пособия по сельскому хозяйству и книги научного содержания.

“Начало библиотеке положено неплохое, — думал Виктор. — Перевезу-ка я сюда и свою домашнюю библиотеку. Поеду в Горск и захвачу от тетки свои книги. Они все для школьников: Вальтер Скотт, Дюма, Стендаль, Фенимор Купер, Диккенс. Мои книжки хоть и не имеют таких, как у генерала, переплетов, но они все почти новые и послужить еще могут”.

Впереди у Виктора была кропотливая работа по обработке и классификации книжного фонда. Он знал, как будет расставлять книги на полках. Когда накапливал домашнюю библиотеку, изучал руководство по библиотечному делу Хавкиной и познакомился с таблицей Кеттера.

“Это все в будущем, — думал Виктор, — а пока, чтобы не валялись книги на полу, подниму их на стеллажи”. И занялся расстановкой книг, условно обозначив отделы: “История и география”, “Другие науки”, “Сельское хозяйство”, “Художественная литература” и “Книги для детей школьного возраста”.

Искусственный водоем «Озерко» в усадьбе Никольское. 2000 год.

Ханинский лес. 2000 год.

Глава двадцать вторая

Крупными хлопьями падал снег. Кругом бело. Вилась запорошенная снегом дорога-первопуток. Виктор спешил в Горск. Ему не терпелось рассказать Будилову о последних событиях. Все вести были хорошие, и услышать их Будилову будет приятно. И было бы совсем хорошо, если бы не этот случай, от чего ныло сердце. Он сегодня ни на что смотреть не может. Все забыл. Думает только о пакете, который вчера прислали из Военкомата.

От старшего брата Константина около двух лет не было вестей. Последнее письмо прислал в двадцатом году из-под Львова. Писал, что командует ротой, что скоро войне конец, что вернется домой, ждите.

Ждали. Но с тех пор, как будто все оборвалось. Сестра послала запрос в Военкомат. Долго тянули с ответом, а вчера сообщили: “Красный боец Константин Торопов убит в бою при защите Революции”.

Все очень просто — убит в бою и все. Жил человек и нет его больше на этом свете.

Четыре года не виделись с Константином, привязанность остыла, а то такое известие с ног сбило бы.

Константин был на двенадцать лет старше, но, несмотря на большую разницу в возрасте, он дружил с ним, ладил луки и лыжи, водил на рыбалку, брал с собой на охоту. Витька во всем старался подражать брату. Вот он и сейчас, как живой перед глазами. “Теперь все, — думает Витька, — Ничего не осталось от Константина, кроме рваного полушубка и одной фотографии, где был сфотографирован еще мальчиком”.

Второй брат Юрий закончил войну против Колчака в девятнадцатом. В двадцатом демобилизовался. По направлению из части поступил в Томский политехнический институт.

Дорога, по которой шагал Виктор, пролегла бором, за которым начинались поля. При выходе из леса он увидел на поляне большую разлапистую березу, недавно сбросившую листья. На сучках черные комья, как будто висят рукавицы. Всмотрелся —

косачи. Косачи облепили березу снизу и доверху. Вожак стаи — на вершине дерева, вытянул длинную шею и смотрит, нет ли опасности.

Витька сошел с дороги и спрятался за елкой. Ему впервые пришлось видеть такое великолепное сборище дичи. Почти полсотни штук, и все на виду, как воробьи, на одной березе. Он знал, что поздней осенью косачи всегда собираются в стаи и подолгу сидят на деревьях.

Затаив дыхание, Виктор смотрел на птиц. “Как нарисованные”, — думал он. Ему хорошо были видны и косачиные головы, и выгнутые шеи, и хвосты-лиры. При виде такого зрелища его охватила страсть охотника. м: “Отличное жаркое”, — думал он. Подумав об этом, даже почувствовал аромат тетеревиного мяса, тушеного с картошкой, как будто перед ним только что открыли крышку с горячей кастрюли.

“Выпадет побольше снега, — думает Виктор, — и будут уходить косачи под снег. Вот так же, как и сейчас, посидят на дереве, поклюют березовых почек, а после и начнут по одному, сложив крылья, падать в снег. Пробьет тетерев корку снега, закопается в него, как в пуховик, и сидит в тепле. Ему и горя мало, что вверху кружат бураны и трещат сорокаградусные морозы. Все нипочем. Пройдет мимо лиса, чуть не ступит на хвост тетереву, а он сидит себе, притаясь, под снегом”.

Витька, может быть, и дальше бы любовался этим зрелищем, но из-за поворота дороги на рысях лошадь вынесла дровни.

— Поторапливайся, лентяйка! — кричал возница.

Узнал седока. На дровнях ехал Коля Петров из Взглядова.

— Коля, подожди! — крикнул Витька, и стал выбираться на дорогу.

— Тпру! С чего это тебя в лес занесло? — остановив лошадь и с недоумением глядя на Витьку, спросил Коля.

Косачи снялись с дерева.

— Вон видишь? — показал Витька на улетающую стаю. — На них смотрел.

— Хороши петушки. А ты в Горск собрался?

— В Горск.

— Тогда залезай в сани. Ну, уснула... — перебрал он вожжами, и лошадь снова затрусилась по дороге.

— Когда обратно? — спросил Виктор.

— А что?

— Мне надо из города книги подвезти. Где тебя там искать?

— Приходи в заезжий двор Дома крестьянина часам к пяти, вместе и поедем.

“Хороший парень Коля. Из средней крестьянской семьи. Книг много перечитал, на баяне хорошо играет, с комсомольцами дружит, а от организации почему-то в стороне, — думает Виктор. — Не раз спрашивали его, почему в комсомол не ступаешь? Только улыбается. Дома, говорит, работы много, а запишешься в комсомол, на собрания придется часто ходить”.

Вот и сейчас Виктор снова хотел начать разговор о комсомоле, но Коля опередил.

— Правду или нет говорят, что тебе в Народный дом много книг привезли?

— Правда. Привезли большую генеральскую библиотеку.

— Ты еще не разбирал книги? По земледелию книг нет?

— Есть и по земледелию и по животноводству, разные есть.

— А по семипольному севообороту? Мы хотим с батей на семиполку переходить.

— Вот этого не могу сказать. Я еще с книгами как следует не познакомился.

Коля замолчал. Стегнул лошадь.

— Ну, поворачивайся живее! — и заговорил снова: — Хочу, Торопов, осенью поступать в Вятскую сельскохозяйственную школу. Учиться на агронома хочу. Не то теперь время, чтобы дома на печи сидеть.

— На агронома, говоришь, хочешь выучиться?

— Да. Тянет меня к земле. Люблю крестьянскую работу. Думаю пора переделывать крестьянское хозяйство на новый лад. С трехполкой надо кончать. Да и животноводство ставить на широкую ногу. Теперь все говорят о племенном скоте. Ты слышал, наверно, недавно приезжали к нам во Взглядово скупщики скота, ходили по дворам, подбирали двух телок и бычка ярославской породы. За тем, говорят, и приехали, чтобы племенной скот покупать. Заплатим за него в три раза дороже, но чтобы только были в племенные книги записаны. Хотят эту породу в своих местах разводить. А приехали они из Омска, больше трех тысяч верст отмахали за нашими телками. Видишь, как далеко о нашем скоте слава пошла. А если разобраться, то и у нас еще плохое стадо. Выйдешь на пастбище, и смотреть не хочется, каких только буренок нет. Тут тебе и белые, и черные, и красные,

и пестрые. У одной коровы вымя с печку, а у другой с чайную чашку. Настало время по-настоящему выводить породу скота больших удоев.

— Ты все это правильно подметил, Коля. Пора за сельское хозяйство братья обеими руками.

— Или взять опять пчеловодство. Его тоже до ума доводить надо. Будем судить по нашей деревне. У одних мужиков пчелы в колодах, как было сто лет назад, и сбор меда за лето много двадцать фунтов с колоды, а у других рамочные домики и медогонки, как, например, у Сарычева. Этот мед выкачивает, а рамки с сотами опять в улей ставит. Его пчелам не надо новые соты делать. Пчелы Сарычева все лето только медосбором занимаются. За лето они, знаешь, сколько меда натаскают? Выкачивает меда Сарычев в хороший год пуда по два с улья. Сейчас в каждой волости должности участкового агронома ввели. Я и думаю, три года проучусь в сельскохозяйственной школе, а после на участке агрономом работать буду.

“На глазах все меняется, — думал Виктор, слушая Николая. — Давно ли учились вместе. Теперь его не узнать”.

— А ты, Торопов, почему дальше не учишься? Не получилось у вас с Ванюшкой с военным училищем, так ведь на том свет не сошелся, в другом месте можно учиться.

— Слово я дал, Коля, одному человеку, что буду работать по просвещению. Просвещение сейчас тот же фронт, оно много людей требует, — сказав это, Виктор вспомнил слова тетки, которая, узнав о его намерении не учиться дальше, а идти работать в политпросвет, в шутку спросила: “Значит, Витя, так получается у тебя, ученье — свет, а не ученье — политпросвет?” Рассердили его тогда эти слова, и он ответил так: “Пусть учится тот, кто работать не может, а кто работать в состоянии, тех место в строю. Сейчас революции нужны люди в строю!”

— Вот ты какой, — заметила тетя Катя.

— Я такой. Как, по-твоему, плохой или хороший?

Она на это ничего не ответила. “Может, я тогда действительно допустил ошибку, приняв предложение Будилова, — думает Виктор. — Может, сразу же после окончания школы второй ступени мне нужно было подаваться в институт, получить какую-нибудь специальность и работать спокойно”. Он поймал себя на слове “спокойно”. Разве сейчас можно жить спокойно? Надо будить жизнь от спячки, быть толкачом, возмущать спокойствие. Жизнь

теперь стала совсем иной, она течет, как бурный поток. Кругом борьба старого с новым. Сбросили помещиков с плеч, отстояли новую жизнь в войне, но это разве все? Это только начало. Кругом еще неграмотность, невежество, бедность. Мужик еще крепко держится за религию. С НЭПом поднял голову деревенский кулак. Интеллигенция ведет себя по-разному. Одни лезут в щели, как тараканы, или свивают уютные гнезда, а идейные идут в культурармию. Идейные понимают, что надо же кому-нибудь пробивать дорогу в новую жизнь.

Николай молчал и тоже думал о чем-то своем. Потом вспомнил неоконченный разговор, сказал:

— Так завтра я зайду к тебе насчет книг. Мне надо найти что-нибудь о семопольном севообороте.

В Горске Витька забежал к тетке. Было около десяти часов утра. Тетя Катя вела урок. Дождавшись перемены, он забрал ключ от ее комнаты и стал собирать книги. Набралось две больших пачки. Туго перевязав пачки, он уже собирался уйти, когда в комнату вошла тетя Катя.

— Куда ты их? — спросила она, показывая на книги.

— Хочу отдать в библиотеку.

— И правильно решил. Они теперь только место занимают. Как говорят: “Ни себе, ни людям”. А в библиотеке их читать будут. Ты, наверное, голоден? Поешь чего-нибудь.

— Нет. Спасибо, тетя, я тороплюсь.

Виктор взвалил на плечи мешок с книгами и отправился в заезжий двор. Там разыскал серую лошадь Коли. Коля ушел куда-то по делам, а лошадь стояла у коновязи и мирно хрупала сено.

Виктор положил книги в дровни. Закрыв охапкой сена, подумал: “Целы будут. Так никто не увидит”. И направился в Уполитпросвет к Будилову.

— Петра Гавриловича нет, — остановила его секретарь-машинистка, когда Виктор взялся за ручку, собираясь открыть дверь кабинета.

— А где он?

— В командировке.

— Фиию! — присвистнул Витька. — Значит, зря приехал.

— Вы откуда приехали?

— Из села Куклин Угол. Заведу там Народным домом.

— Хорошо, что спросила, — забеспокоилась секретарь-машинистка.

нистка.— Петр Гаврилович перед отъездом наказал, что если вы приедете, чтобы я отдала вам наряд на литературу.

— Какой наряд?

Вместо ответа она сунула Виктору в руки какую-то бумагу.

— Идите на склад УОНО, там приготовлены для вас книги и плакаты. Заберите их с собой.

— Когда вернется Будилов?

— Дней через пять-шесть.

На складе УОНО Витьке выдали пачку литературы, рулон политических плакатов, буквари для ликбеза, аспидные доски и какую-то толстую книгу в красивом прочном переплете. На обложке книги было написано крупными буквами: “Настольная книга избача”. Он стал листать ее. Знакомясь с содержанием книги, Виктор узнал, что это книга-справочник для сельского политпросветработника по широкому кругу вопросов культурно-просветительной работы в деревне. Здесь были и пояснения к знаменательным датам красного календаря, и объяснения происхождения религиозных праздников и церковных обрядов. Особенно внушительным был справочный отдел. Были подобраны все новые законы о землепользовании. О трудовом праве батраков, работающих в кулацких хозяйствах, разъяснялся порядок исчисления сельскохозяйственного налога и страховых платежей. Был и специальный агрономический отдел, в котором давались рекомендации по агротехнике, по огородничеству, животноводству и пчеловодству. Используя эту книгу, каждый деревенский культпросветработник был в состоянии помочь крестьянам разобраться во многих, возникающих у них, вопросах.

“Вот что нужно сейчас для деревенского культработника,— подумал Виктор. — Эта книга незаменима! Кто же догадался выпустить такую замечательную книгу? Он открыл последнюю страницу справочника и прочел: “Главполитпросвет. Н. К. Крупская”.

“Теперь все ясно, — решил он и закрыл книгу. — Видимо очень нужна сейчас такая работа в деревне, если руководит ею самый близкий друг и соратник В. И. Ленина”.

Глава двадцать третья

В морозный полдень, подминая подшитыми валенками хрустящий снег, к сельской потребиловке спешил Силыч. По случаю солнечного дня и выпитой сегодня поутру рюмке самогона настроение его было приподнятое. Повстречав на пути тетку Матрену, Силыч остановился, как солдат, приставил к шапке-ушанке руку и отрапортовал:

— Здравия желаю! Женскому сословию мое нижайшее почтение!

— Спасибочко. Куда ты спозаранку бежишь, Силыч? Поди, восемь десятков скоро, а взбрыкиваешь, как жеребенок.

— В потребиловку за махрой.

— Вот окаянный, аж позеленел от табака, а все дымит и дымит. Посмотри, на кого похож стал, от зелья этого весь пожелтел.

— Потому и живу долго, Матрена. Копченого никакая боль не берет, — Силыч уже сделал шаг, чтобы идти дальше, но задержался, прищурился и с хитровой улыбкой спросил. — Слышала или нет, Матрена, говорят, на всех неграмотных баб в сельсовете списки составляют? Занесли тебя в списки?

— Записали, Силыч. На прошлой неделе вписали. И к чему бы это?

— Или не знаешь? Обучать хотят на писарчуков.

— Окстись. Что ты говоришь. Какие из нас писарчуки?

— Слышал я от верного человека, что всех баб, а особливо тех, которые по старости скоро работать в крестьянстве не смогут, будут учить грамоте и посылать в город писарчуками. Такое постановление от новой власти вышло. Давно бы вас надо было к делу приставить.

— По-твоему выходит, что мы, бабы, вроде без дела сидим? Не меньше вас работаем и в поле, и дома. Руки-то от такого безделья гудят к ночи. Кроме как в поле, бабе еще надо за ребяташками присмотреть, помыть да постирать, и еду сготовить. Постыдился бы говорить такое. Старый, а болтаешь невесть что.

Силыч понял, что обидел Матрену.

— Насчет писарчуков я, Матрена, зря сказал, а постановление,

чтобы неграмотных обучать, в самом деле есть. Всех неграмотных ноне учить будут.

— Не такие годы, Силыч, чтобы учиться. Какая теперь грамота? Голова, как чужая стала. Ничего не помнит. Вон взглядовская Аграфена, та — другое дело. Аграфене поди и тридцати годов нет. Как услышала, что списки ладят на неграмотных, сама побежала в сельсовет, запишите, говорит, меня учиться, в молодости не пришлось, так хоть теперь в грамотейки выйти.

— Не только Аграфена, еще такие сыщутся. Куда бегала, кума?

— К Наталье за веретенами. Попрясть маненько хочу. Ой, да что я с тобой заболталась! — Матрена махнула на Силыча рукой и быстро засемила к дому. Силыч посмотрел ей вслед и продолжал свой путь к потребиловке.

Едва минуло семь лет Аграфене, как подрядили ее в соседнюю деревню в няньки. “Один рот с плеч долой, — сказал тогда ее отец. — Грушка теперь сама себя кормить будет”.

Помнит все это Груша очень хорошо, как будто только вчера было. Помнит и как причитала мать, провожая ее из дома в люди. “Золотушечко ты мое ненаглядное, — выводила она. — Гулять бы тебе на свободушке, да белыми рученьками во полюшке цветы срывать. Выросла бы ты у отца и матушки, поднялась бы лебедушкой в голубо небо. Но знать не судьба тебе быть лебедушкой, не судьба летать высоко в небе. А судьба тебе идти во чужи люди, во чужи люди да в неволюшко”. Взяла она тогда за руку Грушу и, вытирая слезы концом головного платка, отвела ее в чужую деревню.

Пять лет жила Груша за кусок хлеба, а после подрядилась к кулаку в работницы. Летом вместе с хозяевами в поле работала, а зимой скотину обряжала. Каждый день таскала корма из сенника на скотный двор. Вставала засветло и работала весь день, как окаянная. За работой и не заметила, как время прошло. Опомнилась восемнадцати лет. Посватали ей тогда парня. Парень понравился. Самостоятельный такой. Вышла замуж. Жила в семье мужа, а потом с Федюшкой ушли от отца и стали обзаводиться своим хозяйством. Так и не заметила как промакнуло полжизни.

Не раз завидовала она подругам-одногодкам. Те учились в школе и знали грамоту. Читали книжки, а после рассказывали разные истории из прочитанного. Иные, выучившись в школе, уезжали работать в город по найму, другие выходили замуж и

оставались в крестьянстве. Эти на сходках не уступали мужикам. Иная мужика так обреет, что только ахнешь. Грамотейки умеют постоять за себя. “А я темная, темная и есть”, — думала Аграфена. А когда узнала, что переписывают неграмотных, чтобы учить, со всех ног побежала в сельский совет.

Готовились к ликбезу и культармейцы.

В комнате у Серафимы Никаноровны собрались учителя на кустовое совещание по ликбезу. Школа считалась базовой, и тяготели к ней еще три школы сельского совета.

Из Пантелеевской школы приехала на совещание Евдокия Ивановна — учительница лет пятидесяти пяти, полная, но еще молодая, с добрым и привлекательным лицом. С ней коллега по школе — рыженькая кнопка, хохотушка и насмешница Ниночка Гавеман. Ниночка не пропускала случая посмеяться над кем-нибудь. Склонность к острословию, казалось, была у нее врожденной.

Из Пречистенской школы явилась Ядвига Людвиговна — рослая, стройная, белокурая полька, с высоким бюстом и приятным грудным голосом. Ядвига Людвиговна еще в начале Германской войны эвакуировалась в Горск, получила назначение учительницей в Пречистое, там вышла замуж, да так и осталась учительствовать в этой школе.

Прибыли еще две епархиалки — Валя Успенская и Зочка Верещагина.

Валя — миловидная толстушка, с завитками золотых волос на лбу и ужасно застенчивая девушка. Без всякой видимой причины, разговаривая с вами, она вдруг вспыхнет, ни с того ни с сего зальется краской так, что покраснеют даже мочки ушей. И не обращайтесь на это внимания, не скажите ей об этом, а то убежит. Сделайте вид, что не заметили ее смущения, через минуту, глядишь, и отойдет.

Зочка, наоборот. Эту никогда ничем не смутишь. Зочка — девушка серьезная, с большими умными глазами и длинными ресницами. Она редко улыбается, часто задумывается и осуждающе смотрит на Ниночку, когда та изощрается в острословии.

Были еще двое. Обе сослуживицы Серафимы Никаноровны. Вечно занятая какими-то домашними делами Мария Николаевна, проработавшая в этой школе больше десяти лет. И только что окончившая Горскую школу второй ступени и приехавшая сюда учительствовать в первых классах Оля Усолнцева. Оля недавно приехала в село и потому всех стесняется, не нашла еще

места среди новых знакомых. Она ко всему присматривается, приглядывается и вступает в разговор лишь, когда ее о чем-либо спросят. Например: “Олечка, а вам нравится здесь?” Ответит: “Нравится”, — и молчит. “А что больше всего вам нравится у нас?” “Все”, — ответит Оля и опять молчит.

Собрались учителя в этом году впервые. У каждого уйма новостей. Сначала зашел разговор об общих знакомых, после говорили о том, кто и где летом отдыхал, о том, как приступили к занятиям, и о новых школьных программах.

У Серафимы Никаноровны свои новости. Она рассказала коллегам о Народном доме и комсомольских субботниках.

— Это чудо, а не ребята, — говорила она. — Задумали Народный дом отремонтировать своими руками и сделали.

— Коллеги, слышали новость? — вдруг спросила Евдокия Ивановна. — Теперь мы не учителя, а Шкрабы.

— Это ужасно! — возмутилась Ядвига Людвиговна. — И у кого это возникла мысль прекрасное русское слово “учитель” заменить непонятным и смешным названием “Шкраб”, чем-то похожим на морского краба. Это слово, если его даже понимать, как школьный работник, никак не раскрывает содержания нашей деятельности.

— Теперь во многом так. Ломают все старое, стараются заменить новые и часто худшим. Школьную сторожиху и ту переименовали, — с возмущением сказала Серафима Никаноровна. — теперь сторожиху-уборщицу называют техничкой, хотя из техники у нее только тряпка да веник. Сокращают слова, обозначают наименование учреждений только одними начальными буквами. Отдел народного образования называют — ОНО, Волостной совет — ВИК, Уездный совет — УИК. Выдумали такие названия учреждений, что язык сломаешь, и не поймешь, что скрывается за этими буквами. Я как-то видела вывеску и не могла удержаться, чтобы не записать ее. Подождите, прочитаю. — Она открыла тетрадку. — Слушайте, что написано было на вывеске: “ГУБУПЗАГСБЫТПЕРОПУХ”. Хорошо? Что же это оказалось? Оказалось, что это какая-то контора по заготовке и сбыту пера для подушек.

— Дело до курьезов доходит, — перебила Ядвига Людвиговна. — Хотите послушать анекдот? Идет по улице гражданин и ищет какое-то учреждение. Увидел над дверью табличку, на ней надпись “В.Х.О.Д”. Остановился перед табличкой и думает, что это

такое, что здесь за учреждение? Вкладывает в каждую букву какой-то смысл, хочет догадаться, какое она слово обозначает, и никак не может добраться до истины...

— Над дверью было написано обыкновенное слово “ВХОД”, — перебила Ниночка.

— Вход?! — рассмеялась Серафима Никаноровна. Засмеялись и другие.

— Господи, — сказала Серафима Никаноровна. — если бы Даль был жив, в какой бы он ужас пришел от такого коверканья русского языка!

Совещание не начинали, ждали Торопова, который должен был принести из сельсовета списки неграмотных и буквари. Время шло.

— Мариша, друг мой, принеси, пожалуйста, свою гитару. Если она еще цела. Я давно не играла и ужасно соскучилась, — обратилась Ядвига Людвиговна к Марии Николаевне.

— Ой, миленькая Ядвига, как хорошо придумали! — закричали девушки, услышав о гитаре. — Сыграйте какой-нибудь романс!

— А петь будете? — спросила Ядвига.

— Будем! Обязательно будем! — ответили девушки хором.

Мария Николаевна прошла в свою комнату и через минуту вернулась с гитарой.

— Все лето не играла, пальцы заржавели, — сказала Ядвига, настраивая гитару, затем села на стул, взяла несколько аккордов и запела низким бархатным голосом:

В лесу, за рекой жила фея.
В реке она часто купалась.
Но раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.

Кивнула головой, и хором вступили девушки.

Ее рыбаки испугались.
Но был с ними юноша Марко,
Схватил он красавицу фею
И стал целовать ее жарко.

В дверь кто-то постучал, затем она открылась, и в комнату ввалился Виктор Торопов, нагруженный двумя большими связками

букварей для взрослых. Песня оборвалась. Виктор положил буквари на стол.

— Вот мы и прибыли, — сказала Серафима Никаноровна и стала знакомить Виктора со своими гостями.

— Вас я давно знаю, — сказал Виктор, когда Серафима Никаноровна подвела его к Оле.

— И я вас, — ответила Олечка, опуская глаза.

— Мы вместе учились в школе второй ступени, — пояснил Виктор. — Только Оля училась в классе “А”, а я в классе “Б”.

— Скрытная какая наша Олечка. Давно знает Торопова, но для отвода глаз второй раз знакомится с ним, — сострила Ниночка. Оля вспыхнула и отошла к окну.

— Теперь все в сборе, можно и начинать, — сказала Серафима Никаноровна, пропуская мимо ушей неудавшуюся остроту Ниночки Гавеман. — Витя, ты был в сельсовете? — спросила она.

— Все в порядке, — ответил Виктор, вытаскивая из пачки учебников заложенную туда тетрадь. — Видите, какая толстая. Эта тетрадь историческая, она содержит все сведения о неграмотных и малограмотных нашего сельсовета к началу ликбеза. Всего по сельсовету учтено двести тридцать два неграмотных. Подавляющее большинство женщины. В списке перед каждой фамилией помечено, желает неграмотный учиться или нет.

Серафима Никаноровна приняла из рук Виктора список.

— Я думаю, что в первую очередь надо начинать работу с теми, кто хочет учиться. Как бы мы ни старались, но в этом году охватить обучением всех неграмотных все равно не сможем. У нас не хватит для этого ни сил, ни времени.

— Разве только одни учителя будут заниматься с неграмотными? — спросила Евдокия Ивановна. — Можно же привлечь к этому и других людей.

— Наш Данко, наверно, тоже будет заниматься с неграмотными? — глядя куда-то в пространство, спросила Ниночка.

— Какой Данко? — поинтересовался Виктор.

— Тот самый, который вынул из своей груди сердце и, как факел, поднял его над толпой, чтобы осветить людям путь в прекрасное будущее, — ответила она, с улыбкой глядя на Виктора.

— Вы говорите иносказательно, Нина Александровна. Чувствую в ваших словах какой-то подвох, но что к чему относится, не понимаю. Если имеете в виду меня, то я тронут таким сравнением, но, думаю, что оно неудачное.

— Почему принимаете все на свой счет? Какой вы Данко? Это даже смешно! Ха-ха-ха! Мы так теперь и будем вас звать — Данко из села Куклин Угол. Хорошо?

— Молодые люди, довольно пикироваться. Давайте лучше поговорим о деле, — перебила Ядвига Людвиговна. — Мне неясно, кто же все-таки будет еще работать с неграмотными, кроме нас грешных?

— Человек тридцать обучат комсомольцы. Мы уже решили, что каждый комсомолец будет обучать двух неграмотных, — заявил Виктор.

— Bravo! — похвалила Ядвига Людвиговна. — Молодцы!

— Молодцы-то молодцы, только бы это не повисло в воздухе. Не осталось бы фразой, — усомнилась Мария Николаевна.

— Комсомольцы своими решениями не бросаются, — резко ответил Виктор. — Решили, значит, сделают. Почему вы нам не верите? Из вашего окна дела комсомольцев хорошо видны. Посмотрите в него. Кто перед вашими окнами спортивную площадку оборудовал? Комсомольцы! Кто Народный дом отремонтировал? Опять комсомольцы. Какие же у вас основания говорить, что это решение комсомольцев останется на бумаге?

— Не выходи из себя, Витя! Решение — это еще не дело. Решение, действительно, может остаться на бумаге, если не подкрепить его работой, — вмешалась Серафима Никаноровна и продолжала. — Кто будет обучать неграмотных, кроме учителей и комсомольцев, есть еще время подумать, а учителям не стоит откладывать дело в долгий ящик. Я предлагаю, чтобы каждый из нас побыстрее собрал группу из десяти-пятнадцати человек и в ближайшее же время приступил к занятиям.

Возражающих не было.

— Теперь займемся программами и методикой обучения, — продолжала Серафима Никаноровна, держа перед собой какую-то большую инструкцию. — Прежде всего, познакомимся с методическим письмом Губнаробраза...

По окончании совещания Серафима Никаноровна пригласила всех вступить в общество “Долой неграмотность”.

— Впрочем, я уже это решила за всех вас, — заявила она. — Когда была в Горске, заплатила за вас вступительные взносы, получила на всех членские билеты общества и значки.

Она прошла к прикроватной тумбочке, принесла оттуда какую-то шкатулку и все содержимое высыпала на стол. На столе, топорщась винтами, заблестели значки.

— Какая прелесть! — рассматривая черненого серебра значки ОДН, искусно сделанные в виде открытой книги, восторженно воскликнула Ядвига Людвиговна, и стала привинчивать один из них к отвороту своего английского костюма. — Не хуже брошки!

— И мне они тоже нравятся, — сказала Зоя.

— Если нравятся, то и надевайте, девушки. Чего же не берете? — спросила Серафима Никаноровна.

— И мне можно? — застенчиво спросила Оля.

— Конечно же, Олечка, здесь же есть и твой значок.

Виктор стал раздавать учителям буквари для занятий с неграмотными.

— Симочка, а как будет с тетрадями и карандашами? — спросила Евдокия Ивановна. — Ты же знаешь, что наши школы сидят на голодном пайке. Из школьных запасов мы ни одной тетради на ликвидацию неграмотности выделить не сможем.

— Придется писать на аспидных досках. Аспидных досок, надеюсь, у вас хватает?

— На аспидных так на аспидных, все равно, — согласилась Евдокия Ивановна. — Жаль только, что у наших взрослых учеников ничего о своих первых шагах учебы на память не останется. Все их первые опыты познать грамоту будут стерты тряпками.

Она заняла позу декламатора.

— Внимание, Шкрабы! Итак, начинается новая эра — эра борьбы за всеобщую грамотность! И мы с вами зачинатели этой эры. Так, что ли?

Раздались аплодисменты.

— Подождите, коллеги, не хлопайте, чуть не забыла. Есть ведь песня о ликбезе. Вы слышали об этом?

— И песня есть? — удивился кто-то.

— Ходит по земле такая песня.

— Это очень интересно, Дуня. Пропой нам ее, пожалуйста, — попросила Серафима Никаноровна.

— Петь не умею, Симочка, а прочитая прочитаю.

Евдокия Ивановна взяла свою сумочку, вынула оттуда записную книжку. Надела очки и подошла поближе к окну.

Вперед, вперед, вперед ликбез,
В коммуне остановка.
Букварь в мозолистой руке
Сильнее, чем винтовка!

Все нам, кто жили в темноте
При власти капитала,
Звезда седьмого ноября
Путь светлый указала!

Ядвига Людвиговна взяла в руки гитару.

— Поются эти слова, видимо, на мотив уже известной нам песни “Наш паровоз”, — сказала она, наигрывая вступление. — Ну-ка, девушки, и вы, Торопов, помогайте. — Вступили дружно, и песня о ликбезе громко зазвучала под сводами сельской школы.

— Теперь вернемся домой с песней, — сказал Ядвига Людвиговна, отставляя в сторону гитару. — Посторонись неграмотность, наступает культура! — произнесла она с пафосом и, сказав это о культуре, сразу же обратилась к Виктору. — Почему же вы нас в Народный дом не приглашаете, дорогой юноша? Хотим посмотреть, какой он у вас.

— Он прячет его от нас, — съязвила Ниночка. — Просить его об этом бесполезно.

— Не прячу, а смотреть пока еще нечего. Ремонт только закончили. Начнем работу, тогда, пожалуйста, приходите и в библиотеку, и в кружки. Надеюсь, что и в спектаклях наших участвовать будете. Ядвига Людвиговна выступит в концерте с гитарой, а Нина с Зоей споют что-нибудь дуэтом. Мы всегда рады будем гостям.

— Вы это как, из деликатности или серьезно? — спросила Ниночка.

— Совершенно серьезно. Правда, бывайте почаще у нас в Народном доме. Почему бы вам всем не прийти в следующее воскресенье?

— Если бы это было близко. К вам же каждый день на репетиции ходить надо, а годы-то уж не те, милый юноша, — ответила Ядвига Людвиговна. — Стареем мы, бабы, да и домашние дела заедают.

* * *

Аграфена собиралась в ликпункт. Еще накануне она вынула из сундука праздничную юбку, совсем новую синюю кофту, сшитую к прошлогодней пасхе, и кашемировый платок — подарок мужа к свадьбе, пролежавший в сундуке около десяти лет. Все это почистила и погладила. А сегодня с утра, раньше, чем свет, управилась по хозяйству и долго наряжалась перед зеркалом.

— Ты как к обедне в престольный праздник вырядилась, — пошутил Федор, заметив тщательные сборы жены.

— Нарядилась в кои-то веки. Там, чай, чужие люди будут. Что мы, хуже других что ли?

— Ну-ну. Только ты там не закрути с кем-нибудь.

— Или я раньше гуляла с кем? Да кто же на меня теперь такую старую смотреть будет?

Груша вышла из дома и направилась к Авдотье, которая жила недалеко от нее. Та тоже записалась в ликбез, и подружки договорились на занятия ходить вместе.

— Здравствуйте, люди добрые, — поздоровалась она, заходя к Евдокии. — Ты готова, что ли? Пора идти.

— Давно готова. — ответила та. — Только тебя и жду.

— Мне, Авдотья, не верится, что грамоте уметь буду. Все как во сне, — начала Груша, выходя из теплой избы.

— Ты погоди, еще пойдем ли чего-нибудь. Может, это для нас с тобой как лес темный будет.

— Ну, уж и скажешь, Авдотья, что мы — несмышлениши что ли какие? Поди, не хуже других.

День выдался солнечный, и наши подружки, раскрасневшись на легком морозце, быстро шагали по снежной дороге к селу Куклин Угол. Кругом бело. В лучах яркого солнца вспыхивают снежинки, а на земле белая пелена, как бы присыпана какими-то блестками, которые то загораются, то гаснут. И оттого, что кругом такое чудо, на душе у подруг легко и спокойно.

— Муж-то твой, Авдотья, не сердится, что пошла учиться? — спросила Аграфена лишь для того, чтобы рассказать самой, как отнесся к ее желанию учиться Федор. Показать подружке, какой он у нее хороший.

— Сначала поворчал немного, зачем да для чего это тебе сладось, жили же так, проживем и дальше без грамоты. Потом смирился. Иди, говорит, если надумала учиться.

— А Федор мой, тот сам посылает. Учись, говорит. Аграфена, если в детстве не пришлось. У нас не семеро по лавкам. По дому я тебе помогу, пока учишься. Он у меня добрый... Я думаю так, Евдокия, приложу все свои силушки, а грамотейкой стану. А то ходишь, как слепая. Имя свое написать не умеешь. От людей стыдно.

В этот день Виктор Торопов тоже надел свое лучшее платье. Он понимал, что день этот особенный, что придется ему сегодня выступать в качестве преподавателя. Было приятно думать об

этом. На нем была синяя косоворотка и шевиотовые черные брюки, оставшиеся после старшего брата. Косоворотка хорошо шла к его продолговатому лицу, к волнистым каштанового цвета волосам, спадающим прядями на высокий лоб.

Вчера он в деталях продумал план сегодняшних занятий, подготовил помещение и классную доску.

В Народный дом пришел раньше, чем собрались ученики. К началу занятий подошло десять человек из двенадцати по списку. Среди прибывших были три девочки-подростка, которые почему-то в свое время не могли учиться в школе, два пожилые женщины из Подольново, две возницы молока с маслозавода, тетя Поля и Груша с подругой.

Виктор пригласил всех пройти в читальню.

— Прощу рассаживаться, — торжественно пригласил он, показывая жестом на мягкие кресла, расставленные вокруг стола.

Женщины переглянулись, но, подчиняясь воле руководителя, несколько стесняясь, подошли к столу и уселись в кресла, потонув в мягких подушках.

— Как барыни какие расселись, — сказала тетя Поля, едва доставая подбородком до края стола.

Все засмеялись. Девочек-подростков, сидящих в креслах на противоположном конце стола, вообще не было видно. Там, где должны были быть девочки, из-за края стола торчали лишь макушки их голов с заткнутыми в волосы гребенками. Такого эффекта Виктор не предвидел и потому немного растерялся.

— Так не пойдет, — сказал он. — Я должен учить вас писать руками, а не носами, а для того, чтобы писать руками, руки ваши вместе с локтями должны лежать на столе. Как ни жаль, а придется, видимо, сменить мебель, расстаться с мягкими креслами.

Женщины заулыбались.

— Мы сами не привыкли на мягком сидеть, — сказала Груша. — Хорошо бы сюда деревянные скамейки поставить.

— Поля, проведите учеников на сцену, пусть каждый принесет оттуда по стулу.

— Вот теперь другое дело, — сказал он, когда все мягкие кресла были сдвинуты к стене, а вместо них вокруг стола поставлены стулья. — Всем удобно?

— Удобно, — ответила за всех Груша.

— А вам? — обратился он к подросткам.

— И нам удобно, — пропищали девочки.

— Тогда начнем урок.

Виктор раздал учебники.

— Читать умеете? — спросил он.

— Нет, — ответили хором.

— А считать?

Произошла заминка. Потом кто-то сказал:

— Немного можем. Чтобы купить в потребиловке или на базаре приходилось считать, — уточнила Груша. — Могу прибавить и отнять копейками и гривенниками до рубля. Рубли тоже могу сосчитать.

— А умножать можете?

— Не можем, — ответили.

— А делить?

— Тоже не можем.

— В ликпункте, если будете исправно посещать занятия, все вы научитесь и писать, и читать, и считать. Сегодня начнем учиться читать. Прежде попробуем разобраться в таком вопросе: задумывались ли когда-нибудь вы над тем, почему отцы и матери ваши, да и сами вы оставались неграмотными? Наверно не раз задумывались и всегда отвечали — от бедности. Бедность подавляла крестьян. Вот вы, — обратился он к Груше, — как ваше имя?

— Аграфена. — ответила та.

— Вот вы, Груша, скажите нам, почему не учились в детстве? Ведь в то время, когда вы росли, в селе была церковноприходская школа.

— В школу пошли из семей побогаче, а меня в няньки отдали. — почему-то покраснев, ответила Груша.

— Наверно жизнь у многих из вас сложилась так же, как и у нее, — продолжал Виктор. — До революции жили в деревне одни богато, а другие бедно. Богатыми были помещики, лавочники, кулаки и попы. Эти учили своих детей в школах, а кто побогаче, те в гимназиях и университетах. Бедными были малоземельные и безземельные крестьяне, которые, чтобы заработать себе на хлеб, должны были идти в кабалу к богатым, наниматься к ним батраками. Учить детей бедным было не под силу, потому и оставались их дети неграмотными на всю жизнь. После революции были конфискованы земли у помещиков и розданы малоземельным и безземельным крестьянам. Крестьяне с того времени перестали быть рабами, они стали хозяевами своей судьбы, кузнецами своего счастья. Теперь не только перед богатыми, а и перед всеми крестьянами открылась

дорога к грамоте и просвещению. Я сейчас напишу три слова, а после их вместе прочитаем. Он взял мел и написал на классной доске большими буквами: “МЫ НЕ РАБЫ”. Теперь откройте первую страницу своего учебника, эти же слова первыми написаны и там. Кто прочтет их?

Молчание.

— Я помогу, — сказал Виктор. — Я написал здесь “МЫ НЕ РАБЫ”. Запомните, как пишутся эти три слова, — продолжал он, подчеркивая каждое из них отдельно.

— Поля, прочтите нам, что здесь написано.

— Мы не рабы, — повторила Поля, задерживаясь на каждом слове.

— Отлично. Теперь Груша прочтет нам из своего учебника вторую строчку. Там те же слова, но только они поменялись местами. Смелее читайте, Груша!

Груша сначала медлила и не решалась начинать, потом уверенно, как-то особенно громко произнесла:

— Рабы не мы, — и рассмеялась, то ли от радости, что первый раз в жизни самостоятельно прочитала три слова, то ли от сознания той большой правды, которая была вложена в эти слова. Засмеялась и вся группа, ободренная первыми успехами Груши и надеждой на то, что скоро и они, так же бойко самостоятельно будут читать слова, написанные в книгах. Засмеялся и Витька, разделяя их общую радость.

Глава двадцать четвертая

После комсомольского собрания или репетиции, комсомольцы часто задерживались в Народном доме и беседовали на разные темы.

Как-то в субботу, после репетиции чеховских рассказов-миниатюр, зашел разговор о радио. Говорили о недавно открытой в Москве радиостанции имени Коминтерна и ее радиопередачах. Кто-то уже видел детекторный приемник и рассказывал о его устройстве, другой читал в газетах, что советской промышленностью уже налажено производство детекторных приемников и что недалеко то время, когда радиоприемники будут установлены во всех культурных учреждениях: школах, народных домах, клубах и что теперь труда никакого нет наладить прием радиопередач московской радиостанции в любом месте. Устройство в селе радио становилось вполне реальным делом.

Кто-то первый сказал, теперь трудно припомнить кто: “Если радио так просто устроить, давайте его сделаем!” И никто не засмеялся. Предложение приняли всерьез, потому что все были подготовлены к этому.

— Сделать можно, а деньги где? Чтобы ставить радио, надо покупать приемник и антенну. Где возьмем деньги? — спросил секретарь ячейки Копейкин.

— Фью! — присвистнул Егор Рачков. — Деньги достать проще простого. Мы их заработаем спектаклями. Устроим спектакль с танцами, за каждый входной билет будем брать по пять яиц, яйца сдадим в кооператив или продадим в Горске на рынке. Вот вам и деньги.

— Так деньги заработать можно, — поддержал кто-то. И с предложением Егора согласились.

— Слушать как будем? По очереди или как? — спросил Колька, внимательно следивший до сих пор за ходом беседы и уже давно усвоивший радиотехнику, понявший, что радиопередачи с помощью детекторного приемника можно слушать только через наушники, и слушать их может одновременно только один человек.

Из-за малозначительности Колькиного вопроса ответа не последовало.

— Давайте, ребята, подсчитаем, что нужно для радио, — предложил Виктор. — Начнем с денег. Деньги спектаклями зарабатываем. Это реально. Но кроме денег потребуется кое-что и другое. Потребуется, например, приемник достать и метров сто медной проволоки для антенны. Известно нам, что ни приемника, ни медной проволоки мы ни за какие деньги не купим. Их нет в торговле.

— А ты обратись к Уполитпросвету, — посоветовал Копейкин. — Как думаешь, Виктор, начальство твое пойдет навстречу?

— предложение наше наверняка начальство одобрит. Но учтите, ни приемника, ни антенны у Будилова тоже нет. Радио сейчас — дело редкое. Его нигде нет в округе. Даже в Горске стоят только две антенны, одна над Уездным исполкомом, а вторая над клубом железнодорожников.

— Ты ему скажи, что нам радио вот как нужно, — провел Копейкин пальцем по горлу. — Что в Народный дом сейчас только молодежь ходит, а будет радио, потянутся и старики.

“Конечно, это так, — думал Виктор. — Пойдет слух, что в селе Куклин Угол можно Москву услышать, потянутся к нам за новостями и пожилые и старые. Каждому захочется узнать, что на белом свете делается. А все новости будут у нас. Новости мы будем добывать прямо из Москвы, их первых рук. Это все Будилов понимает, и агитировать его не стоит. Но сможет ли Будилов помочь нам?” — Обдумав все это, Виктор ответил:

— Ты, Ванюха, прав. Нигде, кроме как через Будилова, радиоприемник и антенну не достанем. Значит, только один путь, надо к нему идти.

— Какое же примем решение? — спросил Голубков, поднимаясь со стула и заправляя выбившуюся из-за пояса рубашку.

— Решение одно, — ответил Копейкин. — Антенну и приемник поручаем достать Виктору а остальным содействовать.

— Хорошо, — сказал Торопов, — На неделе я пойду в Горск специально по этому делу.

* * *

Через три недели после памятного разговора заведующий уполитпросветом Будилов сказал Виктору, что сто метров медной проволоки он для него достал.

— За проволокой пойдешь в хозяйственный отдел Уисполкома к Кузнецову. Мы с ним договорились, что со склада по моей записке отпустит он тебе эту проволоку.

Тут же на официальном бланке и написал: “Прошу подателю сего, Виктору Торопову, отпустить для Народного дома проволоки медной сто метров. Как договаривались”.

— Теперь о приемнике с наушниками. Задал ты мне задачу. Пришлось разговор вести с Губполитпросветом. Поругался с ними из-за твоего радио, но все же двадцать приемников на уезд выбил. Через неделю должны поступить.

Когда медный провод и детекторный приемник с наушниками были доставлены из Горска, казалось, все сделано, но тут возникла новая проблема. Сложной оказалась установка антенны. Вопрос о том, где и как натянуть антенну, вызвал много споров. Чтобы поднять антенну как можно выше, мачты следовало крепить на крышах домов. Одну можно было поставить на крыше Народного дома, что давало возможность приподнять конец антенны над землей на высоту до пятнадцати метров, но надо было на такую же высоту поднимать и другой конец антенны, а близко от Народного дома не было никаких построек кроме церкви. Оставалось только вкапывать мачту в землю, а где найдешь семнадцатиметровую лесину? Да и поставить такую было бы непросто. Ребята долго бились над решением этой инженерной задачи. Предлагали варианты, и тут же отвергали их. И вдруг у Петрухи засветились глаза.

— А что, если не ставить второй мачты, обойтись без нее, — сказал он.

— Как можно без второй мачты? — спросил Копейкин. — Вот еще изобретатель нашелся.

— Можно и без мачты. Второй конец антенны можно привязать к церкви, — пояснил Петруха. — Выше колокольни, где начинается шпиль, есть маленькое окошечко, здесь мы и закрепим нашу антенну. Я как-то лазил туда и видел, к окошечку ход с колокольни.

— Ты церковью распоряжаешься, как своим Народным домом. Неизвестно, как еще посмотрит на это дело отец Григорий, — заметил Витька.

— Мы его уговорим, — улыбнулся Петруха. — Отец Григорий сговорчивый мужик, ему выставить бутылку самогона — и дело слажено.

Копейкин поддержал Петра.

— Предложение дельное. Может, и на самом деле что-нибудь выйдет. Давайте попробуем повернуть на это отца Григория.

— А кто самогоном его поить будет? — полюбопытствовал Колька.

— Мы, — сказал Петруха, — пригласим отца Григория ко мне в избу, когда дома бати не будет. Скажем ему так, мол, и так, наша молодежь, святой отец, поговорить с вами желает о боге. Поп не дурак, он поймет, что никакая беседа о боге нам не нужна, а коли его в компанию приглашают, значит, будет выпивон. А где есть выпивка, отец Григорий за версту носом слышит. Придет поп, мы его тут насчет радио и обработаем.

— Так и сделаем, — согласился Копейкин. — У тебя, Петруха, не голова, а сундук с идеями! Тогда тебе и задание — достать бутылку самогонки первача. Расходы потом покроем, денег после покупки приемника немного осталось.

* * *

Обработка отца Григория началась на следующий же день. Виктор повстречал попа на дороге к сельской потребиловке. Поп был одет в коричневое, на вате, из домотканого полотна полу пальто, в серые, тоже домотканого полотна, порты, заправленные в валенки, и черную шляпу с широкими полями, под которую были спрятаны собранные в клубок волосы. На груди лопатой лежала седая борода.

Повстречавшись с попом, Виктор приподнял шапку.

— Здравствуйте, Григорий Александрович, — сказал он.

— Да здравствует комсомолия! — подчеркнуто громко пропел низким баритоном отец Григорий, как будто бы и на самом деле был рад встрече с комсомольцем. — Как дела на безбожном фронте? — спросил он полушутя.

— Не могу похвастать, отец Григорий. Как праздник какой, так народ мимо Народного дома к вам в церковь валит. Вы верующих в крепких руках держите. Сдается нам, что сильно пугаете их адом.

— Не говори слов богохульных, сын мой.

“С чего бы мне начать?” — думал Виктор и, не раздумывая долго, махнул напрямик:

— Отец Григорий, ребята поговорить с вами хотят насчет религии. Могли бы вы как-нибудь зайти к нам для беседы?

Поп задумался, помолчал, видимо, что-то соображая, потом изрек:

— Не пристало отцу духовному в Народный дом ходить, где безбожные лекции читают.

— Зачем же в Народный дом. Мы можем и в другом месте встретиться. В понедельник вечером компания у Петрухи Голубкова собирается, там бы и поговорили. Огурчиками солеными вас угостим, грибками...

— Грибками, говоришь? — воспрянул поп. — А горилка будет?

— Горилка тоже будет.

— Если горилка будет, зайду. Ее и монахи приемлют.

— Мы вас ждать будем. Приходите обязательно.

— Приду, сын мой, приду.

Витька и поп пошли разными дорогами. Витька, удовлетворенный встречей и разговором с попом, шел к школе, улыбаясь по поводу хитрой комсомольской затеи, а отец Григорий, раздумывая по поводу сделанного ему комсомольцами предложения и немало удивляясь сему, шагал к кооперативной лавке.

* * *

В понедельник в доме у Петрухи для дипломатической беседы с попом Григорием было все готово. Собрались здесь, как и договаривались, все участники этой встречи: Ваня Копейкин, Егор Рачков. Шура, Колька и Витька Торопов. Все складывалось как нельзя лучше. Отец Петрухи, дядя Павел, уехал в тот день в Халезево к брату, а тетка Агафья, Петрухина мать, вот уж вторую неделю как домовничала в Шеино у больной сестры. Никто в этот день задуманной беседе с попом помешать не мог. Ребята, как и обещали отцу Григорию, поставили на стол бутылку крепкого самогона, тарелку соленых рыжиков и огурцы.

— Как будем агитировать попа? — спросил Петруха. — Может, сначала накачаем самогоном. А потом с пьяным и начнем разговор об антенне? Или наоборот?

— Наоборот будет вернее, — сообразил Витька. — Пьяный мало ли чего набрехать может, а потом и откажется от своих слов, скажет, был пьян и не помню. Нет, мы его начнем обрабатывать сразу же, как только зайвится сюда.

— Придет ли? — уже стал сомневаться Петруха. — Может, зря канителились. Может, он пошутил с тобой, Витька? А вдруг его и дома вовсе нет.

— Надо бы это проверить как-нибудь, — согласился Виктор. — Хорошо бы Кольку к нему послать. Ну-ка, Колька, сбегай к попу, скажи, что его здесь ждут.

— Все Колька да Колька. Колька туда, Колька сюда. Во-первых, не Колька, а Николай Михайлович, а, во-вторых, почему только я должен бегать? Пусть Петруха ходит, он хозяин. В его дом поп в гости приглашен.

— Понимаем твою обиду, Николай Михайлович, но сделай нам такое одолжение, сходи к попу. Кроме тебя среди нас нет никого, кто мог бы столь ответственное поручение выполнить: попа на комсомольский актив привести, — заискивая перед Колькой, сказал Виктор, похлопывая его по спине.

— Скоро тебя в комсомол принимать будем. Это первое тебе комсомольское поручение, — поддержал Копейкин.

— Ой, и хитрый ты, Ванька. Ладно, ждите. Доставлю вам сюда попа Григория живым манером, — крикнул Колька и выбежал на улицу. Через окно ребята видели, как он бегом добежал до поповского дома и скрылся в калитке. Минут через десять вернулся и доложил:

— Поп Григорий очень занят. Поп просеивает муку для блинов. Блины настраивается печь, а попадя ушла куда-то из дома. Весь в муке перемазался, и щеки, и нос — умора. Забыл поп о вашем разговоре, Витька, и никуда не хотел идти. Пришлось ему одно секретное слово сказать. Если бы не это слово, то ни в жизнь бы вам сюда попа не выманить. Смотрите в окно, сейчас покажется.

Через минуту от поповского дома отделилась коренастая фигура в черной шляпе и направилась к Петрухиной избе. Ребята, увидев попа, чинно уселись за стол. Витька закусил губу, чтобы не рассмеяться.

— Мир вам, и я к вам, — торжественно пропел отец Григорий, заходя в избу.

— Вешайте свою шляпу на гвоздь и присаживайтесь к нам, — пригласил попа Копейкин, подставляя ему табуретку.

— Я вижу, молодые люди умеют слово держать. Богатое выставили угощение. Истинно сказано в писании: “Рука дающего не оскудеет”, — присаживаясь к столу, заявил отец Григорий.

Водрузился на табуретку и замолчал, ожидая развития дальнейших событий. Молчали и комсомольцы, неловко чувствуя себя в необычной компании.

— Какие дела у комсомолки нашей к пастырю православной церкви возникли? — первым нарушил молчание отец Григорий.

Комсомольцы переглянулись. Витька мигнул Копейкину — начинай, мол, ты.

— Мы, конечно, не о религии с вами толковать собрались, — начал Копейкин. — У нас насчет религии все ясно. Никаких вопросов нет. Радио ходим наладить, чтобы Москву слушать. Об этом и разговор пойдем.

— Радио? Очень похвально, — одобрительно отозвался отец Григорий. — Еще такого, кажется, и в уездном городе нет.

— Есть, отец Григорий, в Горске радио, — вмешался Виктор, — а в деревнях, действительно, близко от нас нигде нет. Вот мы и хотим первыми радио наладить. Все у нас получается, только стал вопрос из-за антенны. Один конец антенны к мачте над Народным домом думаем крепить, а второй конец крепить негде. И решили мы просить вашего разрешения закрепить его у церковного шпиля, над колокольной.

— Понимаю... — медленно выдавил отец Григорий. — Хотите склонить служителя церкви к тому, чтобы всю безбожную пропаганду, которая из Москвы идет, слушали миряне через храм божий?

— Антирелигиозную пропаганду мы все равно в себе вести будем независимо от того, к церкви будем крепить радиоантенну или к какому другому месту, — резко парировал Копейкин, желая, видимо, произнести тираду о роли комсомола в борьбе с религией.

— Не ершишь, юноша, пошутил я, — перебил отец Григорий. — Привязывайте свою антенну хоть к церковному колоколу. Церковь всегда была в дружбе с наукой.

— Вот за это спасибо! — обрадовались ребята согласию попа. — А насчет дружбы церкви с наукой это вы зря. В истории наоборот было. Вспомните Коперника или Джордано Бруно, — возразил Копейкин.

— То была инквизиция. Их преследовала католическая церковь, иезуиты и изуверы. Я же пастырь православной церкви.

— Церковь везде одинакова, — заявил Копейкин.

Виктор поднялся, налил в стакан самогона и подал попу.

— Перестань, Иван, волновать отца Григория, он сегодня наш гость. Начинайте, батюшка.

— Истинно сказано: начнем благословясь.

Отец Григорий принял из Витькиных рук стакан, обвел глазами застольщину, увидел, что стаканов в руках у ребят нет, хотел что-то сказать, но вместо того понимающе мотнул головой и припал губами к сосуду.

— Первач, — глухо выдавил он и стал закусывать грибами. — Люблю рыжички, закуска — наипервейший сорт.

— Среди мирян разговоры разные ходят, — продолжал отец Григорий, немного отдышавшись, — что поп, мол, наш выпивоха. А я так смекаю: пей, да дело разумей. Не валяется же поп на дороге в непотребном виде. Как, отрок, правильно я говорю? — спросил он у Кольки.

Тот заулыбался, сказал:

— Не видел.

— А если бы и видел, как я валялся, что же здесь такого. Я тебе в деды гожусь. Ты подними одежды и накрой ими тело старика, как это сделал сын Ноя, праведный Иафет.

— Кто они такие, Ной и Иафет? — поинтересовался Колька.

— Не учите вы в школе ныне священное писание, отрок, а там много поучительного есть. Ной — это праведный человек, которого бог помиловал при всемирном потопе, а Сим, Хам и Иафет — его сыновья. Известно, что во время всемирного потопа со всем своим многочисленным семейством: сыновьями, их женами, с внуками и правнуками, а также с чистыми и нечистыми животными, Ной плавал в ковчеге, вроде нашей баржи по-теперешнему. После того, как небо перестало низвергать на землю потоки воды и вода пошла на убыль, ковчег сей пристал к горе Арарат. На горе Арарат Ной нашел виноградные лозы, великое множество ягод и приготовил из них вино отменное, а после устроил пир, чтобы веселием восславить господя. Вся семья Ноя на этом пиру веселилась зело. Сам же Ной, вознося славу ко господу, хватил через край, сбросил с себя одежды, остался наг, и стал ликовать. После же упал и уснул. Хам, видя отца своего спящим на земле в непотребном виде, привел братьев, чтобы посмеяться над ним. Братья же не стали смеяться, а пристыдили Хама, подняли с земли одежды и прикрыли ими наготу отца своего. С тех пор в нашем народе и зовется хамом всякий грубый и невоспитанный человек. Теперь уразумел, отрок? — спросил отец Григорий Кольку.

— Ага.

— То-то, сын мой. А если уразумел, то плесни мне еще в стаканчик вон из той посуды, — кивнул он на бутылку.

Выпив второй стакан самогона, отец Григорий сразу же поднялся с табуретки.

— Пойду домой. Я же не сказал матушке, наверное, с ног сбилась, разыскивая меня по всему селу, — и, стараясь держаться бодро, направился к выходу.

* * *

Установку антенны закончили к вечеру в воскресенье. После долго возились с подводкой и заземлением. Пока все это делали, совсем стемнело, но из Народного дома никто не хотел уходить. Приемник поставили в читальне на круглый столик. Столик комсомольцы обступили тесным кольцом. Все они были устройствами радио, каждому хотелось надеть на себя поскорее наушники и настроиться на прием, но сделать это мог только один человек. Кто этот один, сомнений не было. Витька по праву заведующего Народным домом и главного устройства радио приставил к столу стул, сел на него и надел наушники. Копейкин пристроился рядом и, заглядывая Витьке в глаза, следил за их выражением. Наступила торжественная минута, та самая минута, когда в селе Куклин Угол должны были услышать Москву. Поставили иглу на кристалл...

— Ну, как? Слышно что-нибудь? — спросил Копейкин.

— Подожди, ничего не слышу, — затаив дыхание, прошептал Виктор.

Он стал поднимать и опускать иглу, прикасаясь к разным точкам кристалла. Радио молчало. То слышались какие-то шорохи, то трески, то снова шорохи, а Витькины глаза, за которыми следили теперь все обступившие его комсомольцы, не выражали ничего кроме нетерпения. И вдруг всем сделалось безмерно скучно. Сколько было забот и все пошло прахом! Но через минуту в Витькиных глазах загорелся огонек. Где-то далеко-далеко услышал он звуки скрипки. Мелодия то лилась, то затухала, то появлялась вновь и крепла, становилась хорошо слышимой.

— Слышу скрипку, хорошо слышу! — радостно закричал он.

— Ура! — гаркнули ребята так громко, что крик этот слышен был даже на улице уснувшего села, а старые кирпичные стены Народного дома никогда еще не были свидетелями такого восторга.

— Дай мне! Дай мне! — одновременно до десятка рук потянулось к наушникам.

— Тише, собьете с кристалла, — остерег Витька. — Все послушайте. На, Ваня, бери, — сказал он, протягивая наушники.

На этот раз передавали какие-то объявления Моссельпрома.

До полуночи в тот день никто не уходил из Народного дома. Каждому хотелось своими ушами услышать Москву. То и дело наушники переходили из рук в руки. А в полночь диктор объявил, что радиостанция имени Коминтерна свои передачи заканчивает. И вдруг в эфире стало тихо. И не верилось, что все только сейчас слушали Москву, что ее голос был рядом, здесь, в этой комнате.

Взволнованные событием дня комсомольцы еще долго делились впечатлениями, и только утром, вдоволь наговорившись, возбужденные и переполненные живым ощущением радости за успех, разошлись по домам.

Глава двадцать пятая

На исходе декабря 1922 года стояла безветренная хмурая погода. В пятницу день был серый, все небо покрывала какая-то молочно-белая пелена, и на землю падали хлопья снега. Но термометр не падал ниже трех градусов по Цельсию.

По полевой дороге, что идет мимо деревни Взглядово на Куклин угол, шагала высокая женщина. На первый взгляд, ей можно было дать лет сорок семь, и выглядела она сильно уставшей, сутулилась, словно несла не плечах какую-то непосильную ношу. Сетка мелких морщин избородила лицо, глаза потухли и не проявляли никакого интереса к окружающему. От внимательного наблюдателя не могло ускользнуть и то, что женщина выглядела старше своих лет. Можно было также безошибочно определить, что она шла из города. Ее городской вид подчеркивали и легкий романовский полужубок, сшитый умелыми руками, и новые черные валенки-чесанки, и пуховый оренбургский платок. Такие платки стоили дорого, и из местных жителей никто их не носил.

Вероятно, женщина шла долго, падающие хлопья снега успели густо запорошить ее платок, плечи и воротник полужубка. И думала она о чем-то своем, видимо, эпизод за эпизодом, как кадры немого кинематографа, вставали перед ней картины из прошлой жизни.

Припоминалась Петербургская квартира на Васильевском острове, где провела детство. Квартира большая и размещалась она на втором этаже высокого каменного дома. Трудно теперь припомнить, сколько там было комнат, то ли десять, то ли пятнадцать, но в доме было много прислуги (это она хорошо помнит), и у них с сестрой на двоих была своя детская комната и француженка-гувернантка. Она не помнит лицо отца. Отец умер рано. Он служил доверенным Нобеля в Петербурге, получал хорошее жалование и был на виду в свете. После смерти отца мать получала пенсию. Пенсия тоже была хорошая, им всего хватало.

Многое забыто. Многое ушло из памяти, но навсегда в памяти остался тот день, когда она впервые открыла мир. То был удивительный день. С этого дня она и ведет отсчет прожитых лет. До этого была темнота, мрак, а все, что произошло в тот день, она видит удивительно ясно, до мельчайших подробностей.

Как-то утром в детскую комнату, еще при зашторенных окнах, вошла мать. Вырвавшаяся полоска света между складок плотных штор осветила ее лицо. Увидев, что дочь проснулась, мать взяла ее на руки и крепко прижала к груди. Потом подошла к кувшину (она помнит, что на маленьком столике в детской всегда стоял белый кувшин с водой и такой же белый эмалированный тазик), теплой водой из кувшина освежила ее лицо и стала надевать платье. Это было первое платье, которое надели на нее. Она хорошо помнит это розовое платье с черным горошком. В платье она почувствовала себя страшно неудобно. Платье жало подмышками, в поясе и мешало движениям. Она еще не умела тогда ходить. Мать поставила ножками на пол и, поддерживая сверху за пальчики, повела в гостиную. Ножки заплетались и скользили по паркету, но мать крепко держала ее, добиваясь самостоятельности в движениях, и не давала упасть.

Когда открылась дверь в гостиную, она увидела, что большая комната вся залита солнечным светом, как золотом, которое лилось откуда-то сверху. Луч из окна ударил сильно в лицо, стало больно глазам, и она зажмурилась. Когда снова открыла их, то увидела, что ее подвели к мягкому креслу, на котором сидела очень старая женщина.

— Вот посмотрите, какая у нас дочь, — с гордостью сказала мать, приподнимая и усаживая ее на колени к той старой женщине. Старуха поцеловала ее в голову.

Больше она никогда не видела этой женщины. И через много-много лет как-то спросила мать:

— Кто была та пожилая дама?

Мать ответила:

— Твоя бабушка, орловская помещица, приезжавшая в Петербург.

Она помнила и годы, проведенные в Смольном институте. Помнила посещение института государем императором и выпускной бал. “Удивительный был этот день — выпуск нашего курса”, — думала она.

В тот день утром состоялась торжественная служба в соборе, а к вечеру в Смольный съехалось много гостей. Были здесь родители воспитанниц, были какие-то важные генералы, сановники, иностранные посланники и много офицеров. Воспитанницы читали стихи и музицировали. В актовом зале горели хрустальные люстры. Сверкали эполеты, ордена и атласные орденские ленты. Дамы красовались бриллиантовыми колье, золотыми кольцами и браслетами, украшенными дорогими камнями. Играл военный оркестр. Со всех сторон лилось веселье. Кружилась голова от счастья и сознания того, что мы, воспитанницы, сегодня все стали взрослыми, все прощаемся с институтом и с завтрашнего дня вступаем в новую жизнь

Здесь впервые и познакомилась я с Александром — офицером Кавалергардского полка. Прошел год, и была свадьба.

Мать говорила, что, выйдя за Александра, я сделала хорошую партию. Для меня же с этого дня начались годы скитаний и мучений. Вскоре мужа произвели в полковники и послали служить на Кавказ. Служил в Пятигорске, затем в Тифлисе, а оттуда перевели в Среднюю Азию, в город Верный. Что я там видела? Ужасную пыль, ишаков и верблюдов. Больше ничего не видела. После началась война с Японией, и Александр отправился в Манчжурию, а я — в деревню, в усадьбу к матери.

Когда Саша вернулся из Манчжурии, жили снова в Петербурге. Эти шесть лет были счастливыми и пролетели незаметно. После началась война с Германией и эта ужасная революция.

Дорога подводила к зарослям ольховника. Путница не заметила, как вошла в них. А дальше дорога сворачивала вправо, спускалась вниз к реке и шла через брод. На противоположном берегу она снова круто поднималась вверх. Прямо же была проложена тропка к перекидному мостику, устроенному для пешеходов. Мостик был примитивный. Просто поперек реки лежали два связанных бревна, которые держались на честном слове. Здесь река сужалась, течение ее убыстрялось и, видимо, по этой причине она не замерзала. Через прозрачную воду на дне реки видны были камешки.

Осторожно ступая по запорошенным снегом бревнам, боясь как бы не поскользнуться и не упасть, крепко держась руками за прибитую сверху жердь, путница перебралась на противоположную сторону реки.

Голые деревья, с опавшими вокруг них листьями как скелеты доисторических животных-гигантов топорщили свои безлистые сучья вверх и в стороны. Их тоже запорошило снегом. Кругом стояла какая-то удивительная тишина. Медленно падали снежинки, устилая и без того заснеженную землю, иные, не долетев до земли, ложились на сучья.

“Как хорошо! Вот где можно забыться, уйти от грубой жизни, и ничто не потревожит тебя в этом зимнем безмолвии”, — думала она. И вдруг, точно оспаривая мысль, совсем близко подлетел и примостился на ветке ольхи снегирь. Чувик-чувик-чувик, зачувикал он, красуясь розовой манишкой. Снегирь повернулся раз, другой, перелетел на соседнее дерево и улетел вглубь ольховника. Кар-кар-кар, услышала она снова и, повернувшись на этот неприятный крик, увидела пролетающую вдоль реки ворону. Долетев до пешеходного мостика, ворона уселась на поручень и стала зло смотреть на маячившую на тропке фигуру.

“Я и здесь лишняя, — подумала путница, — никому не нужная, для всех чужая. Нигде не могу найти для себя место. Люди мечтают о будущем, строят разные планы, а у меня нарушилась всякая связь со временем, прошлое кажется сном, а впереди — бездна”.

Меж кустов, запорошенных снегом, появился просвет. Ольховник кончился.

— Вот как будто и до места дошла, — проговорила она, при выходе из ольховника увидев небольшое поле, за ним белую церковь и десятка полтора заваленных снегом приземистых домиков. Над белым кирпичным одноэтажным домом, что стоял недалеко от церкви, висел красный флаг.

* * *

Виктор Торопов сидел за письменным столом в библиотеке и проводил обработку книг. Он наносил на библиотечные книги шифр, выписывал книжные формуляры и расставлял книги по полкам стеллажей согласно нанесенному шифру.

Температура в помещении не многим отличалась от той, что была на улице. Народный дом отапливался плохо. Экономии дрова. Хорошо отапливались лишь комната сторожихи, где жила тетя Поля с ребятами, и читальня, куда иногда заходили люди почитать свежие газеты. В остальных помещениях печи топилась лишь время от времени.

От долгого сидения в холодной комнате Витькины руки и нос покраснели. Работая в сатиновой рубашке и накинутом на плечи полушубке, он поеживался и часто дышал на пальцы, которые не держали перо и никак не хотели подчиняться его воле. Он смотрел, как окружает руки выпускаемый изо рта пар, как облачко пара затем растворяется в пространстве, и старался припомнить закон из учебника физики, который мог бы объяснить это явление.

Отогрев чуть руки, Виктор посмотрел на лежащую перед ним большую пачку книг, на которую предстояло еще нанести библиотечный шифр. Поверх пачки лежала книга Ренана “Жизнь Иисуса”.

“Что мне делать с этой? — подумал Виктор. — Может быть, отложить в сторону. А потом выбросить к чертям, по всему видно, что книга церковная”. Он уже протянул руку, чтобы отбросить книгу, но вспомнил рассказ Будилова о том, как тот с неизвестной книгой раз обмишурился.

— Изъятие книг из библиотеки проводи осторожно, Виктор, никогда не руби с плеча, — говорил тогда Будилов и рассказал, как раз поторопился и попал впросак. — Попалась мне в руки книга под названием “ШарльЖид”, решил я, что эта книга антисемитская, и выбросил ее, а после оказалось, что книга совсем не о жидях, а о французском социалисте. Этот только фамилия у него такая.

Рассказ Будилова тогда рассмешил Витьку. “Хороший он человек, — думал Виктор, — не боится о своих ошибках рассказывать. Подожду и я выбрасывать “Жизнь Иисуса” пока не прочитаю”.

В дверь кто-то постучал.

— Кто там? Войдите! — крикнул Виктор через всю комнату, немного удивляясь стуку. “Это нездешний, — подумал он. — Такого еще не бывало, чтобы кто-нибудь из своих прежде, чем войти в библиотеку, в двери стучал. На Витькин зов дверь открылась и в комнату запорошенная снегом вошла женщина.

— Здравствуйте. Вы Торопов? — спросила она, усталыми глазами глядя на Виктора.

— Да, — подтвердил Виктор, вставая и выходя из-за письменного стола к ней навстречу.

— А я Дарья Николаевна Болдырева, жена бывшего генерала Болдырева, из имения которого вам передали имущество.

Произнося эти слова, она не смотрела больше на Виктора, а шарил глазами по сторонам. Взор ее блуждал по комнате, задерживаясь, то на одном, то на другом предмете расставленной мебели. Через минуту глаза оживились, как оживляются они у человека, долго искавшего и, наконец, нашедшего утерянную вещь.

— Я прошла дальнюю дорогу и очень устала, — продолжала она, несколько освоившись с обстановкой. — Разрешите присесть?

— Пожалуйста, садитесь, — ответил Виктор, думая о том, что нужно от него этой странной гостье и зачем она к нему пожаловала.

Быстрыми движениями развязав белый пуховый платок и стряхнув с него снег, она расстегнула шубку и, не снимая ее, села в глубокое синее кресло, стоявшее в углу комнаты. Глаза ее стали снова шарить по комнате.

— Все это мое, — сказала она, — и стол, и мягкая мебель, и рояль, что стоит у входа за дверями...

— Вы хотите сказать, что эти вещи принадлежали когда-то вам, — поправил Виктор.

— Ну да, — как-то рассеянно реагировала она. — Все произошло неожиданно быстро. Когда случилась революция, у нас отобрали только землю и скот. Я продолжала жить в усадьбе, а потом вдруг меня заставили выехать из дома.

— Вы где теперь живете? — из деликатности поинтересовался Виктор, присаживаясь недалеко от нее на другое кресло.

— В Горске, у Улиты Наумовны Преображенской, просфирни Горского собора. Эта старушка дружила с моей матерью. Она добрая женщина.

Наступила пауза. Виктор смотрел на гостью и думал о цели ее прихода, а та, видимо, не торопилась объяснять это.

— Я слышала о вас много хорошего, — через минуту снова начала она. — Слышала, что вы справедливый и отзывчивый человек. Вы наверно удивлены и ждете ответа на вопрос, зачем я пришла к вам? Я не привыкла кривить душой и скажу прямо. Я пришла просить вас, чтобы вы поберегли мои вещи. Очень прошу об этом. Потому что они мне дороги, и не материально, нет, поймите меня правильно, они неотделимы от моей жизни, они часть моей души. Вот на этом кресле, где я сижу теперь, умерла моя мать. — Она ласково погладила синий бархатный подлокотник рукой. — Разве я могу забыть о смерти мамы и это кресло. Каждая вещь — это цепь воспоминаний о моей прошлой жизни, о моем детстве, о дорогих и близких мне людях, о минутах

счастливых и горьких. Молодой человек, обещайте мне, что вы не допустите варварского отношения к вещам, не допустите, чтобы их изрубили топорами и сожгли в печах, обещайте мне сохранить их. Я очень прошу, обещайте мне это!

“Она пришла узнать, что стало с ее вещами, увезенными из усадьбы, теперь ясно”, — подумал Виктор и громко сказал:

— Дарья Николаевна, эти вещи у вас конфискованы не для того, чтобы глумиться над вашими чувствами и безрассудно превращать их в хлам. Вы видите, они переданы Народному дому для культурных целей, на благо народа. Вещи дорогие, на их производство затрачено много труда и, конечно, они требуют к себе бережного отношения. Твердо могу обещать вам беречь их.

— Значит, можно рассчитывать, что вещи вернуться ко мне не окончательно испорченными?

— Вы меня неправильно поняли. Вы вообще не можете рассчитывать на то, что они когда-либо вернуться к вам. Они нам переданы навечно и до конца жизни своей будут здесь.

— Один бог знает, что будет впереди. — Она нервно забарабанила пальцами о подлокотник. — Не прошло и пяти лет с тех пор, как отобрали фабрики от их владельцев, а теперь владельцы снова возвращаются на свои фабрики. Повсюду объявлен НЭП.

— Дарья Николаевна, вы поторопились с выводами. Здесь нет никакой связи. Действительно, чтобы восстановить разрушенное войной хозяйство, правительство вынуждено было использовать в интересах революции инициативу частного капитала. Чтобы опять заработали фабрики и заводы, производящие ткани и предметы, необходимые для повседневной жизни народа, понадобилось привлечь к делу старых заводчиков и фабрикантов. Некоторым из них временно вернули их фабрики. По иному дело сложилось в деревне. Земли помещиков теперь поделены между крестьянами и распаханы. Пахотной земли в нашей губернии мало, и крестьяне распахали даже пустоши, где раньше помещики и не думали хлеб сеять. После отмены продразверстки сельское хозяйство пошло на подъем. Отлично теперь обходится деревня без помещиков, и правительству нет надобности возвращать им имения. Вы напрасно шли сюда. Напрасно прошли такую дальнюю дорогу. Давно нужно было примириться с мыслью, что поместье ваше и все, что отобрано у вас, потеряно навсегда. Я понимаю, с этим вам трудно примириться, но другого выхода нет. Вы женщина еще не старая и должны

думать о будущем. Вы могли бы работать, вы — человек образованный, а сейчас большая нужна в грамотных людях. Они требуются буквально везде. Вы могли бы работать учителем, библиотечкарем, счетоводом, наконец. Стоит вам только захотеть, и станете уважаемым человеком, как уважают у нас всякого человека труда.

Виктор закончил свою тираду. Возбужденный произносимой речью, он нервно ходил по комнате.

Слушая Виктора, Дарья Николаевна время от времени кивала головой, как бы соглашалась с тем, что он ей говорил, но глаза ее были по-прежнему безучастны и блуждали по комнате, словно не находили достойного внимания предмета.

— Я не нищая! — закричала она после того, как замолчал Виктор. — Боже! Разве я думала когда-нибудь, что буду так унижаться? И перед кем? Вы еще совсем мальчик, а я — поседевшая женщина, и вы учите меня жить! Вы советуете мне поступить на службу. Вы предлагаете служить советам, которые лишили меня крыши над головой, имущества и всех человеческих прав. Я лишена! Я лишена всех прав, как жена бывшего генерала. О, если бы только это! Они не только лишили меня всех средств к существованию, но и залезли в мою душу, оскорбили во мне самые святые чувства. Я ненавижу всех вас! Не нужны мне эти старые кресла и диваны. Они пропахли мужиками и захватаны их грязными руками. Оставьте их ради бога себе, и мне от вас ничего не нужно. Слышите, ничего не надо! — Руки ее тряслись, кривилось лицо и, не имея сил далее сдерживаться, она уронила голову на подлокотник кресла и зарыдала.

“Этого еще не доставало, — подумал Виктор, — что я теперь буду с этой женщиной делать? Видать, она совсем раскисла, а, может, еще и припадок...” Он быстрыми шагами направился в кухню к тете Поле и принес оттуда синюю эмалированную кружку с холодной водой.

— Успокойтесь, Дарья Николаевна. Выпейте воды, — сказал Виктор, приподнимая с подлокотника ее голову. Женщина продолжала рыдать, а он стоял перед ней с кружкой в руке и не знал, что делать дальше.

Спустя некоторое время припадок стал ослабевать, дыхание становилось ровнее и всхлипывания прекратились. Приподняв через минуту голову, Дарья Николаевна приняла из рук Виктора кружку с водой и стала пить. Зубы ее стучали о края кружки,

вода выплескивалась на ее шубку и на пол. Вскоре она успокоилась, вернула Виктору кружку и, вынув из кармана носовой платок, вытерла им лицо. Виктор почувствовал тонкий запах аромата фиалки.

— Благодарю вас, — сказала она, — я не помню, что было. Может быть, в припадке чем-нибудь оскорбила вас, тогда простите.

Она поднялась с кресла, накинула на голову оренбургский платок, застегнула шубку и, не попрощавшись, вышла на улицу. Виктор видел, как мимо окна промелькнула ее фигура.

Он стоял у окна, смотрел на заснеженную сельскую улицу и думал: “Какое-то странное чувство возникло у меня к ней, может жалость... Ведь жизнь повернулась к ней своей непривлекательной стороной. Жила раньше хорошо, теперь узнала, что кроме роз в жизни есть еще и шипы. Они ее укололи и укололи больно. Можно понять ее состояние. Но она, видимо, не испытывает большой нужды. Живет в теплом доме, хорошо одета, работать нигде не хочет. Мать ее умерла, сидя в мягком бархатном кресле... Ну и что же? А вот у тети Поли муж умер от голода. Она даже похоронить его не смогла, схватила ребятишек и бежала из родных мест сама еле живая. Прибежала в чужие места к зиме, ребятишки раздеты, и обогреть негде. Работу любую просит, лишь бы угол был и кусок хлеба. Чья же судьба горше? Нет, не жаль мне эту надушенную фиалкой барыньку.

Глава двадцать шестая

За масленой неделей начинался великий пост — многие недели скуки и полуголода. Молоко, мясо, творог и яйца есть постом религией запрещалось. Постом запрещались и деревенские посиделки с песнями и танцами. Старики крепко держались за традиции, а молодежи лишь бы был праздник, она всю масленую неделю веселилась так, что веселью не видно было конца.

Шла масленица — песенная и разухабистая.

Снег по пояс, а парни с девушками, как малые ребята, катаются с гор на санках. Другой раз навалятся на санки человек десять, друг на дружку и ух! вниз, под гору. Санки до половины горы не долетят, наскочат полозьями на земляную кочку и... на бок! А ребята хохочут да с крутой горы, как чурки круглые, катятся. Смех да визг на всю околицу.

Посреди деревни к этим дням сооружали ледяные горки. Здесь катались подростки на деревянных долбленках, на козлах, на санках или просто в деревянных корытах.

К масленице готовили домашнее пиво и гнали самогонку.

В конце недели начиналось катание на лошадях. Лошадей для этого готовили загодя. Чистили скребницами, расчесывали и заплетали гривы, подвязывали хвосты. В конские гривы вплетали бумажные ленты. Сбруи украшали бантами, на шеи надевали ошейники с бубенцами, а к дуге привязывали колокольчики. Запрягали коней в легкие санки, разрисованные петухами возки или просто в розвальни.

Запрягают застоявшихся зимой коней, а они танцуют, перебирают ногами, рвутся с места. Тряхнут кони головой и зазвонят бубенцы, а стоит взяться за вожжи, как зальются серебряным звоном колокольчики, и кони начинают набирать скорость, а через минуту, глядишь, уже несутся они, как вихрь, поднимая облако снежной пыли. Комья снега, отрываясь от подков, бьют тебе прямо в лицо. Звонят бубенцы, заливаются малиновым звоном колокольчики, а в возках и на розвальнях парни с девушками сидят в обнимку и горланят на всю деревню веселые песни.

А комсомольцы?

Комсомольцев села Куклин Угол масленица поставила в тупик. Они не могли определить своего отношения к этому зимнему деревенскому празднику. Одни утверждали, что комсомольцы должны начисто отказаться от всех старых праздников и бороться за новый быт, другие, наоборот, доказывали, что масленица вовсе и не церковный праздник, а народный, связанный с проводами зимы, и отказываться от него нет нужды. В подтверждение своих слов они приводили довод — церковь эти дни не отмечает никакими службами. Спрашивали на этот счет стариков, те подтверждали.

Может быть, довод показался убедительным, или же комсомольцы просто не могли устоять против вихря веселья, который сшибал с ног каждого, но только и они веселились в эти дни вовсю.

За речкой Куколкой, между селом Куклин Угол и деревней Взглядово, посреди поля сооружали костер. Подростки с санками объезжали дворы, выпрашивая у крестьян всякую всячину для большого прощального костра, который зажигали в воскресенье, в последний день масленицы.

Люди не скупились, отдавали на костер деревянные бочки, в которых когда-то хранили деготь, старые колеса от телег, пропитанные колесной мазью, отслужившие свой век метлы и веники, гнилые доски и даже поленья дров.

Весь этот хлам вывозили в поле и укладывали в высокое причудливое сооружение, издали напоминающее старинную сторожевую башню. Когда горючее для костра было уложено, приходили девушки и украшали эту башню бумажными цветами и лентами. А в воскресенье вечером, при большом скоплении народа зажигали ее.

В последний день масленицы, когда, перевертываясь на сковороде, шкворчал и фыркал блин, Копейкин зашел к Торопову. Витькина сестра выложила часть блинов на тарелку. Рядом поставила сметану.

— Ешьте, пока не остыли!

Приятели, закусив, отправились во Взглядово.

На деревенской улице, взявшись под руки, гуляли ребята с девушками. Одни шелушили семечки, сплевывая шелуху на дорожку, другие пели песни.

В центре этой шумной компании был и Федор Сарычев, сын мельника, деревенского богатея, гармонист. Он, рисуясь, шагал

в окружении девушек с приколотыми к шубе бумажными цветами, и что-то лихо наяривал на гармошке. Около Сарычева его дружки.

— Посмотри, Виктор, много наших?

— Наши только две новые комсомолки Фрося с Тинной, а из ребят никого не вижу.

Заметив Копейкина с Тороповым, Сарычев сжал гармошку.

— Смотрите, комсомольские вожаки пришли, — крикнул он, — теперь девки берегитесь, будут вас агитировать в комсомол записываться. Запишут вас в комсомол, тогда гулянки по боку, будете с портфелями ходить да на собраниях доклады читать.

Девушки засмеялись.

— Давай, Ванюша, агитируй меня первую! — подбоченясь громко заявила Валя Шустова, синеглазая, со вздернутым носиком девушка. — Если сагитируешь, тогда в мясоед свадьбу сыграем.

— Можно и с тебя начинать! — подхватил Ваня под руку Валю.

— Молодец Валюха, заарканила одного агитатора! — засмеялась одна из девушек.

— Второго-то по жребии что ли будем разыгрывать? — соревнуясь в острословии, выкрикнула другая.

— Его надо к бабке Тимофеихе послать с докладом против бога. Пусть ее агитирует, она у нас верующая, — продолжал острить Сарычев.

— Тимофеиха ему в самый раз подойдет, — поддержал Сарычева кто-то из дружков. — Она его будет молиться учить, а он ей политграмоту читать.

Витька протолкался в середину толпы и подхватил под руки двух девушек. Слева оказалась Фрося, сестра Егора Рачкова, недавно принятая в комсомол, а справа какая-то незнакомая Виктору девушка, он видел ее в первый раз. “Наверно приезжая. В гости к кому-нибудь на праздник приехала”, — подумал Виктор.

Приезжая девушка одета была в черную овчинную шубку, отороченную белым мехом, на голове — черный с яркими цветами шерстяной платок, из-под которого чуть не до земли спускалась шоколадного цвета коса с вплетенными в нее алыми лентами.

“Какие необыкновенные глаза”, — подумал Виктор, заглянув в лицо девушки. Глаза ее были действительно какие-то странные, светло-карие, почти оранжевые. Такие глаза он видел впервые.

— Эту незнакомку я раньше нигде не встречал, — рисуясь, заявил Виктор и ждал ответа, объяснения, кто эта девушка и как она появилась здесь. Но на слова его никто не реагировал.

— Вы здесь гостите у кого-нибудь? — набравшись храбрости, спросил он.

— Это Катя. Внучка бабы Устиньи, — объяснила Фрося. — Приехала из Горинского к бабушке.

— Надолго?

— Сколько проживется, — улыбнулась Катя.

Всмотревшись в Катину улыбку, Виктор заметил ровные белые зубы. Один из верхнего ряда зубов немного выдавался вперед, но это не портило лица девушка, а скорее даже украшало его.

— Приехала она насовсем, — уточнила Фрося. — Бабушка у Кати старенькая, ей надо помогать по хозяйству.

— Тогда давайте знакомиться, — Виктор протянул Кате руку. Та подала ему свою.

— Что это вы замолчали, девушки? Давай, Федор, растягивай свой инструмент, заводи песню! — крикнула Сарычеву Валя Шустова.

Сарычев перебрал лады, а Валя запела:

Во субботу, день ненастный,
Нельзя в поле работать...

— Песня эта не для масленицы, — перебил Копейкин. — Споем что-нибудь другое, веселое.

Валя перестала петь. Новую песню никто не начинал. Тогда Сарычев снова перебрал лады и широко растянул меха гармошки и заорал кулацкую частушку:

Пароход идет
Прямо к пристани.
Все святые недовольны
Коммунистами!

А дружки подхватили и стали выводить следующий куплет:

Пароход идет,
А дым кольцами.
Будем рыбу кормить
Комсомольцами!

Они орали, стараясь перекричать друг друга.

— Кончай! — крикнул Копейкин и, подойдя к Сарычеву, вполголоса сказал: — Ты эти бандитские песни при себе держи, а то схлопочешь. Дай-ка сюда гармошку, я сыграю настоящую песню, — и потащил гармонь на себя.

— Не давай, Сарычев, пусть свою заведет! — крикнул кто-то из верных дружков.

— Отпусти ремень, — со злобой зашипел Сарычев, — и мотай отсюда пока цел.

Копейкин хотел было что-то ответить, но в это время на ступеньках крыльца ближнего дома появилась тетка Анфиса. Анфиса спустилась с крыльца, подняла над головой платок и, пританцовывая, запела:

Дайте ножик, дайте вилку,
Я нарежу свою милку...

— Вон как загуляла Анфиса. Перебрала сегодня хмельного, — заметила Фрося, а Анфиса, увидев толпу девушек с парнями, бросилась к ним.

— Ой, миленькие девоньки, что же вы не поете? Ведь масленица сегодня, праздник-то какой! Только и душу в этот день отвести от беды да несчастиев наших. — Она выбежала вперед и затянула приятным грудным голосом:

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке,
Серый селезень плывет...

Виктор думал о Сарычеве и сцене, что произошла у них с Копейкиным. Сарычев со своими дружками задирает комсомольцев. Это он нарочно такие частушки запел.

Зять на теще капусту возил.
Молоду жену в пристяжке водил...
— выводила Анфиса.

— Девушки, скучно так-то ходить. Пошли кататься с горы на санках! — предложила Фрося.

— Айда за санками! — крикнул кто-то, и все разбежались по домам. А через минуту по улице уже тащили, кто санки, кто долбленки, кто деревянного козла, кто другое, что могли достать.

У Фроси в сарае стояли дровни без оглобель. Вытащили и те.

— Нам как раз это и подойдет, — сказал Ванюшка. — Батя не будет за них ругать?

— Нет.

— Витька, Фрося, Катя, — давайте кататься вместе одной компанией. На такого коня все усядемся!

Согласились кататься вместе, и поволокли сани на высокий берег реки, укатанный школьниками.

— Ура! — закричали там, увидев огромные сани, которые волокла наша компания. Навалились на них, кто-то толкнул, и розвальни стремительно понеслись с высокого берега. У девушек замерло сердце от быстрой езды, кто-то завизжал, но визг потонул в общем шуме и крике.

А сани, съехав с горы, с разбега воткнулись в сугроб, и вся ватага повалилась в снег. После тащили сани в гору. Съезжали с горы еще и еще раз. Не заметили, как подкрался вечер. День кончался. В деревне в избах зажигали огни.

— Даже горло охрипло от такого крика, — действительно охрипшим голосом произнесла Фрося. — Скоро костер в поле зажгут. Давайте отвезем сани на место и пойдем провожать масленицу.

— Пошли! — согласилась ватага и, взявшись за веревку, потащили сани к деревне.

А из деревни, навстречу им, уже шли люди. Шли женщины с детишками на руках, шли мужики, шли парни и подростки. Все они направлялись к тому месту, где был подготовлен праздничный костер.

Совсем потемнело. На темно-синем небе хорошо обозначились звезды. На востоке поднималась луна, и легкий мороз пощипывал уши. Уходил навсегда последний день масленицы. С завтрашнего утра начнется скучная пора, а пока — праздник, последние его часы, давайте веселиться так, чтобы небу жарко было.

Кто-то поджег рухлядь, и над заснеженным полем высоко взметнулось пламя. Пламя костра заиграло красноватым отблеском на лицах людей и снежной пороше. А в поле и туда дальше к деревне от этого большого пламени совсем потемнело.

Около костра строился хоровод. Запели прощальную песню:

Прощай, прощай,
Прощай масленица!

Потом кто-то крикнул: — Со вьюном!

Все взялись за руки и образовали круг. На середину круга вышли Фрося и Катя. Они сняли с себя головные платки и, перебросив их через плечо, запели:

Со вьюном я хожу...

Витька пел со всеми вместе и думал о том, что вот сейчас по правилам игры Катя должна будет выбрать кого-то из парней. Конечно, она выберет того, кто ей больше других по душе. Интересно, кого выберет?

Я ко молодцу иду,
Поклонюсь ему,
Поклонюсь да и прочь пойду, — пел хор.

Фрося и Катя обходят круг, вглядываются в лица. Вот Катя прошла мимо Витьки.

“Нет, не меня”, — подумал он, и сердце его сжалось. Но вдруг Катя неожиданно повернулась, подошла к тому месту, где стоял Виктор, и низко, доставая рукой до земли, поклонилась. Кровь бросилась в лицо Витьке, было очень приятно, что выбрала Катя именно его, и в то же время немного стыдно оттого, что он комсомолец, а играет в какие-то любовные игры. Витька принял у Кати платок и вышел из круга.

Кто-то пошевелил костер. Вверх взметнулся столб ярких искр, и клубы черного дыма стали подпирать небо. Хоровод поет новые песни, а кругом темным-темно, только месяц горит в небесах, как золотое чайное блюдечко.

Стали играть в “третий лишний”. Нашлись шутники, которые толкали девушек в снег. Подойдут незаметно сзади, обхватят и повалят в сугроб.

— Мала куча! — кричат другие и падают туда еще и еще.

В этой кутерьме Витька оказался вместе с Катей. То ли он хотел ее отбить от обидчиков, которые тащили девушку к сугробу, да и сами получили подножку, то ли Катя схватила его сзади, и они вместе бухнулись в снег, этого он уже не помнит, но только, оказавшись вместе лицом к лицу в сугробе, он обнял Катю за шею, Катя смеялась и всеми силами отбивалась от Витьки. Он видел ее припорошенное снегом, покрасневшееся

лицо, ресницы, брови, закрытые глаза, открытый рот и перламутровые зубы, увидел и тот зуб, который немного выдавался вперед. Не понимая, что делает, когда лицо Кати оказалось совсем близко, он поцеловал ее в щеку.

— Отпустите сейчас же! — посерьезнела Катя, столкнула с себя Витьку и поднялась на ноги. Витька помог девушке выбраться из сугроба.

А костер уже догорал. Умолкли песни и девичий смех. Чернеющими тенями потянулись к деревне от костра люди.

— Пора и нам домой, — сказал Копейкин Виктору.

— Пойдем в село, переночуешь у меня, — пригласил приятеля тот.

— Конечно к тебе. Куда же я пойду ночью? Мать предупредил, что приду утром, чтобы не беспокоилась. Они стали выбирать на дорогу.

— Чего ты сцепился с Сарычевым? — спросил Витька.

— Ты же слышал, какие он песни пел. Сарычев видеть не может комсомольцев.

Витька говорил с Копейкиным, а сам думал о Кате. Какая она хорошая. Переполненный впечатлениями дня он старался восстановить у себя в памяти все мельчайшие детали того, что касалось Кати. Он припоминал черты ее лица, выражение глаз, улыбку, анализировал ее поступки, думал, почему обиделась на поцелуй, и никак не мог понять ее отношения к себе.

Глава двадцать седьмая

Виктор впотьмах провел Копейкина в комнату, зажег копилку и стал стягивать сапоги. На всем облике комнаты лежали приметы спартанского образа жизни ее владельца. Прибитый гвоздями к деревянной стене висел отрывной календарь, извещающий о том, что последним днем, когда его касалась рука человека, был четверг восьмого ноября 1922 года. На самом же деле шел февраль 1923 года. Видимо владельцу комнаты было недосуг пользоваться этим календарем, да и не было к тому необходимости, потому что здесь же на грубом, покрашенном коричневой краской столе, вплотную придвинутому к стене, стоял другой календарь, перекидной, в металлической оправе.

У противоположной стены стояла топорной работы деревянная кровать, покрытая лоскутным ватным одеялом, с подушкой в не первой свежести наволочке. На спинке кровати — застиранное вафельное полотенце. Над кроватью — рога оленя, на них одноствольное шомпольное ружье и охотничья сетка. На окне занавески не было. Снизу окно закрывала пожелтевшая от времени газета “Беднота”, приколотая к раме канцелярскими кнопками. Справа, при входе в комнату, размещалась печка-временка. В дальнем углу стояла этажерка с книгами.

Виктор стягивал с себя сапоги, а Копейкин выжидательно смотрел на Виктора.

— Я еще утром хотел спросить тебя, почему зимой в кожаных сапогах ходишь, форсишь или валенки свои бережешь? — наконец спросил он.

— Валенки мои тю-тю, Ванюха, сгорели.

— Как сгорели?

— Очень даже просто, сгорели и все тут. Случилось это на днях. Застыл в Народном доме, пришел домой, затопил печку, погрею, думаю, и валенки, и поставил их на печь, а сам лег отдохнуть. Как добрался до постели, так сразу же и уснул. Проснувшись от кашля, вижу в комнате дым такой — не передохнешь. Сразу понял — валенки мои горят. Бросился к печке, и точно, из-под

валенки дым валит. Помочил их под рукойничком, посмотрел, вроде ничего, только подгорели снизу. На другой день только просунул ногу в валенок, а оттуда все пальцы без задержки наружу. Пришлось к Силычу нести. Обещал после праздника подшить.

— Сколько заплатил за них?

— Все месячное жалованье отдал.

В комнату вошла Витькина сестра.

— Ну, как, гуляки, есть хотите? — спросила она. — Гречневые блины остались. Принести?

— Что есть в печи, все на стол мечи! Проголодались мы сильно. Ванюшка тоже со мной согласен. Правда, Ваня?

— Не приходила к тебе больше генеральша Болдырева? — спросил Копейкин.

— Зачем ей еще раз приходиться. Она и тогда поняла, что приходиться сюда ей больше незачем.

— Как незачем? Жалко барыньке окончательно расстаться с добром.

— Ее, Ванюшка, тоже понять можно. Наживала имущество, копила разные дорогие вещи, и вдруг трах! — и осталась ни с чем.

— Ты не жалей. У нее, наверно, еще кое-что осталось по мелочам — украшения там разные, золотишко, шубы, хорошие платья. Куда больше, чем у нас с тобой на двоих. Проживет и без поместья. Помещики не жалели мужиков, когда землю им в аренду втридорога сдавали. Мужики плакали, а брали, потому жрать надо, а без земли, куда денешься. А они на эти деньги за границу на курорты модные ездили, да в рулетку играли. Имя генералу по наследству перешло. Здесь их труда нет.

— Как подумаю, Иван, и до чего же все было неправильно устроено. Один человек родился, будто в счастливой рубашке, и все-то у него есть: и земля, и дом, и хозяйство — полная чаша, одежда на выбор, и слуги. Другой же родился гол как сокол. Ничего нет. Подрастет немного и идет к тому же богатей умножать чужое добро. Революция все поравняла. Правильно сделала революция. А теперь, видишь, опять кулакам да торговцам волю дают.

— Это пока, Витька. Пока НЭП. Недавно Ленин сказал: “Довольно отступать!” Значит точка. Значит, отступать больше не будем.

Витькина сестра принесла две большие фаянсовые кружки с молоком и тарелку с блинами.

— Съедайте все, чтобы ничего не оставалось. Не управитесь с блинами, за воротники сложу. Поняли?

— Нечего будет за воротники нам складывать, все умнем, — ответил Виктор, передавая Копейкину молоко.

— Кушайте, а я пошла спать. Посуду на столе оставьте. Завтра утром вымою.

— Посоветоваться с тобой хочу, — держа в руке блин и отпивая небольшими глотками молоко, сказал Копейкин. — Работу мне предлагают. На днях в Укоме сказали, что рекомендовали меня на должность волостного уполномоченного по работе среди батраков.

— Вон оно что. И куда же, в какую волость рекомендовали?

— В нашу, в Пахтинскую.

— Какие же будут у тебя обязанности?

— Обязанностей много будет. Сначала буду выявлять всех работающих по найму батраков. Это не так просто, как на первый раз кажется. Редко кто теперь открыто батраков держит. После того, как выявлю батраков, надо будет оформлять их найм трудовыми договорами.

— Значит, ты теперь будешь наипервейший враг кулакам? Не боишься, что башку оторвут?

— Все может случиться.

— Выходит, что тебе в каждой деревне придется бывать и не по одному разу.

— Сидеть не придется. Скажи, одобряешь ты мое решение?

— Я одобряю, а вот мать как, говорил с ней?

— Мать не возражает. Мать понимает, что мне либо где работать надо, либо учиться. Ребятишки в семье подросли, Они теперь и без меня с домашними делами справятся, хозяйство не ахти какое. В доме я, вроде, теперь и лишний. — Виктор вздохнул. Подумал: “Правильно делает Ванюшка, пора ему выходить в люди”.

— Значит, расстанемся скоро. Кто же вместо тебя комсомольским секретарем будет.

— Надо подумать. Может быть Егор Рачков? Давно к нему присматриваюсь, парень он дельный, не хуже меня поведет дело. А о себе я так решил, Витька: поработаю год другой по батрачеству, после на рабфак и в университет подамся.

— Выходит, ты свою жизнь далеко спланировал. А у меня, Иван, ничего вперед не намечено. Ушел с головой в дела Народного

дома, так и проходят день за днем. Чувствую, что нужное дело делаю, стараюсь делать его еще лучше, а впереди — что будет, думать о себе времени не хватает.

— Значит, нашел дело по душе.

— Вроде так. Но все же учиться-то бы надо. Чего же мы сидим, пора и спать ложиться. — Виктор поднялся с места. Взбил подушку, положил на кровать под головы еще какой-то ватник.

— Ты, Ванюшка, ложись к стене, так тебе удобнее будет, и пользуйся моей подушкой на правах гостя, а я с краю лягу на ватник.

Погасили коптилку, легли и долго молчали. В тишине за стеной мерно тикали ходики. Лежали они с открытыми глазами, обоим спать не хотелось, разные мысли роились в голове. Копейкин толкнул Виктора в спину.

— Чего тебе?

— Не спишь?

— Нет.

— Давай поговорим о коммунизме. Скажи, как ты его себе представляешь?

— О коммунизме? — востропнулся Виктор. — Подожди, дай подумать.

— Думай-думай. Я пока подожду.

В голове смутно проявлялось что-то, и Виктор стал излагать свои соображения.

— При коммунизме всем будет хорошо. Все будут сыты и хорошо одеты. Люди будут уважать друг друга, и работать с увлечением. При коммунизме каждый будет производить такую работу, которая ему больше по душе. Труд станет легким. Люди забудут мотыгу, ручную косу, плуг, кувалду, на смену им придут машины, которые работают споро и быстро. Подожди, еще забыл... Забыл про электричество. Ленин говорил, что коммунизм — это советская власть плюс электрификация. Электричеством будут освещаться дома и улицы не только в городах, но и в деревнях. При помощи электричества будут работать и разные машины. Пахать землю и косить траву будут тоже при помощи электричества.

— Войны при коммунизме будут?

— При коммунизме никаких войн не должно быть. Некому будет воевать. Коммунизм победит во всех странах, и вся мировая буржуазия будет уничтожена. Разные страны при коммунизме

будут только помогать друг другу строить общую коммунистическую жизнь.

— Как думаешь, далеко еще до коммунизма?

Виктор засмеялся.

— Не дальше, чем отсюда до Взглядово. А сам ты как думаешь?

— Глупый тебе вопрос задал, — поправился Иван. — Коммунизм нам с неба не свалится, его строить надо. Раньше всего надо наладить старые фабрики и заводы, разрушенные войной. Потом строить новые, и много, очень много строить надо. Кто это делать будет? Мы с тобой делать должны. А можем мы сейчас это делать? Нет. Землю пахать плугом можем, косить косой ручной тоже можем, лес рубить можем, а другому не обучены. Значит, комсомольцев надо обучать разным профессиям, чтобы строить заводы. Старых специалистов у нас мало, но и те, которые есть, не все с нами, многие из них в другую сторону смотрят. Значит вся надежда у партии на нас комсомольцев. Вспомни, к чему призывал Ленин комсомольцев на съезде комсомола — учиться! Такую задачу теперь перед нами партия поставила. Так что ты не считай меня дезертиром культурного фронта потому только, что я свою жизнь спланировал и учиться задумал.

— Со всем, что сказал ты, я согласен. Все ты правильно говорил. А теперь я тебе вопрос задам, — сказал Виктор.

— Валяй.

— Известно, что при коммунизме все люди должны быть свободными и равными. А как будет с угнетателями?

— Ну и вопрос ты мне подбросил, смех один. Какие угнетатели? С угнетателями еще в 1917 году покончено.

— Ты не смейся. Я тебя серьезно спрашиваю. Ты думаешь, что я тебя спрашиваю про помещиков и капиталистов, а я тебя совсем о другом спрашиваю. Помещики и капиталисты теперь не вернутся. Но ведь после революции люди не изменились, и немало среди них и с плохими задатками. Есть среди них и лодыри, и воры, и пьяницы, и люди тщеславные, стремящиеся стяжать себе славу за счет других, эгоисты и себялюбцы.

— Хватит! Договорился, Витька. По-твоему выходит, что пьяницы тоже угнетатели?

— Не все. Но разве ты не встречал пьяниц, которые пропивают свой заработок. Семьи по их вине голодают, а они еще и куражатся, как купцы какие, тащат из дома одежду и другие ценные вещи на водку, а жен и детей бьют.

— При коммунизме пьяниц не будет. Пьянство — это болезнь, а при коммунизме будут жить только здоровые люди, — тоном, не допускающим возражения, заявил Копейкин.

— Не у всех болезнь. У некоторых — бесстыдство. Куражатся над людьми нередко и трезвые. Почувствует, что другой человек зависит от него, и начнет измываться. Есть люди, у которых это врожденное, и делают это с каким-то удовольствием и даже с наслаждением.

— А воров, тоже, по-твоему, угнетатели?

— Воров таких, какими мы знаем их сейчас, наверно при коммунизме не будет. При коммунизме каждый будет получать от общества по потребности. Но кое-чего, возможно, не будет хватать и при коммунизме. Например, золота или бриллиантов. А человек всегда будет предпочитать золотые часы простым, металлическим, потому что золотые часы красивее. Золотые кольца и браслеты с бриллиантами тоже красивее медных или бронзовых. Как быть в этом случае?

— Золото не будет в цене. Витька. Ленин сказал, что из золота при коммунизме будут строить общественные уборные.

— Ленин этого не говорил. Ты не понял Ленина. Ленин говорил о том, что из-за золота в мире пролито океан слез, оно принесло людям массу страданий, а потому самым правильным было бы направить этот презренный металл на строительство общественных уборных. Думаю я, что люди никогда не откажутся от золота, как украшения, потому что это красивый металл. Мне кажется, что еще очень долго будут существовать люди, которые будут стремиться урвать от общества побольше. Они будут придумывать для этого всякие оправдания, вроде морального права или чего-нибудь в этом роде. Одни будут говорить: “Я — нужный человек для общества, нужнее других или талантливее других, и у меня выше потребности”. Другие просто будут брать себе больше без всяких на то оправданий. В годы гражданской войны, когда все делили поровну, за присвоение лишней пайки хлеба расстреливали. Если с хищниками и дальше будут поступать так, то хищников к тому времени, когда придет коммунизм, не будет!

Подожди, я, кажется, сбился... Что-то говорю не то. Нет. Все правильно, все к месту. Угнетатель в той или иной мере сидит в каждом из нас. И если дать волю, то вполне могут появиться такие люди, которые захотят себя поставить над обществом,

выделиться из массы, как исключительные личности, получить власть над другими, распоряжаться ими. И стоит такому человеку чуть подняться, как около него сразу же появятся угодники, готовые ко всем услугам подхалимы. Я хочу сказать, что свержение власти капиталистов и помещиков — это еще не полное освобождение человека от духовного рабства. Это только начало освобождения.

Я не могу объяснить тебе. Что надо делать, чтобы люди все были равны перед природой, чтобы каждый человек был поднят высоко, если он не делает другим людям зла, если он стремится делать добро, но что-то обязательно надо делать, чтобы себялюбцы у нас были редким исключением и относились бы к ним как к прокаженным.

— Ты со своей теорией далеко заехал, Витька.

— Сам думаю, что далеко, и многое из того, что сказал, еще не совсем понимаю. Пожалуй, кончим на этом. Ты о работе своей окончательно договорился?

— Окончательно. Через неделю поеду в Пахтино принимать дела.

— Скоро утро, Ванюшка, давай спать. Устали мы с тобой сегодня. У меня костер перед глазами и сейчас еще стоит.

— Тогда кончай разговоры разговаривать. Спать так спать.

Ребята отвернулись друг от друга и заснули сном праведников.

Глава двадцать восьмая

Петр Будилов только что вернулся из Горского Укома партии. Где на бюро слушали его доклад о состоянии политико-просветительной работы в деревне. Он все еще окончательно не мог прийти в себя после основательной встряски, которую получил там. Доклад сделал неплохой, но доклад его вызвал много резких суждений, в результате чего состояние политико-просветительной работы в уезде признали неудовлетворительным. Говорили о недостаточном охвате обучением неграмотных, о том, что еще не вся сельская интеллигенция привлечена к работе на ликпунктах, что немало еще хорошо грамотных людей остается в стороне от этого большого дела.

Ему можно было бы всего этого и не говорить, он и сам хорошо понимал, что часть сельской интеллигенции до сих пор за бортом, не привлечена к обучению неграмотных, но ведь многие из них и не хотят работать в ликпунктах, настроены пассивно ко всему новому. Силой что ли их тащить в ликпункты? Комсомольцы называют таких ржавой интеллигенцией. Метко сказано. Действительно, часть либеральствующей в прошлом интеллигенции не выдержала испытания революцией и покрылась коррозией. Мало ли делалось для того, чтобы привлечь их к работе? Сегодня сказали — мало! Наверно это так. Правы выступавшие с критикой на заседании бюро. Как ни вертись, а ничем нельзя оправдать нашу медлительность. Нельзя оставлять за бортом миллионы неграмотных людей. Это сейчас наш груз, он связал наши руки и мешает идти вперед. Требуется как можно скорее обучить всех неграмотных и привлечь их к активной общественной жизни.

На бюро говорили еще о неудовлетворительном состоянии антирелигиозной пропаганды, поставили Уполитпросвету в вину, что до сих пор нет в уезде общества безбожников. “Благодаря вашему безделью церковники подняли головы, — сказали там. — В уезде растут религиозные секты. Престольные праздники повсюду отмечаются торжественными богослужениями, которые собирают много верующих. В эти праздники крестьяне не выхо-

дят в поле, а молодежь пьянствует. На гулянках поножовщина. По селам бродят бывшие монашки из закрытых монастырей и распространяют всякую небылицу, сеют враждебные слухи. Говорят о скором втором пришествии на землю Христа-спасителя, о светопреставлении, о появлении где-то Антихриста. Советскую власть называют не иначе, как антихристовым племенем, которое отмечено антихристовой печатью — пятиконечной звездой. Толкуют еще об апокалипсисе, о каком-то откровении Иоанна, который будто бы на многие годы предсказал судьбы мира и человечества”.

“Все это есть, — думает Будилов. — Но разве виноваты в том только одни политпросветчики? Пусть укомовцы часть вины и на себя примут”.

Особенно обидным показалось ему выступление нового работника Укома, рыжеголового толстяка, что сидел у окна. Заведует орготделом в Укоме что ли? “Это вам, Будилов, не саблей махать, здесь надо головой работать!” — бросил толстяк. Что он хотел сказать этим? Может, думает, что не за свое дело я взялся? Саблей махать тоже надо было с головой, гражданин хороший! Сразу видно, что не бывал в бою. Если бы воевал в гражданскую, то не говорил бы так пренебрежительно о клинке. Не махали мы саблями, а рубили ими головы с плеч долой белогвардейской нечисти, отстаивая советскую власть! — вот как нужно было ему тогда ответить. Жаль, что не нашел в то время, что сказать. У меня всегда получается так, какая-то замедленная реакция, когда надо отвечать — растеряешься, а после находишь нужные слова.

Жизнь в Уездном отделе народного образования шла своим чередом. За стеной стучала машинка. Заведующий отделом товарищ Юдин принимал посетителей. В приемной около его кабинета сидела пожилая учительница, дожидаясь своей очереди на прием. Дверь комнаты Будилова была приоткрыта, и ему хорошо было видно все, что делается в приемной.

Пришел почтальон, принес свежие газеты и письма. Сбоку в комнате окно. На улице крупными хлопьями падает снег. “Весь день снег валит, — подумал он. — Делать ничего не хотелось”. Будилов прошел в приемную, взял в руки только что доставленную почтой газету “Северный рабочий” и стал пробегать глазами по заголовкам. На третьей полосе жирными буквами вверху было напечатано: “Еще один удар по религии”, а внизу следовал текст: “Вчера в восемь часов вечера в помещении Волковского театра

состоялся диспут между прибывшим в Ярославль из Москвы Народным комиссаром по просвещению А. В. Луначарским и митрополитом Введенским. Диспутировали о церковных догмах и научных взглядах материалистов на происхождение Вселенной и человека. Волковский театр был переполнен публикой. Многим желающим не удалось попасть в помещение, на улице стояла толпа, безуспешно пытавшаяся проникнуть в театр. Речи Луначарского отмечались ясностью изложения мысли, остроумием и много раз прерывались аплодисментами. После заключительного выступления публика устроила Наркому овацию. Диспут в Ярославском Волковском театре еще один удар по религии”.

“Вот чего не хватает нам, — подумал Будилов, обводя красным карандашом заметку в газете. — Неплохо бы было поспорить и нам с попами, собрать побольше крестьян, и у всех на глазах припереть к стенке святых отцов. Их книги: библия, евангелие, разные писания о сотворении мира и человека, о жизни и воскресении Христа до того наивны, что сокрушить их с позиций современной науки ничего не будет стоить. Не смогут попы доказать существование бога публично, а если так, то, слушая нас, отшатнется от них немало верующих, мы же могли бы использовать этот момент, широко пояснить крестьянам через газету, чем кончился диспут. Хорошая мысль! Но диспут с попами — это еще не все. Диспут диспутом. Но следует подумать и о других делах”.

Он вернулся в кабинет, взял в руки карандаш, чистый лист бумаги, присел на стул и стал составлять план мероприятий по усилению политико-просветительной работы в деревне.

* * *

Виктор Торопов был в дороге. Он мерил шагами расстояние между селом Куклин Угол и Горском. Ему приходилось не раз подсчитывать, сколько надо сделать шагов, чтобы дойти до города, и всегда получалось, примерно, одно и то же. Сейчас ему вовсе и не надо было считать шаги, все это было давно известно, и считал он их исключительно для того, чтобы скорее пройти дальнюю и утомительную дорогу. “Когда голова человека чем-то занята, — думал Виктор, — то и время идет быстрее, тогда не замечаешь, как проходишь расстояние”.

Не доходя с километр до Горска, в сосновом бору, где стояли заброшенные монастырские постройки закрытого четыре года тому назад женского монастыря, увидел, что с церквей кем-то

сняты кресты, а над самой высокой колокольной развивается красный флаг. Это немало удивило Витьку. Еще больше удивила его вывеска, висевшая над железными воротами монастырской ограды. Он подошел близко к ограде и прочитал слова: “Новый быт. Государственная колония бывших беспризорников”.

“Хорошее применение нашли монастырю, — прикинул в уме Виктор. — Когда только успели сделать. Прошлый раз проходил, ничего еще здесь не было”.

Он видел через решетку монастырской ограды, как там и тут мелькали детские фигуры бывших беспризорников, одни возились с лопатами, разгребая снег, другие, положив “на козлы” большое сосновое бревно, распиливали его на дрова. Два мальчика хлопотливо несли на коромыслах от колодца воду. “Всем нашлась работа, — думал он. — И ребятам хорошо, кормят их здесь и к труду приучают”.

Горск встретил Виктора заснеженными улицами и редкими прохожими. День клонился уже к вечеру. Навстречу попадались возвращавшиеся с базара крестьянские подводы. От железнодорожной станции к торговому корпусу ломовые извозчики подвозили какие-то большие деревянные бочки. Когда подводы с бочками поравнялись с Виктором. Пахнуло соленой треской и селедками.

Прямо с дороги Виктор направился к Будилову. Отряхнув в приемной с шапки и рыжего воротника шубы налипший снег, он прошел в кабинет.

— Здорово, сынок, садись тут, — приветливо встретил его Будилов, показывая на стоящий рядом стул и откладывая в сторону карандаш и линейку, при помощи которых только что графил лежащий перед ним лист бумаги. — Зачем пришел ко мне? Или нужда какая есть?

Виктор не сразу ответил. Он помедлил, соображая, правильно ли делает, что идет каждый раз при любом встретившемся затруднении к Будилову. И то, что еще час назад не вызывало у него никаких сомнений, теперь было поставлено под вопрос. “А если не к Будилову, то куда я еще пойду?” — подумал он и неуверенно стал излагать свою просьбу.

— Петр Гаврилович, я не знаю, к вам ли это... Нам нужны новые декорации... Помогите достать метров двести сурового полотна.

— Декораций, говоришь, у тебя нет? Погано. Подожди, не торопи, может, что-нибудь и придумаем.

У Витьки отлегло от сердца. Если Будилов сказал “придумаем”, значит, поможет. Он никогда не обещает, не будучи уверенным, что выполнит просьбу, а когда берется на что-нибудь, всегда доводит до конца.

— Теперь я тебя хочу спросить, сынок, в вашем крае крестьяне за религию крепко держатся?

— Не так мужики, как женщины. А, в общем, за религию держатся и те, и другие.

— А что Народный дом робит, чтобы поменьше в церковь ходили?

“Вот где у меня прострел”, — подумал Виктор и сказал, — Ничего. В стороне мы от этого дела, и Народный дом и комсомольская ячейка. Собирались стенную газету “Безбожник” выпускать, да как-то руки не доходят.

— Плохо, сынок. Учти, что это сейчас одна из наипервейших задач. Крестьян надо оторвать от религии и вооружить наукой, чтобы хозяйство свое они вели на основе опыта лучших, и за помощью шли бы не к попу в церковь, а к агроному. Книги антирелигиозного содержания в библиотеке есть?

— Есть “Библия для верующих и неверующих” Емельяна Ярославского, и “Евангелие без изъяна евангелиста Демьяна” в стихах.

— Читают?

— Комсомолы читают, а другие не интересуются. Как-то брала книгу Демьяна Бедного попадя наша. На другой день вернула, сказала: “Легковесно написано. Недостойна сия книга мыслящего человека”. Это она со слов отца Григория сказала.

— Значит, не понравилась книга Демьяна Бедного попу? А я имею до тебя разговор серьезный. Может, проведем в твоём Народном доме антирелигиозный диспут?

— Как его проведешь. У нас и выступать на диспуте некому.

— Я тебе помогу. Пригласим в Народный дом попов, известим по деревням — пусть каждый приходит послушать, как спорят с попами, а я привезу для этого ученых людей из Горска. Как думаешь, придет народ?

— Если из Горска ученых привезете, то народ не только придет, а валом повалит. Спорить с попами вряд ли кто решится, а послушать много придет.

— Сколько у тебя мест в зрительном зале?

— На скамьях триста, да еще за скамьями человек сто стоять могут.

— Значит, можно рассчитывать человек на четыреста? Немного у нас таких помещений в уезде по селам есть. Будем считать, что договорились. Диспут проведем недели через две. Попам пошлем приглашение во все ближние приходы, а ты вывеси у Народного дома добре мальвованую афишу и объяви широко по деревням. И Народный дом приготовь, как следует, чтобы все у тебя было в ажуре. На сцену поставь стол человек на десять для президиума, накрой его красным. Рядом маленький столик поставь, для тех, кто будет выступать. На забудь графин с водой. Попы волноваться будут, так чтобы было чем им запить. Для попов специальную скамейку поставь около сцены, а от нее лестницу, чтобы могли подниматься для выступлений из зрительного зала на сцену прямо к столику. Все понял?

— Чего тут не понять, все проще простого, — отвечал Виктор, а голову его занимали совсем иные мысли. Он думал о том, какой интерес вызовет этот диспут в деревне, сколько будет разговоров в крестьянских избах, и как при огромном скоплении народа будут опозорены попы. А в том, что попы на этом диспуте останутся в дураках, можно было не сомневаться.

— Что ты уставился на чернильницу? — вывел его из задумчивости вопрос Будилова. — бери в руки карандаш и пиши. Будем составлять бумагу-приглашение попам на диспут. Готов? Пиши так: “Священнослужителю церкви, гражданину...”

— Какому гражданину? — с недоумением спросил Виктор. — Попы — лишенцы. Они лишены прав гражданства.

— Верно. Гражданину писать нельзя. Пиши иерею, а после того оставь пропуск, будем вписывать фамилии иереев. Дальше пиши: “Марта месяца, числа такого-то, — здесь оставь пропуск, — 1923 года, в Народном доме села Куклин Угол состоится диспут. Тема диспута: “Есть ли бог?” Приглашаем всех иереев принять участие в диспуте. Ожидаем вашего согласия и прибытия на место к такому-то часу, указанного числа”. Все написал?

— Написал.

— Прочитай, как вышло.

Виктор снова прочел только что продиктованный ему Будиловым текст приглашения.

— Теперь это распечатаем на машинке и разошлем по приходам. — Будилов посмотрел на часы. — Ого! Рабочий день кончился, пора и домой собираться. Пойдем ко мне обедать? Жинка

обещала сегодня кашей накормить со свиными шкварками. Любишь кашу со шкварками?

— Никогда не едал.

— А сало свиное любишь? Для меня свиное соленое сало с хлебом — лучшее блюдо. У нас на Украине говорят: “Був бы я богатый, идав бы я сало з салом и спав бы на соломи”. Сала у меня нет, а каша будет. Пойдем кашу со шкварками есть?

— Нет, спасибо. Я недавно ел и тороплюсь домой, — соврал Витька, думая: “Зачем приглашает? У него же дома семья большая, на меня обед и не рассчитывали”.

— Тогда будь здоров. Ты еще ко мне до диспута наведайся.

Витька простился с Будиловым и пошел в школу, к тетке. Он надеялся там переночевать.

Глава двадцать девятая

Треплет ветер угол афиши, объявляющей диспут, на стене Народного дома. Мартовский снег осел, стал мягким и мокрым. Мальчишки на улице скатывают снеговика.

После обедни, прямо из церкви в Народный дом зашел дед Евсей. Он прошел в зрительный зал, присел на переднюю скамейку и, опершись поросшим седыми волосами подбородком о сучковатую палку, стал дожидаться объявленного диспута. Дед Евсей не особенно надеялся на свой слух, а знать, что будут говорить на диспуте, ему хотелось. Вскоре в зал впорхнула две девушки, уселись в третьем ряду и, сняв теплые головные платки, стали шелушить семечки. Девушки сплевывали шелуху на недавно помытый пол, шептались и фыркали.

“Ишь вертихвостки, — думал дед, из-под густых седых бровей хмуро посматривая на девушек, — и пошто только родители отпускают их из дома невесть куда. Вон та, что повиднее, Нюрка наша из Подольнова, крестница моя”.

Дед не мог снести неуважительного отношения девушек к общественному месту.

— Ну-ка, сороки белобоки, марш отсюда. Не про вас припасено, нечего вам здесь делать, идите на улицу и гуляйте.

— Там холодно, дедуся, — просительно пропела полнощекая и румяная девушка, в которой дед признал свою крестницу.

— Тогда домой топайте, в деревню.

— Мы про бога хотим послушать, крестный.

— Про бога слушать в церковь идти надоть. Ишь насорили сколько, на лошади не вывезешь. Подберите с полу семечки, видите, помыто, а то возьму палку да выхожу вас по спинам. — Он и на самом деле поднял свою сучковатую палку. Девушки опустили на колени между скамеек и стали подбирать мусор.

— Евсею Терентичу мое нижайшее! — приветствовал деда, заходя в зал и усаживаясь рядом, Силыч.

Евсей Терентьевич немного пододвинулся, дав место на скамейке Силычу.

— Ты что, едрена корень, с самого утра здесь сидишь? — спросил Силыч. — Мне вчера отец Григорий сказывал, что на этот диспут должны священники съехаться со всей волости. Антересно послушать, что говорить будут.

— Чего антересного? Только грех один. Все с ума походили. И попы туда же. Помнишь, что в писании сказано? “Не поминай имя господа твоего в суете”. Вот что написано в библии. А тут о боге спор затеяли. Теятр устроили.

— Ты ведь тоже, едрена корень, вроде за тем пришел, — поддел деда Силыч.

Дед Евсей исподлобья посмотрел на Силыча и не счел нужным ничего отвечать.

* * *

В библиотеке-читальне собрались комсомольцы. Сидели здесь с ними и дядя Миша, прикрепленный к комсомольцам волостной ячейкой РКП(б), и Серафима Никаноровна. Все они дожидались прибытия из Горска обещанной бригады безбожников.

— Попы приехали! — вдруг торжественно возвестил, вбегая в библиотеку, запыхавшийся Колька. — Ей богу, приехали! Сам видел. Сейчас к дому отца Григория подвернули две подводы. Один поп, видно, из Покрова, а другой не знаю откуда, с черной бородой, незнакомый.

— А народу много пришло? — спросил Виктор.

— Сила! Посмотри в окно.

Через окно видно было, что около Народного дома толпились люди. Сюда же приходили и новые.

— В фойе тоже много мужиков, — пояснил Колька.

Виктор прошел в фойе и стал прислушиваться к разговорам публики.

— Давно бы пора кончать с поповскими сказками, вывести попов на чистую воду и все тут, — говорил моложавый крестьянин, одетый в красноармейскую шинель и буденовку с красной звездой, видимо, недавно вернувшийся в деревню красноармеец, стоявшему рядом с ним бородачу.

— Тебе попы мешают? Коли не нужна тебе церковь, так ты и не ходи туда, кто ж тебя неволит? — ответил бородачу.

— Церковь — она для всего народа опиум, — продолжал настаивать военный.

— А ты чего за весь народ сказываешь, народ не уполномочивал тебя за себя говорить.

Военный стусевался.

— Не я один. Многие так думают, — заключил он.

На улице, около Народного дома, пять или шесть, по всему видно зажиточных мужиков, группировались около кулака Мельникова.

— Терпелив господь и многомилостив, — говорил тот. — Очистили нашу церковь власти, ободрали, как липку, и не покарал господь.

— Много унесли? — поинтересовался кто-то.

— Считай много или мало, а все серебро и золото, которое было в храме, — все унесли. Комиссия из уезду приезжала партийная. Как хозяева ходили по церкви и ризнице. Батюшка сказывал, что увезли дароносицу золотую и два креста. Сняли позолоченный оклад с дорогими камнями с евангелия, и раздели, можно сказать совсем, чудотворную икону пресвятой богородицы. На той риза была серебряная с позолотой. Видели, поди, эту икону?

— Как не видеть, — отозвался щупленький с реденькой бородкой мужичок. — Она в иконостасе с правой стороны стояла.

— Та самая. Теперь в этом иконостасе дыра вместо богоматери.

— Я думал, ее для ремонту вынули, золотить.

— Вот тебе и думал. Кто-нибудь из властей позолотил свои руки тем золотом.

— Сказывают, для голодающих в Поволжье брали, в обмен на это золото и серебро хотят покупать муку в Америке, — заметил третий.

— Много чего сказывают, да не каждой сказке верить приходится. Виктор вернулся в читальню. В это время от реки по дороге к Народному дому подходила ватага ребят. Впереди с гармошкой на ремне через плечо шагал чубастый и веснушчатый парень. Он лихо перебирал лады. Рядом с гармонистом шли Взглядовские девушки-комсомолки Фрося и Тина. Они приплясывали и высокими голосами выводили частушки:

Я посеяла горох.
Вышла чечевичка.
Больше богу не молюсь,
Стала большевичка!

Ух! Ух! Ух! — помахивая белыми платками, кружились девушки. Не доходя до Народного дома, заметив толпящихся людей, группа остановилась.

— Давайте, ребята, безбожную комсомольскую!— закричала Фрося. Гармонист растянул меха, и на этот раз не одни девушки, а вся ватага гаркнула задорную частушку:

Не надо нам монахов.
Не надо нам попов.
Залезем на небо,
Скидаем всех богов!

— Ишь какие богохульники, башки им за это поотрывать, — сказал кто-то из группы Мельникова.

— Это комсомольцы. Нельзя тронуть, их власти поддерживают, — заметил Мельников.

А комсомольцы, между тем, закончив петь частушку, подошли к крыльцу, смахнули лежащим здесь веником с валенок снег и прошли в помещение.

— Вы что ли там частушки кричали? — спросил Виктор.

— Мы, — гордо заявила Фрося. — У входа кулачье собралось, так мы перед ними демонстрацию устроили.

— Ай да, Фрося! Молодец Фрося! — похвалил Виктор.— Сестра твоя, Егор, активисткой стала. Смотри, ребята договорятся да и выберут ее секретарем вместо Копейкина. А ведь неплохой комсомольский вожак из Фроси будет, как думаешь?

— Валяйте, — скептически отнесся к Витькиной идее Егор.

— Не подведет нас уездное начальство, Витюха, как думаешь? — меняя тему разговора, спросил Михаил Борисович. — Вон сколько народу собралось, если не придут, что мы с тобой делать будем тогда? Выйдет один конфуз.

— Никак не должны подвести, дядя Миша. Будилов обещал сам лекторов доставить. А вон, легки на помине, — сказал он, увидев подъезжающих в окно.

В это время к Народному дому подворачивали две подводы. На одной из них сидел Петр Гаврилович с каким-то стариком, на другой — двое мужчин среднего возраста.

Виктор надел шапку и выбежал на улицу встречать гостей.

Размяв от долгого сидения затекшие в дороге ноги и сбросив тулупы, гости направились в помещение.

— Много людей собралось, — говорил Будилов, проталкиваясь через забитое народом фойе в библиотеку. — Хватит на всех мест у тебя в зрительном зале?

— Не хватит, так посидят на полу около сцены или постоят в проходах и сзади скамеек, — отвечал Виктор. — Шубы и шапки давайте сюда, — сказал он, проведя гостей в библиотеку и заметив, что один из приезжих, сняв шубу, держит ее на руке. — Здесь есть вешалка, подайте сюда вашу одежду.

— Теперь будем знакомиться? — вопросительно смотря на Виктора, спросил Будилов.

Виктор понял, что ему теперь следует представить приезжим всех, кто находится в читальне.

— Пожалуйста. Это вот дядя Миша, то есть Михаил Борисович, — поправился он, — наш председатель сельского совета и единственный партиец во всей округе. А это Серафима Никанорова, заведующая школой и друг молодежи. Меня знаете, я — завнарядомом, а это все наши комсомольцы, толкачи деревни к новой жизни и культуре.

— Хорошие хлопцы! — похвалил Будилов комсомольцев, пожимая каждому руку. — Я и глазом моргнуть не успел, как они этот дом отремонтировали. Теперь буду знакомить вас со своим войском, — продолжал он. — Привез вам самых главных безбожников со всего уезда. Видите, какие орлы? Первый — Валерьян Николаевич Преображенский, — показал он на пожилого человека с коротенькой рыжей бородкой и в пенсне. Тот сделал общий поклон. — Он — голова недавно организованного в уезде общества безбожников, окончил Ярославскую духовную семинарию и Казанский университет. Сам попович и всю поповскую науку досконально знает. А это преподаватель педтехникума, — показал на молодого человека в хорошем английском костюме с широким и ярким, бросающимся в глаза галстуком. Геннадий Петрович его звать, а фамилия Груздев. Он специалист по разным чудесам и умением своим превзошел любого факира. И, наконец, всеми уважаемый Клавдий Георгиевич Пашковский, заведующий Горским краеведческим музеем, историк и археолог, — представил он невысокого старика в меховой безрукавке и валенках, отогревающегося с дороги около круглой железной печи, прижавшись к ней спиной. — А вы тут как подготовились?

— Как будто бы все, о чем договаривались, сделано, — доложил Виктор.

— Отлично, — сказал Будилов, вынимая из кармана серебряные часы с цепочкой. — Сколько сейчас времени? Ого! Без пяти два. Здорово же мы запаздываем. Священники съехались? Пора бы и начинать.

— Я посмотрю, — крикнул Колька и выскочил из библиотеки. Через три минуты вернулся и отрапортовал: — Около дома отца Григория шесть лошадей привязано с возками, если на каждый возок по попу, то надо считать, самое малое шесть попов приехало.

Все засмеялись.

— Колька всегда что-нибудь начудит, — сказал Димка.

— Следует уточнить, — заметил Будилов. — Надо не лошадей считать, а попов, и узнать, готовы ли они к диспуту.

— Сходить что ли к отцу Григорию? — спросил Виктор.

— Надо бы сходить.

Торопов стал одеваться.

— Подожди, Виктор, вон батюшка сам идет сюда, — сообщил Рачков, смотрящий в это время в окно.

По протоптанной в снегу тропинке, в направлении Народного дома шествовал отец Григорий. Он был одет в новую фиолетовую рясу, поверх которой лежал на груди серебряный крест-распятие, с переброшенной через шею массивной цепью. Таким нарядным отца Григория здесь видели впервые. Во всей его фигуре чувствовалась полная уверенность в себе и какая-то торжественность. Она была и в спущенных на плечи седых волосах, в широких рукавах рясы, колеблемых ветром, и седой, длинной, спускавшейся до самого пояса бороде. Толпившиеся около Народного дома крестьяне давали ему дорогу, некоторые почтительно кланялись, на что отец Григорий отвечал поднятием своей черной фетровой шляпы.

Войдя в библиотеку и увидев здесь много незнакомых лиц, он вначале несколько стушевался, но, заметив стоящих около окна Виктора Торопова и Михаила Борисовича, подошел к ним.

— Собрание настоятелей церковей уполномочило меня передать вам сие послание, — сказал он, подавляя одышку от быстрой ходьбы и передавая Торопову какую-то бумагу, вложенную в синий конверт. — Это ответ устроителям диспута.

Торопов принял пакет, посмотрел на Будилова, подумал: «Что делать с пакетом?»

— Читай в полный голос, — сказал Будилов.

Виктор развернул бумагу и громко, при общем молчании прочитал следующее:

УПОЛИТПРОСВЕТУ

Обсудив ваше приглашение прибыть для участия в диспуте о боге, мы, священники указанных в приглашении церквей, собравшись в селе Куклин Угол и обменявшись по сему предмету мнениями, решили от выступления на диспуте воздержаться по следующим причинам:

1. Всякое утверждение или опровержение существования бога средствами научных дебатов бесплодно.
2. Бог познается не разумом, а душой человека.
Сие подписали: ... *далее следовали подписи.*

Чтение послания было подобно удару, которого никто не ожидал.

— Как это понимать? Значит, вы не хотите защищать своего бога, которого везде проповедуете? — вспыхнул Будилов.

— К тому, что здесь написано, добавить ничего не могу, граждане, — сказал отец Григорий и, повернувшись к Будилову, продолжил: — А бог в нашей защите не нуждается, уважаемый. Я не хочу больше задерживать ваше внимание. Разрешите откланяться. — Повернулся и вышел.

После того, как отец Григорий ушел, в библиотеке долгое время царило молчание. Такого поворота событий никто не ожидал. Витька стоял растерянный. Михаил Борисович глазами спрашивал Будилова: “Что же делать будем теперь?”

— Поднесли нам дулю под нос отцы святыя, — выразил свое мнение по поводу только что случившегося Будилов. — Чтобы не колебать веру в бога, попы решили сорвать диспут, а коли так, то обойдемся и без них. Не бывает такого положения, из которого бы человек не нашел выход. Если не хотят попы диспута, проведем антирелигиозные беседы с крестьянами. Используем этот случай. Примем такой порядок. Я сделаю вступительное слово, после предоставим трибуну приезжим гостям и в заключение ответим на вопросы. Устраивает такой порядок? Все согласны?

— Хорошо будет, — одобрил Михаил Борисович.

— А попов опозорим. Скажем, что они побоялись выступить, — внес предложение Виктор.

— Лишних полчаса проканителиться, — сказал Будилов, посмотрев на часы. Пора начинать... Иди, Торопов, давай звонок.

Виктор прошел на сцену. Зрительный зал уже был полон народа. Никакого звонка не требовалось. Кто пришел раньше, те сумели занять места на скамьях, другие сидели на полу около сцены, иные стояли в проходах и на подоконниках.

Будилов вслед за Виктором тоже вскоре появился на сцене, через пару минут подошли и другие. За столом президиума разместились все докладчики, здесь же заняли места Серафима Никаноровна, Михаил Борисович и Виктор.

В зале шумели и курили махру. Под потолком висело облако синего дыма. Призывая к порядку, Будилов стал стучать карандашом по графину и, когда шум несколько стих, сказал:

— Товарищи! Давайте прежде условимся, что не будем здесь курить. Если так будем дымить, то у всех заболит голова.

— Мы привычные! — закричал кто-то из зала.

Другие не поддержали, стали бросать на пол окурки и растирать сапогами.

— Теперь по существу, — продолжал Будилов. — Вы пришли сюда, чтобы послушать наш спор с попами. Так?

— Известное дело.

— Я должен огорчить вас, диспута не будет. Священники отказались участвовать в диспуте. Они прислали бумагу, где пишут, что на диспут не придут и выступать не будут.

В зале снова поднялся шум. Затопали ногами.

— Испугались долгогривые, — поднялся крик.

Что кричали, разобрать было трудно. Будилов снова стучал карандашом о графин, но шум был так велик, что звона графина в зале вовсе не было слышно. Тогда он вытащил из графина толстую стеклянную пробку и стал с ожесточением бить ею по стеклу, рискуя разбить посуду. Это подействовало. Шум постепенно стал ослабевать.

— Когда мы узнали, что священники не придут на диспут, — продолжал Будилов, — ничего не оставалось, как сообщить вам об этом. Но чтобы время не пропадало зря, мы решили использовать ваше присутствие и провести его с пользой. Вместо диспута проведем научные беседы и ответим на ваши вопросы. Из Горска сюда приехала группа ученых людей. Мы попросим их выступить, — и Будилов стал представлять прибывшую бригаду.

Виктор сидел между Серафимой Никаноровной и дядей Мишей. Он думал: “Конечно, антирелигиозный вечер, на котором выступят приезжие лекторы — хорошее дело, но это вовсе не

то, на что рассчитывали они с Будиловым. На диспуте можно было разбить попов, а теперь только лекции...”

— Объясню, почему мы боремся с религией, — доносились до Виктора слова Будилова. Казалось, кому мешает религия? Некоторые из вас наверно так и думают, что можно новую коммунистическую жизнь строить и до церкви ходить молиться о ниспослании доброго урожая. Так?

— Известно дело, можно! — послышалось из зала.

— А, по-моему, не можно! Партия наша говорит крестьянину: урожай твой зависит от тебя самого, от твоего труда, от того, каким зерном посеял, как удобрил землю, как ухаживал за посевами, сумел ли вовремя собрать и сохранить зерно. А религия другое твердит: все от бога! И выходит, что культурно вести хозяйство крестьянину, вроде, и не обязательно, ходи чаще в церковь, отвешивай земные поклоны перед иконами и будешь с хлебом. За твою набожность бог вознаградит тебя. Попы объясняют все явления жизни волею бога. А наука, изучая жизнь, говорит: это бывает потому-то и потому-то и, чтобы избежать, например, неурожая или падежа скота, надо сделать то-то и то-то.

Из поколения в поколение крестьяне верили в бога, они отбивали земные поклоны богу, а жили поганю. Несмотря на набожность. Они оставались нищими, дети их умирали от эпидемий и голода.

Религия железным обручем стягивала головы верующих, мешала им думать, мешала познавать мир и совершенствовать его. Но вот пришла революция, и люди многое поняли. Ключом забила мысль человека. Люди стали мечтать о прекрасном будущем. Не выдержали железные обручи, стали лопаться и спадать до ног, освобождать мечту о будущем.

Теперь землю осветила заря новой жизни, и религия стала никому не нужным грузом, связывающим людей и мешающим им идти в прекрасное завтра!

Будилов на этом закончил выступление. В зале кто-то неуверенно захлопал. Другие ждали, что будет дальше.

“Без энтузиазма вы нас встречаете”, — подумал Будилов, представляя собравшимся первого из докладчиков.

— Теперь выступит заведующий Горским музеем, — сказал Будилов. — Клавдий Георгиевич, занимайте свое место, — показал он на маленький столик с графином.

Пашковский вынул из кармана носовой платок, стал протирать очки.

— Председатель рекомендовал меня уважаемому собранию, как заведующего музеем, — начал он. — Да, я старый археолог и хранитель музея. Чтобы узнать, как люди жили в прошлом, мы, археологи, разыскиваем и изучаем различные предметы, проводим раскопки старых могильников и поселений. Мы узнали, например, что все, кто ранее жил в этих местах, были идолопоклонниками. При раскопках курганов, в обвалах берегов рек и ручьев в районе Горска найдено много каменных и деревянных идолов.

Далее он пригласил присутствующих в зале побывать в Горском музее и своими глазами посмотреть на тех божков, которым поклонялись их прадеды. Затем, сделав экскурс в историю религии, он рассказал, как пришло на Русь христианство.

— На смену старым идолам пришли новые, — сказал он, — деревянные доски с изображениями бога отца, бога сына и святых угодников.

Пашковский пояснил, что даже теперь нередко в старых церквях можно встретить изображения языческих богов, относящихся к идолопоклонству. Пройдите в Горскую церковь “Преображения”, построенную в начале восемнадцатого века, и увидите там иконы, где святые нарисованы с головами зверей. Здесь же на одной из стен увидите изображение библейского праведника Авраама, приносящего жертву богу. Авраам занес нож над своим сыном, которого приносит в жертву. Каждый мыслящий человек должен отвернуться от такой мерзкой картины. Где людей режут для того, чтобы умиловить бога. А верующие, не вникая в содержание того, что нарисовано, ходят в этот храм молиться и ставят богам-людоедам свечи.

Отвечая на вопрос о том, кому нужна религия, Пашковский сказал, что религия всегда использовалась богатыми для угнетения бедных. Богатые классы с помощью религии держали простых людей в страхе и повиновении. За страдания на этой земле они обещали верующим блаженство после смерти.

Виктор искал в зале Катю. Он почему-то был уверен, что Катя обязательно должна быть здесь. Среди Взглядовских девушек комсомолок, где сидели Фрося и Тина, ее не обнаружил. Не было ее и в передних рядах. Посмотрел в глубину зала и решил, было, что она не пришла, но вдруг почувствовал на себе ее взгляд. Он еще не видел Кати, но уже кожей чувствовал, что она здесь. Потом заметил ее глаза. Катя сидела в середине зала с какой-то бабушкой и, улыбаясь, смотрела на Виктора. Ожегшись о

Катину улыбку, он кивнул ей и отвернулся. Теперь смотрел на Будилова, представляющего зрителям второго докладчика.

Слово получил Преображенский. Он подошел к маленькому столику, заменявшему трибуну, и стал перебирать карточки с записями.

— Тысячи лет смотрел человек на звездное небо, — так начал свое выступление Валерьян Николаевич. — Тысячи лет его воображение поражало невероятное количество звезд в необъяснимой и непонятной Вселенной. На заре человечества многое из окружающего мира пугало людей. Пугали их молнии, которые часто убивали, пугали наводнения, вызванные, как думали они, злыми духами, пугали дикие звери. Но вместе с тем люди видели ласковое и теплое солнце, согревающее землю, цветущие луга. Богатые рыбой водоемы, обильную охоту, — все это они относили к доброму духу. Так зародилась религия.

Затем Преображенский рассказывал о том, как люди стали изучать звездное небо, как развивалась наука астрономия. Он подробно остановился на геоцентрической системе Птолемея, согласно которой все движения солнца, планет и луны объяснялись вращением их вокруг неподвижной земли. Объяснил, почему за эту астрономическую систему крепко держалась католическая церковь. Рассказал о Николае Копернике, который сказал: “Земля вертится!” и доказал, что земля является лишь одной из планет солнечной системы, упомянул о Джордано Бруно, который сделал новые открытия в астрономии и страстно пропагандировал учение Коперника, за что был объявлен церковью еретиком и сожжен на костре.

Преображенский также остановился на открытиях Галилео Галилея, который так же, как и Джордано Бруно, преследовался церковниками и, наконец, подробно рассказал об Исааке Ньютоне, открывшем причины движения планет и их спутников, образующих солнечную систему.

— С тех пор оставалось наукой невыясненным только одно важное обстоятельство, — сказал Преображенский, — не могла она объяснить, как возникла наша солнечная система, как образовалась наша земля. Церковники же использовали это узкое место в науке и объяснили все творением бога.

— А ежели не бог, то откуда все появилось? — выкрикнул из зала какой-то рыжебородый.

— Тише ты, пень! Ишь, раскричался, — шумели на него.

— Чего пень? Спросить что ли нельзя, — оправдывался тот.

Преображенский на минуту остановился, протер пенсне и, войдя в привычное состояние лектора, продолжал:

— На этот вопрос ответили немецкий философ Иммануил Кант и французский астроном и математик Лаплас. Они выдвинули гипотезу происхождения солнечной системы, в том числе и нашей земли, из пылевого облака. Согласно этой гипотезе, наше солнце когда-то было окружено пылевой туманностью, состоящей из мельчайших материальных частиц, которые хаотически двигались в пространстве. Вследствие столкновения частиц произошло упорядочение движения, и туманность стала вращаться вокруг солнца. Из этой туманности, которая со временем уплотнилась, и возникли планеты солнечной системы, в том числе и наша земля.

Прошли миллиарды лет, и на нашей планете появился культурный слой почвы, стали произрастать травы, деревья, появились насекомые, рыбы, животные и, наконец, человек.

Преображенский дальше рассказал о том, как жили первобытные люди и какие у них были представления об окружающем мире. Когда кончил объяснять, вспомнил о задававшем вопрос рыжебородом и обратился к нему:

— Вам все ясно?

— Туману много напустил. Из-за туману ничего не видно, — ехидно ответил тот, почесывая указательным пальцем подбородок.

— В науке тоже туман, как и в церкви божией, — засмеялся кто-то.

— Без туману это дело не объяснишь, — поддержал соседа сидевший рядом старик с блестящей на весь зал лысиной.

— Процессы образования небесных тел длятся миллиарды лет, — старательно пояснял Преображенский. — Жизнь человека по сравнению с этим ничтожно мала. Наука, изучающая планеты и звезды, появилась сравнительно недавно и, естественно, что за это время не смогла она проследить процессы происхождения миров и дать человечеству проверенную жизнью теорию. Но не так уж и далеко то время, когда человек будет владеть знаниями происхождения небесных тел, проверенными опытом. Одно сейчас для нас несомненно, что не бог сотворил небо и землю, как утверждает церковь, а Вселенная существует вечно. Для бога в системе звездного мира места нет!

— У кого будут вопросы к лектору? — спросил Будилов.

— У меня будут! — отозвался человек в беличьей шапке, одно ухо которой было задрано вверх, а второе опущено вниз.

— Я слушаю вас, спрашивайте, — пригласил Преображенский.

— Как все образовалось?

— Что образовалось? — спросил Преображенский.

— Это все: земля, звезды, коровы...

В зале грохнул смех. Когда смех стих, кто-то сказал:

— Ты что, Гаврюха, спал что ли? Тебе толдочили-толдочили об этом целый час, а ты снова да ладом за старое.

— Гаврюха не спал. Он Дарью-солдатку в то время прижимал, — пояснил Гаврюхин сосед.

— Ты не ври! Охальник! — крикнула Дарья.

В зале снова засмеялись.

Преображенский стал собирать разбросанные по столу листки конспекта.

— На этом я и закончу доклад, — сказал он.

— Слово для выступления имеет товарищ Груздев, — объявил Будилов.

Геннадий Петрович легким прикосновением ладони смахнул в рукава своего нового костюма пушинку, проверил пальцами на месте ли золотая с голубыми камнями заколка на белом воротничке, пропущенная под галстук, и молодежато поднялся. Во всем его облике чувствовалось какое-то превосходство и самодовольство. Он еще и не сказал ни слова, а уже принял позу победителя — выгнул грудь и, заложив левую руку за спину, а правую за борт пиджака, стоял в ожидании, когда зал стихнет.

— Посмотрите на лектора, как Наполеон, — шепнула Серафима Никаноровна Виктору. Тот улыбнулся.

— В преподаю в Горске естественные науки и очень много занимаюсь химией, — начал Груздев с представления публике своей собственной персоны. — Как химика меня и попросили продемонстрировать здесь несколько опытов, разоблачающих чудеса церковников.

Он очень часто употреблял “Я” и вообще старался всячески подчеркнуть свою значимость.

— До закрытия монастырей, — продолжал Груздев, — можно было слышать, как там и тут совершались чудеса. В монастырях, например, часто обновлялись иконы. Монахи распускали слухи, что с обновлением иконы благодать божия снизошла на их монастырь. И начиналось тогда паломничество к ним богомольцев. Несли в

монастырь щедрые подаяния. В обновлении икон никаких чудес не было. Монахи сами обновляли иконы. Чтобы доказать это наглядно, я здесь же на ваших глазах проведу опыт. Я захватил с собой старую икону и постараюсь ее обновить.

Он вынул из портфеля черную доску, сказал:

— Посмотрите на эту икону, — и передал ее в зал.

Икона, действительно, была старая, столетняя и до такой степени закопченная лампадами, что изображение на ней еле угадывалось.

— Передайте дальше. Покажите другим, — попросил Груздев.

Икону подняли над головами, чтобы все убедились, что это действительно черная доска.

— Теперь верните ее сюда. Я на ваших глазах буду ее обновлять. — Он смочил каким-то снадобьем из пузырька ватный тампон и стал оттирать от доски грязь. Вскоре вековой слой копоти был снят, и перед глазами зрителей заиграли яркие и сочные краски. На доске был изображен сюжет “Благовещения” — в темно-вишневых одеждах богоматерь и перед ней архангел Гавриил с белыми, как снег, крыльями. Груздев вернул доску в зал и попросил показать всем. Раздались аплодисменты.

— Как видите, я не совершал чуда, — сказал Груздев. — Я лишь использовал известный науке химический состав, которым смыл с доски слой грязи и оставил нетронутой краску.

Груздев демонстрировал и другие опыты. Он бросал в воду какие-то воскообразные таблетки, которые при соприкосновении с водой сразу же загорались, и плавали, горя, поверх воды. Затем превращал воду в “вино”, показывая, как монахи при помощи резиновой груши с обратной стороны иконостаса пускают в глазницу скорбящей богоматери воду, создавая тем эффект плачущей богородицы.

Вторую часть выступления Груздев посвятил изложению учения Дарвина о происхождении видов.

Заканчивая свою лекцию, он сказал:

— Итак, мы знаем теперь, что человек произошел от обезьяны! Конечно, не от той обезьяны, которая живет в наше время в лесах Африки, а от одной из ветвей обезьян, наиболее культурной ветви — человекообразной обезьяны.

Ободренный аплодисментами еще при демонстрации опытов, Груздев был чрезвычайно доволен своим выступлением. Лицо его светилось, глаза самодовольно улыбались.

— Объяснения мои были строго научными, в своей лекции я употреблял много специальных терминов, может, осталось что-нибудь неясным? — спросил он у публики. — Вы не стесняйтесь, задавайте вопросы.

— Как насчет вопросов? — спросил Будилов.

— Давеча говорили про обезьяну, и что от нее человек произошел. Она же с хвостом и мохнатая. Может, от обезьяны не человек, а черти и ведьмы всякие произошли? — спросил кто-то из стариков, сидящих в первом ряду.

— Никаких чертей в природе не существует, — раздраженно заявил Груздев. — Здесь уже говорили о том, что чертей придумали люди, зачем заставляете меня повторяться?

— Можно еще вопрос задать? — поднял руку какой-то человек в шубе.

— Я вас слушаю.

— Вы объяснили, как развивалась природа, как из одного вида растений или животных происходил другой вид. Говорили, что многие виды животных давно исчезли. Это все можно понять. Есть сказки о летающем змее. Может, когда-нибудь и жил на свете летающий змей, но вымер, и остались о нем только сказки. А об обезьяне, от которой человек произошел, таких сказок нет. Не рассказывается в сказках и о том, как лошадь телкой ожеребилась, или свинья, к примеру, собаку принесла. А про баб и говорить нечего. Не было еще такой бабы, чтобы обезьяну родила.

В зале засмеялись.

Груздев переждал смех и стал объяснять, что процессы развития жизни на земле проходили миллионы лет. Он еще хотел что-то сказать, хотел продолжить объяснение, но в это время кто-то громко крикнул из зала:

— Скажи нам, что раньше появилось — курица или яйцо?

— Вот дает! Попробуй теперь отбрехайся, — засмеялся кто-то. Засмеялись и в зале. Поднялся говор и шум.

— Вы хотели таким вопросом оставить меня в дураках? — спросил Груздев. — Я не из трусливых и отвечу вам на этот вопрос. Раньше появилось яйцо!

— С неба, что ли оно упало?

В зале опять засмеялись.

— Не с неба. Яйцо всегда было зародышем жизни. И сначала снесла это яйцо не курица, а другая птица, может быть, только отдаленно напоминающая современную курицу. Человек стал

одомашнивать эту птицу. Проходили столетия, и птица по воле человека несла все больше и больше яиц. Получая корм из рук человека она разучилась летать и приобрела другие, необходимые человеку свойства. Так появилась на свет современная курица.

— Есть еще вопросы? — спросил Груздев, желая, чтобы их больше не было, чтобы можно было быстрее свернуть выступление и возвращаться домой.

— Есть! — услышался голос из глубины зада, где люди стояли. — Хотим, гражданин-товарищ, еще один вопрос прояснить.

— Можно, — великодушно разрешил Груздев. — Пробирайтесь сюда поближе, чтобы вас видно было.

Человек, желающий задать вопрос, стал пробираться к сцене. Это был невзрачный мужичонка, с козлиной неопределенного цвета бородкой и лицом, переболевшим оспой, одетый в едва достававший до колен полушубок, в который словно только сейчас выстрелили картечью из пушки. Из рваных во многих местах ран полушубка торчали клочья шерсти.

— Я тутотка, — сказал он, протиснувшись к рампе сцены и из почтения к собранию сняв с головы шапку.

— Задавайте вас вопрос, говорите, — торопил Груздев.

— Вот, гражданин-товарищ, о чем спросить у тебя хотел. Объясни нам, почему, скажем, скотина крестьянская: корова ли, лошадь, али овца какая — по нужде ходят по-разному? Корова — эта всегда лепешкой ходит, а овца, если заметили, та — орешками.

— Не знаю, — нервно ответил Груздев. — Я не ветеринарный фельдшер, чтобы на такие вопросы отвечать.

Он не понимал, что допустил ошибку, категорически отказавшись отвечать на поставленный перед ним вопрос. Отказ отвечать на последний вопрос был роковым, изменившим весь ход дела.

Мужик почесал в затылке и с наивным недоумением спросил:

— Зачем же тогда сюда приехал, гражданин ученый? Сказывали, что приехал о боге вопросы объяснять. А тебя о чем спросили? О дерьме спросили. Что же теперь выходит? И выходит, что ты в дерьме не можешь разобраться, а берешься о боге толковать! — Он махнул шапкой, что, видимо, означало — не стоит на тебя время тратить — и направился к выходу.

В зале громко засмеялись. Стали хлопать, стучать ногами. Еле удерживались от смеха и в президиуме. Будилов кусал нижнюю губу, чтобы самому не рассмеяться. Зрители повставали с

мест и направились к выходу. Слышны были голоса: “Вот это Афанасий!” “Нечего сказать, цапапнул Афонька лектора!” У дверей образовался затор.

— Тише, товарищи! — успокаивал Будилов. — Собрание продолжается! — Он стучал по столу стеклянной пробкой от графина, делал жесты руками, чтобы все садились на свои места, но никто не хотел слушать. К дверям стремились все больше и больше. Минут через пять в зале осталось не более тридцати человек. Продолжать собрание уже не имело смысла и Будилов объявил вечер закрытым.

— Почему же вы так категорически отказались отвечать на вопрос? — спросил Будилов у Груздева, выходя из зрительного зала. — Надо было поступить иначе. Сказали бы, что объяснение дадим позднее, в специальной лекции по ветеринарии, которую в скором времени проведем в Народном доме. — Но совет опоздал.

Перед отъездом собрались в читальне. У всех от случившегося остался неприятный осадок. Говорили, что антирелигиозную работу в селе надо активизировать и проводить систематически. Будилов просил Серафиму Никаноровну и Михаила Борисовича помогать Народному дому и обещал посылать из Горска в село Куклин Угол культурные силы.

Глава тридцатая

Кольку известили, чтобы он обязательно приходил в это воскресенье на комсомольское собрание.

— Будем тебя в комсомол принимать, — сказал ему Витька.

Известие Колька принял как должное.

На собрании, кроме приема Кольки в комсомол, стояли еще и другие вопросы. Нужно было выбрать нового секретаря.

Копейкин в ту пору успел уже определиться на новом месте своей работы и появлялся в селе редко. Он просил освободить его от секретарских обязанностей и как можно скорее, чтобы не связывали его больше никакие дела с селом Куклин Угол.

Пришло воскресенье.

Для Кольки это был торжественный день. На собрание пришел он в новой сатиновой рубашке и густо смазанных дегтем кожаных сапогах. Запах дегтя, обильно источаемый Колькиными сапогами, стоял во всех помещениях, и особенно в библиотеке, где проходило комсомольское собрание.

Все другие комсомольцы пришли в этот день на собрание в валенках, потому что на дворе стояла морозная погода. Еще ночью на полях и дорогах схватило мартовский снег, и схватило так крепко, что не обещало отпустить и к вечеру.

Колька в тот день выделялся среди других праздничным костюмом и выглядел именинником. С лица его не сходила улыбка. Он торжествовал. Вопрос о приеме в комсомол рассматривался первым.

— Коля, расскажи биографию, — попросил председательствующий.

— Не надо рассказывать, знаем! — закричали комсомольцы.

— Дайте слово, — попросил Виктор. — Какая может быть биография у Кольки? Вся Колькина биография на наших глазах протекала. С самого начала он с нами. Куда комсомольцы, туда и Колька. Если бы не опоздал родиться, вступил бы в комсомол вместе с первыми комсомольцами. Ну, а если задержался малость, в том не его вина.

На лицах ребят заиграла улыбка. Стали голосовать. В комсомол Кольку приняли единогласно.

Витька снял свой “КИМ”, подошел к Кольке и приколот значок к Колькиной рубашке. У того зарделись щеки. Сколько времени мечтал он увидеть себя с таким значком, и вот пришло время, стал комсомольцем! От волнения на Колькином носу выступили мелкие капельки пота. Он с благодарностью посмотрел на Витьку.

Секретарем ячейки выбрали Петруху Голубкова.

После собрания Виктор с Копейкиным прошли в библиотеку. Не были они вместе уже много дней.

— Рассказывай, как показалась тебе новая работа, Ванюха?

— Привыкаю помаленьку, — начал Копейкин. — Оформляю трудовые договоры на батраков. В шутку меня называют теперь в Пахтино не иначе, как волбатраком, что значит самый старший над батраками в волости. Но я думаю, что это неправильное название. Я над батраками не стою, а вместе с батраками против кулаков стою. Так надо понимать мою новую работу. Дело это, Витюха, нелегкое. Пока еще только четыре договора удалось заключить. Начал с Халезева. Подказали мне, что там есть люди, которые батраков держат. Я туда. Собрал бедноту и спрашиваю их: кто в вашей деревне батраков имеет? Показали на два двора. Пришел к первому хозяину с бланком договора, а мужик отрещивается, никогда, говорит, я батраков и не держал, на меня по злобе наговаривают. Посмотрел в окно, вижу, парень идет к его дому с плетенкой.

— Кто это у тебя сено подносит ко двору для скота?

— Этот-то? — спрашивает. — Это племянник мой.

Машу рукой в окно “племяннику”.

— Ну-ка, парень, зайди в избу!

Только тот заходит, а я ему с ходу вопрос:

— На каких условиях батрачишь? Сколько тебе за работу твою хозяин платит?

— А я, — говорит, — не на условиях, а родному дяде помочь приехал по хозяйству.

Видю — врет. Догадываюсь, научил хозяин батрака, как отвечать уполномоченному. Иду на хитрость.

— Как фамилия твоя? — спрашиваю работника.

— Плаксин, — отвечает.

— По матери или по отцу ты дяде племянником приходишься?

— По отцу.

— Как же так, — спрашиваю, — фамилия твоя Плаксин, а у дяди твоего совсем другая фамилия. Если он тебе дядя, то отец твой ему братом родным приходится, а фамилии у вас получились почему-то разные. Ты чего-то, парень, врешь.

Растерялся мой батрак и не знает что ответить. То на меня посмотрит, то на хозяина. А хозяин видит, что не удалось надуть, махнул рукой:

— Пиши договор.

Второй договор в той же деревне на няньку заключил. Здесь тоже не без обмана. Девчонку лет двенадцати мужик в няньки нанял.

— Давай, — говорю ему, — договор писать на твою батрачку.

— Что ты, окстись, — отвечает. — Какая это батрачка. Это сиротка после жониной сестры, царство ей небесное, осталась.

Назвал какую-то дальнюю деревню, где, будто, ее мать жила. Теперь, говорит, к себе взял. Удочерить хочу.

— Удочерить сиротку — дело хорошее, — отвечаю. — Но когда удочеришь, тогда и разговор с тобой другой будет, а пока подписывай трудовой договор на батрака.

Помялся-помялся мужик, но все же подписал. Пригласил я батраков к председателю комбеда. Зачем, спрашиваю, помогаете кулакам обманывать меня? Уполномоченный не враг вам, а друг. Я ваши же интересы защищаю. Подписали договор, теперь буду следить за тем, как его выполняют кулаки, чтобы они полностью и вовремя с вами рассчитывались, чтобы застраховали на случай болезни, чтобы спецодежду предоставляли и выходной день каждую неделю. Если будут вас обсчитывать или как по-другому обижать, жалуйтесь мне.

— Выходит, ты теперь начальник большой стал? — улыбаясь, спросил Виктор.

— Похоже на это. А я вот о чем хотел просить тебя, Витюха, после того, как всех своих батраков выявлю, помоги мне их к Народному дому пристроить, к культуре. Неграмотных в ликпункты, а грамотных в библиотеку записать. Иногда, может, потребуется у тебя какое собрание или лекцию провести.

Виктор засмеялся.

— Чудной ты человек, Ванька. Ты же знаешь, что это моя обязанность по должности. Здесь и спрашивать ничего не надо. Если батраки в Народный дом ходить будут, куда как хорошо получится.

Прятели замолчали.

— Про себя я тебе все рассказал. Теперь ты говори про свое новое. Слышал, что неладно у тебя вышло с диспутом. По деревням рассказывают, что Афонька-Заноза городского ученого с его ученостью перед всем народом высмеял.

Витька поморщился.

— Нехорошо вышло. Думаю, что кулаки его научили.

— Нет. Я Афоньку знаю. Он наш, Шеинский. Афанасий всегда своим умом живет. Натура у него такая. Над людьми, которые себя превыше других ставят, посмеяться любит. Это у него от злобы на жизнь, что ли. Не ладится житуха у Афанасия. Семья большая, а в хозяйстве даже лошади нет. За каждую вспашку приходится кулакам отрабатывать. Накопил горечи много, а умом его бог не обидел. За острословие в деревне его Занозой прозвали. Афоня хоть и малограмотный, а двух грамотеев запросто за пояс заткнет.

— Сорвал нам ваш Афанасий антирелигиозный вечер.

— Слышал.

Перед тем, как расстаться, Копейкин открыл Виктору свое сокровенное.

— В партию я решил подавать заявление, Витюха. Как к этому относишься?

Виктора слова друга не удивили.

— Время, — сказал он. — Все, Ваня, в рост идет.

— А ты чего медлишь? Тебе тоже пора в партию.

— Тебе проще, Ваня. Ты из батраков, а я из интеллигенции, мне нужны пять поручителей, а где их достану?

— Пять поручителей, да еще с большим партийным стажем — дело не легкое, — согласился Копейкин. — Ну, мне пора и до дому, — сказал он и поднялся с места.

Виктор тоже встал.

— Счастливого тебе пути, друг мой лучший. Разводит нас злодейка жизнь в разные стороны. А как было хорошо вместе.

* * *

После диспута, перед отъездом в Горск, Будилов наказал Виктору, чтобы тот ни в коем случае не забывал об антирелигиозной пропаганде. Он намотал это себе на ус и стал толкать антирелигиозное дело вперед.

Вскоре решился вопрос о стенгазете “Безбожник”. Редактором избрали Серафиму Никаноровну. Появились селькоры и

письма в редакцию. Писали комсомольцы и ученики старшего класса школы. Писали о знахарях и гадалках, о разных святошах, о кулаках, которые богу молятся, а ближнего своего готовы в дугу согнуть.

Приближалась пасха. Виктор подготовил для стенгазеты статью, объясняющую происхождение праздника. Обсуждался вопрос о пасхе и комсомольцами. Комсомольцы понимали, что они не могут стоять в стороне, надо было предпринимать что-то такое, что отвлекло бы деревенскую молодежь в эти дни от религиозных обрядов.

Праздник пасхи всегда был привлекательным и впечатляющим. Он проводился весной, когда от зимней спячки пробуждалась природа. Начало его приходилось на первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолуния, то есть на самую темную весеннюю ночь, что обряды его окутывало какой-то таинственностью.

К пасхальной заутрене, которая начиналась с полуночи, в церковной ограде зажигались бумажные цветные фонарики. Ровно в полночь устраивалось шествие молящихся вокруг церкви с зажженными свечами. Всю неделю пасхального праздника, с утра и до позднего вечера, звонили в колокола. Звонили беспорядочно, кто как мог. Но случались и мастера колокольного звона, которые с удивительной музыкальностью, подбирая созвучия колоколов, выводили такие мелодии звонов, что только диву давались люди. Не было в то время техники звукозаписи, ни магнитной, ни оптической, а то бы дошли и до нас эти чудесные творения безвестных музыкантов, а может быть, сохранились бы в истории музыкальной культуры и их имена.

С началом пасхального праздника заканчивался великий пост. К празднику в деревне готовились, как к большому торжеству, пекли сдобные пшеничные куличи с изюмом, готовили сладкие творожные и сметанные сыры, красили яйца и варили всякую снедь. Даже в бедных крестьянских семьях приберегали к этому дню копейку на гостинцы: пасхальные яички и косушку вина.

Как могли оказаться в стороне комсомольцы? Они тоже готовились к пасхе.

За неделю до праздника они оборудовали в Народном доме уголок безбожника. Выставили в фойе деревянный щит и навесили на него всякой всячины. Кусок овечьей шерсти приклеили, а внизу написали: “Этот волос из бороды Иисуса Христа”.

Привязали к щиту два больших ржавых гвоздя, а подпись под ними гласила: “Этими гвоздями был прибит Христос ко кресту”. Здесь же привязали гнилушки, под которыми значилось: “Гнилушки сии от гроба господня”. Был и пузырек с водой — “Слезы Марии Магдалины”, и многое другое. Около щита приколоты кнопками к стене первый номер стеной газеты “Безбожник” и выложили на стол антирелигиозные брошюры.

— А где будут комсомольцы во время пасхальной заутрени, когда весь народ в церковь пойдет? — осмотрев устроенную комсомольцами выставку, спросила Серафима Никаноровна.

— Законный вопрос, — схватился за ум новый секретарь комсомольской ячейки Петруха Голубков. — Нам нужно будет свой, безбожный вечер устроить. Подготовим спектакль на антирелигиозную тему, а после спектакля танцы объявим.

— Со спектаклем у нас ничего не выйдет, Петруха. Времени осталось маловато, — возразил Виктор.

— Тогда декламацию подготовим и музыку.

— Это другое дело.

Комсомольцы условились оторвать в эту ночь от церкви как можно больше молодежи и заманить их на антирелигиозный вечер в Народный дом.

Глава тридцать первая

...В тот поздний вечер, едва ночная темь спустилась на крыши домов, в Народном доме уже горели все лампы-молнии. Зажгли их комсомольцы и в фойе, и в зрительном зале, и в библиотеке-читальне. Все окна Народного дома, выходящего фасадом к церковной ограде, гостеприимно светились большими огнями. Мимо него шли люди. Старики старались не замечать иллюминации, устроенной комсомольцами в пасхальную ночь по соседству с церковью, среди молодых встречались любопытные. Те подходили к освещенным окнам и заглядывали через стекла внутрь помещения. Им хотелось увидеть что-нибудь необычайное, но большой зрительный зал и фойе Народного дома были пусты. Посмотрев в окна и не увидев ничего привлекательного, они продолжали свой путь к церкви.

Вечер у комсомольцев явно не удался. Молодежь обходила их стороной. Все прибывшие на вечер разместились в небольшой комнате-читальне.

Около длинного стола, покрытого красной скатертью, в глубоком бархатном кресле сидела Серафима Никаноровна. Она держала в руках газету и вслух для всех что-то читала. Свет от висящей на потолке лампы-молнии падал на газетную полосу. Можно было издали прочитать и название газеты. В заголовке стояли большие черные буквы, сложенные в слово — “БЕДНОТА”.

Скрипнула входная дверь, пропуская в Народный дом еще двух опаздывающих на вечер комсомольцев. Воспользуемся этим и вместе с ними войдем в помещение.

На миг прекратилось чтение. Серафима Никаноровна поверх очков посмотрела на вновь прибывших. Ребята сдвинулись, дав новичкам место, и чтение продолжалось.

В газетной статье говорилось о закупке в Америке для Советской России большой партии тракторов «Фордзон». Первая партия тракторов, сообщила газета, уже прибыла морским путем в Одессу, и далее — прибывшие из Америки трактора будут

продаваться крестьянам, объединенным в сельскохозяйственные кооперативы, товарищества и коммуны.

— Хоть бы одним глазом посмотреть на этот трактор, какой он из себя, — вздохнул Рачков.

— Я видел его фотографию в журнале, — сказал комсомолец из Подольнова Лавочкин. — Он на высоких чугунных колесах и с трубой.

— Похожий на паровоз, что ли? — поинтересовался Колька.

— Нет, на паровоз не похож. Паровоз большая машина, а этот намного меньше.

— Говорят, он сильнее лошади.

— Во много раз, — пояснил Виктор. — Трактор на пахоте сразу будет три лемеха тянуть, а лошадь однолемешный плуг еле тянет. Трактор не только для пахоты, а и для всякого другого дела крестьянского приспособить можно. Трактор может и веялку крутить, и косилку таскать за собой, и молотить, а если надо, то и в город за товарами для потребиловки сходить. Лошадь работает или не работает, ее все равно всякий день кормить надо, а трактор, если не работает, есть не просит. Мужичку это выгодно.

— Много нам тракторов надо. У государства золота не хватит каждый раз их в Америке покупать, — высказал свою точку зрения Рачков.

Ему ответил Петруха.

— Сами трактора делать будем. Невелика хитрость. Танки в гражданскую войну делали, а танк — это тот же трактор, только бронированный и с пулеметами. Танк сделать еще труднее. Где-то я читал, что в Питере на Путиловском заводе уже мастерят тракторы.

— Я тоже читал, но мало еще делают, — сказал Лавочкин.

— Это сейчас мало, потом больше будут делать. В будущем специальные заводы построят, и тракторов у нас будет не меньше, чем в Америке. У каждого мужика будет трактор. Покупай свободно.

— Нельзя свободно всем тракторы продавать, — вмешался Виктор. — Подумай, Петруха, кто его прежде купит? Купит тот, у кого мошна тугая. Трактор окажется у кулака. Сейчас кулак даст веялку соседу на один день и требует, чтобы тот отработал за нее два дня на пахоте, а если лошадь даст безлошаднику для вспашки, тогда гони за нее чуть ли не треть урожая. А когда

трактор окажется у кулака, он, знаешь, как мужика-работягу зажмет? — Витька сжал кулак и выставил его напоказ всем. Против таких убедительных доводов никто не возражал.

Завязался разговор о том, как трудно еще крестьянину выбиваться из нужды, как много еще надо сделать, чтобы было вдоволь у крестьян и сельскохозяйственных машин, скота и удобрий. Все сошлись на том, что дорога к новой жизни лежит через сельскохозяйственную кооперацию. Критиковали работу местного сельскохозяйственного товарищества, которое мало что делает, чтобы улучшить условия крестьянского труда. Говорили о семипольном севообороте, потом о Каширской электростанции, об открытии которой много писали тогда газеты. Казалось, что разговорам этим и конца не будет.

— Может, теперь твой доклад послушаем? — спросил Голубков у Виктора, который готовил к этому вечеру специальный доклад о происхождении праздника пасхи. Все равно наша затея с вечером поломалась, больше ждать некого.

Виктор взялся за тезисы.

— Доклад так доклад, — согласился он, обводя глазами собравшихся и замечая, что из читальни куда-то исчезли Коля Быков, Дима Усачев, Фрося и Тина, которые еще совсем недавно были здесь. Он вспомнил, что Колька и Димка, когда говорили о сельскохозяйственной кооперации, все время о чем-то шептались с девушками и никакого участия в разговоре не принимали. Голубков тоже заметил отсутствие четверки.

— Четверых нет, — объявил он во всеуслышание. — На улицу вышли. Будем ждать их?

— Сейчас вернутся. Не будем дожидаться, — запротестовали другие.

Виктор поднялся с места, пододвинул к себе графин с водой и стакан, положил на стол тетрадь с тезисами и приступил к докладу.

Он говорил о том, что весенний праздник обновления природы праздновали еще в древности. Миф о Христе придумали позднее. Рассказывал о древнеегипетском боге Осирисе, который так же, как и Христов, воскресал из мертвых, говорил, что христианство заимствовало пасхальные обряды от древних языческих праздников...

А в это время Колька Быков, Димка Усачев и две взгладовские девушки-комсомолки бежали к церковной ограде.

Пасхальная заутреня должна была вот-вот начаться. Густой толпой народ уже выходил из церкви для крестного хода вокруг храма. Впереди шел отец Григорий в торжественном облачении, густо кадя кадилом. Церковный хор пел какую-то протяжную песню.

Кому первому пришла мысль в голову увести из церкви в Народный дом на Витькину лекцию как можно больше молодежи, неизвестно. Наверное, Кольке. Сговаривались об этом все, но как только вышли из Народного дома именно он, Колька, закричал:

– Ребята, уже Христа хоронят! Бежим скорее, а то опоздаем!

Они бросились бежать к церковной ограде, надеясь, что еще не все потеряно, что стоит только им на улице во время крестного хода разыскать нужных людей, и те сразу же пойдут за ними, но когда подбежали к ограде, поняли, что задуманное осуществить невозможно. В темноте все люди одинаковы, они сливались в однообразную темно-серую медленно текущую массу. Каждый участник шествия нес в руке свечу, ладонью другой руки заслоняя пламя от ветра. Блики от горящих во тьме свечей играли на лицах и спинах молящихся. В этом людском месиве, где люди были похожи друг на друга, как медные копейки, разыскать кого-либо не было никакой возможности.

Добежав до церковной ограды, ребята на минуту замедлили бег, соображая, что делать дальше.

– А ну-ка, Димка, подсади! – крикнул Колька, подбежав вплотную к кирпичному столбу белой ограды, у которого крепились металлические решетки. Димка быстро нагнул, и в следующую минуту Колька оказался на его плечах, с которых перебрался на кирпичную тумбу.

Ни Димка, ни девушки не понимали, что хотел делать Колька. Они, минули калитку, вышли за ограду и остановились около столба, на котором белела Колькина фигура.

Между тем шествие молящихся вокруг церкви завершало свой путь. С восточной стороны храма уже показались первые ряды людей, шествующих за священником. Отчетливо доносилось пение церковного хора. Еще минута-две и вся эта масса людей остановится около церковного порога. Где отец Григорий торжественно провозгласит воскресение Христа. “Христос воскрес из мертвых”, – запоет он, и люди войдут в храм, а там вообще никого из ребят найти будет невозможно.

Толпа остановилась перед храмом. Наступила та торжественная минута, когда отец Григорий, набрав в легкие воздух и оперев звук на диафрагму, готовился запеть о воскресении Христа. Но в тот миг случилось что-то невероятное.

— Бога нет! — закричал кто-то во все горло.

Все головы повернулись в сторону кричавшего.

Отец Григорий, выпустив воздух из легких, стушевался и не решался продолжать службу.

— Граждане, не верьте попам! Никакого Христа не было! Бога тоже нет! — громко кричал со столба Колька.

Девушки-комсомолки Тина и Фрося, увидев, какое внимание оказывает притихшая толпа Кольке, воодушевились его успехом, залезли на решетку церковной ограды и стали выкрикивать:

— Нет бога! Нет бога! И Христа тоже не было!

Кольке льстило, что столько людей, затаив дыхание, смотрят на них. Он чувствовал, что еще одна минута, и вся эта масса обманутых попами людей поймет, наконец, правду их слов, откажется от религии и будет благодарить за то, что открыли им глаза. Он уже стал мнить себя героем, но в тот же момент почувствовал, что кто-то сильно тянет его за ногу со столба вниз. Хотел освободить ногу, но тут ухватились за вторую, и он стал падать на землю. Еще падая, он ощутил сильный удар по правому глазу, а затем на земле уже второй, сзади под лопатку. Особенно болезненным был второй удар. От него он долго не мог вздохнуть. Так бездыханного и протащили его по земле к калитке, через которую выбросили за церковную ограду.

Опомнился Колька у церковных коновязей. Страшно болел бок, и во рту чувствовалось что-то непривычно соленое. Сплюнул кровью. “Язык, наверно, прикусил”, — подумал он. С трудом поднялся на ноги. Голова кружилась. Осмотрелся вокруг. Недалеко в темноте маячило что-то белое.

— Колька, это ты?! — вскоре услышал он голос Димки. — Вон куда тебя занесло. А я смотрю, стоит кто-то и понять не могу то ли жеребенок, то ли собака какая.

Колька не проронил ни слова.

— Ого! Как тебя разукрасили, — сказал Димка, заглянув Кольке в лицо.

— Язык, наверно, прикусил. Во рту кровь, — наконец отозвался Колька.

— Из носа у тебя тоже кровь хлещет. Поди, умойся. Вон там, у ограды еще снегу немного осталось. Хотя пойдем вместе, я тебе помогу.

Колька и Димка пошли к белевшему в темноте снегу.

— А тебе ничего не сделали? — еле ворочая припухшим языком, спросил Колька.

— Мне ничего. Я внизу был. Как увидел, что тебя с тумбы ста-скивают, так сразу же и подался за ворота. А в это время...

— Подожди, — перебил Колька. — Слышишь, плачет кто-то?

Действительно, недалеко от них слышен был глухой женский плач.

В то время, когда Кольку Быкова стащили со столба церковной ограды, наши девушки, Тина и Фрося, уже поняли, что им тоже несдобровать, что их ожидает так же участь. Три или четыре здоровенных мужика уже тянули к ним руки, стараясь ухватить за край одежды. Женщины из толпы громко кричали и грозили кулаками. Но девушки впились руками в железные прутья ограды и продолжали упрямо повторять: “Вам наш рот не заткнуть, все равно бога нет! Попы вас обманывают!”

Но та сила, что тянула девушек вниз от решетки, намного превосходила усилия их, пытавшихся держаться за прутья ограды. Наконец пальцы не выдержали, разогнулись и, оторвавшись от решетки, девушки повалились на головы тянувших их богомольцев.

— А ну-ка, мужики, завяжите подолы охальницам! — выкрикнула какая-то рябая женщина. Тотчас кто-то схватился за Фросину юбку и вместе с полами ватного жакета, одетого поверх платья, поднял вверх и стал стягивать над головой.

— Руки, руки выбери ей, а то развяжется, — подсказывал все тот же противный голос, который советовал мужикам завязать подолы. Фрося хорошо запомнила этот голос и понимала, что это кричала все та же рябая тетка.

Через минуту Фрося почувствовала, как выламывают ей руки и вместе с юбкой связывают веревками над головой.

Оказавшись в мешке, она больше ничего не видела и не слышала. Она еще полностью и не осознала того, что произошло с ней, чувствовала страшный стыд и лежала плашмя на земле без движений. Затем ее, словно чурбан, кто-то поднял с земли и поставил на ноги.

— А теперь топай отсюда, — услышала она сзади себя грубый мужской голос. Кругом засмеялись.

Глаза Фроси были закрыты поднятым вверх подолом, она решительно не знала, куда идти, стояла на месте, переминаясь с ноги на ногу. Кто-то сзади толкнул ее и стал выводить из толпы. Она подчинялась толчкам в спину и медленно куда-то шла. Она не понимала, куда идет и зачем. Ее вывели за калитку ограды, это она поняла, потому что сзади послышался скрип металлических дверей, после чего лязгнула щеколда. Теперь уже никто ее не толкал. Фрося поняла, что ее оставили на сельской улице с завязанной над головой юбкой. Попробовала освободить руки, но руки были крепко стянуты веревочной петлей, которая сильно жала запястье.

“Что же теперь делать буду? — думала Фрося, осторожно нащупывая ногами впереди себя твердую почку. — Надо мне куда-то идти”. Но, сделав несколько неуверенных шагов и ступив на что-то ужасно скользкое, она поскользнулась и упала в навозную жижу, стекавшую от коновязей.

Фрося поднялась на колени, вспомнила, что перед тем, как идти в село, надела на себя только что сшитое платье и новый праздничный жакет, который мать наказывала беречь пуще своего глаза, и что теперь все выпачкано навозной грязью, подумала о том, что она никому ничего плохого не сделала, а наоборот, хотела людям сделать только добро, а с ней так грубо, жестоко и несправедливо поступили. Подумав обо всем этом, залилась горячими слезами. Так она рыдала, стоя на коленях в навозной жиже до тех пор, пока ее не услышали.

— Это же Фрося плачет! — сказал Димка, подходя вместе с Колькой к какому-то белому узлу, лежащему на дороге недалеко от церковной ограды.

Узел не шевелился и рыдал Фросиным голосом.

— Фрося, это ты? — спросил Колька.

Но в ответ ему были только рыдания.

— Ей же юбку завязали на голове! — крикнул Димка, рассмотрев в темноте узел. — Это кто же тебя так, Фрося? — дознавался он, начиная развязывать. — Вот гады! Это, наверно, ее за то же, за что и тебя отлупили, Колька.

Колька ничего не ответил. Он раньше Димки догадался об этом.

— Фрося! — через минуту послышалось из темноты. От угла Народного дома кричала Тина. Она узнала по всхлипываниям

Фросю и маячившие вдалеке фигуры Димки и Коли. Тина вскоре подошла к ним.

— Чего тебе? — плачущим голосом спросила Фрося.

— Они и с тобой такое сделали? — подойдя близко и увидев, как освобождают от юбок голову Фроси, спросила Тина. — Меня ведь тоже завязывали, но как только вытолкнули за ограду, так я и развязалась. Буду я еще им с завязанными юбками ходить.

— Ты где все это время была? — спросил Колька.

— Здесь была. Как только развязалась, побежала к Народному дому. Хотела пойти туда, после подумала, что вас нет, не пошла, а стала вас дожидаться. Лучше всем вместе идти.

— Ты знаешь, Фрося, кто над нами надсмеялся? Это подольновские. Я заметила мужика одного. Когда ездила зимой с тятькой на мельницу в Подольново, там его и видела. Мельник подольновский.

Между тем Фрося уже приводила себя в порядок, отряхивая с помощью Димки от приставшей грязи свой жакет.

— Теперь куда пойдем? — спросил Димка.

— В Народный дом пойдем. Куда же еще идти, — заявил Колька. — Только, ребята, будем молчать. О том, что случилось, никому не говорите.

— Стыд-то какой, — глубоко вздохнула Фрося.

— Все равно узнают, — высказала пессимистический взгляд на события Тина. — Весь народ, что в церкви был, все видел.

— Когда еще узнают, а сегодня никому ничего не надо говорить, — настаивал Колька. — Теперь пошли, — сказал он. — Заходите тихо и молчок.

Виктор, окончив доклад, отвечал на вопросы, когда наши герои один за другим потихоньку пробрались в читальню и, примостившись, где кто мог, с выражением святой невинности на лицах, стали слушать. Все сразу же заметили внезапное появление исчезнувшей перед докладом четверки.

— Где были? — закончив отвечать на вопросы, спросил Виктор.

Ребята, насупившись, молчали.

— В церкви что ли были? Не могли удержаться? Страшно интересно, — уличающе допрашивал Рачков.

— Ни в какую мы церковь не ходили. На улице стояли. Около Народного дома. — еле ворочая распухшим языком, выговорил Колька.

Петруха заметил огромный синяк и ссадину у него под глазами.

— Подожди, подожди! Где это тебя так разукрасили? — Рачкова осенила мысль. — Они и на самом деле, ребята, в церкви были. Колька до сдобных куличей большой охотник. Потянул, наверно, кулич у какой-нибудь старушки, ему за это и дали. Со знавайся, Колька, пока не поздно, а то хуже будет.

— Мы Фросю спросим, Фрося не будет врать, — сказал Виктор. — Где вы все это время пропадали, Фрося?

— Николай правду говорит, — уставив стыдливо глаза в спину впереди сидящего, ответила Фрося.

— А кто Кольке под глазом дулю поставил?

— Никто. Это он в темноте на дверной косяк наскочил.

Глава тридцать вторая

Размывая утренний сумрак, из-за вершин деревьев Ханинской рощи выплывало солнце. Солнце играло, разгоняя последние остатки ночи и освещая лучами ту часть земли, что поворачивалась к нему лицом. Яркие, но еще холодные лучи раннего утреннего солнца, пробиваясь через вершины деревьев, скользили по крышам домов и сараев, освещали стога соломы и рассеянно ложились на только что освободившуюся от снега землю.

С восходом солнца Виктор проснулся. Его беспокоил ликбез. Думал, как пройдет выпуск группы. Выпуск всех, занимавшихся зимой в ликбезе, должен был состояться завтра. Еще неделю назад преподаватели договорились провести выпуск вместе в помещении Народного дома. Соберутся для этого завтра все учащиеся и учителя.

“Лучше других успехи у Груши, — думал Виктор. — Эта рвется к знаниям, за всю зиму не пропустила ни одного занятия. Ей обязательно надо продолжать учебу. Поучится год-другой в группе малограмотных, а там можно и на рабфак. Класс для малограмотных откроем осенью. Впрочем, успехи не только у Груши, — продолжает Виктор. — Все мои подопечные довольны своими успехами. Девочки научились неплохо писать и бойко читать. А тетя Поля, так та в самарскую деревню вчера сама письмо написала. Попросила поправить и надписать на конверте адрес. Хотя половина слов у нее вышла печатными буквами, а все правильно написала, и мысль свою излагает, как надо. Пишет какой-то Анюте, сестре двоюродной. Пишет, что работает сторожихой, ребята сыты и в тепле. Спрашивает, как в деревне? Кто умер от голода, а кто еще живой? Пишет, что сама осенью вернется. А в конце добавляет — научилась грамоте”.

— Чего же я валяюсь? Пора и вставать с постели, — решает Виктор. Он сбросил с себя одеяло.

— Витя? — услышал из соседней комнаты голос сестры. — Ты поднялся?

- Встал. Чего тебе?
— Мне что-то нездоровится. Истопи, пожалуйста, печи да задай корму корове.
— Ладно, сделаю, — ответил Виктор и отправился за дровами.

* * *

О событиях прошлой ночи секретарь комсомольской ячейки Голубкой узнал утром. Рассказала ему об этом мать.

— Насмотрелась сегодня на ваших комсомольцев, видела, как они отличаются, — сказала она, вернувшись после пасхальной заутрени, и тут же выложила все, что видела на кладбище во время крестного хода.

— Натальин Колька был у них за главаря. Видно, еще мало об его спину Наталья ухватов поломала. Сам сопли вытереть не умеет, а туда же лезет, народ учить. “Бога нет!” Ума у вас нет, вот что тебе скажу.

— Теперь будет дело, — подумал Петруха. — Пойдет теперь слава о нашей ячейке на всю округу.

— Выходит, рано мы тебя в комсомол приняли, — сказал он Кольке, повстречав его в тот же день на улице.

Колька промолчал. Он и сам теперь хорошо понимал, что сделал непростительную глупость, допустив такую дикую выходку на кладбище.

Перебирая в памяти факт за фактом все события той ночи, он не мог дать полного себе отчета в том, как все это произошло. Хорошо помнил, как побежал к церкви, чтобы разыскать взглядовских ребятишек и увести их оттуда в Народный дом, помнил, как залез на столб ограды, чтобы оттуда, с высоты посмотреть, где ребята, и тут точно кто за язык потянул закричать во всю мочь, что бога нет. Когда бежал к церкви вовсе и не думал этого делать, соображал Колька. Теперь уже все равно не поправишь. Жаль только девчонок, зло посмеялись над ними. Теперь в деревне им проходу давать не будут.

— А тетка Наталья злыдня, как только пришла из церкви, так и набросилась с кулаками. И оттаскала бы за волосы, за милую душу, если бы не батя. Батя не дал. Отвел в сторону и говорит: “Рассказывай, что там у вас вышло? Ничего от меня не скрывай”. Я и не скрыл. Всю правду истинную ему выложил. Не могу я батьку обманывать. Стыдно. У него глаза такие проникающие, обязательно заметит, если вру.

— Задал ты нам задачу, сынок, — сказал Михаил Борисович, выслушав Кольку. — Прихожане теперь жаловаться будут. Не только вашей ячейке, а и мне с вами всыпят по первое число.

Всю пасхальную неделю Колька ходил с кровоподтеками, шутками отделяваясь от озорных насмешек товарищей.

— Это тебе фонарь под глазом поставили, чтобы лучше рассмотрел, есть бог, либо нет его, — сказал Кольке Силыч, зайдя в Колькину избу по какому-то делу.

Колька и тут смолчал. Он понимал, с каким неприязненным чувством относятся к его выходке односельчане. С обидой своей он был один. Ему не сочувствовал буквально никто. Ходил по селу, как неприкаянный, не зная, чем занять время.

* * *

В понедельник утром дед Евсей пошел в Народный дом, чтобы узнать новости. Комсомольцы часто записывали передаваемые по радио сообщения и вывешивали свои записи на доске объявлений для всеобщего сведения. Прочесть эти записи пришел в Народный дом сегодня и дед Евсей.

Но доски объявлений на привычном месте на этот раз он не обнаружил. Висевшая здесь ранее доска куда-то исчезла, вместо нее на стене красовался какой-то другой щит, с клочком шерсти и привязанными гнилушками. Дед надел очки и стал разбирать надписи. Не прочитал он и половины того, что было написано здесь, как нервно снял очки, завернул их в тряпицу и, погрозив кому-то палкой, торопливо направился к выходу. А в полдень, повстречав у кооперативной лавки Сарычева, дед спросил:

— Видал, чего ребята-комсомольцы в Народном доме на стены навешали?

Сарычев ничего не знал, и деду Евсею пришлось рассказать ему все, что видел сегодня в Народном доме. Рассказывая, дед выходил из себя.

— Фулиганы, фулиганы и есть. Теперь уж и святые им помещали. Это все Витька с Петрушкой, они у них главари.

Подошли другие старики, стали прислушиваться к разговору. Деду пришлось повторять рассказ несколько раз.

— Богохульствуют, — сказал кто-то. — Комсомольцам все позволено. То в церковь идут безобразничать, а теперь на смех поднимают страсти господни. Думают, что управы на них не найдется.

— Сходим, мужики, посмотрим, какую они там у себя выставку устроили, — пригласил Сарычев.

Старики, возбужденные рассказами деда Евсея, направились к Народному дому.

В этот день все сомнения Виктора в отношении группы ликбеза рассеялись. Все его ученики при проверке получили оценку “удовлетворительно” и удостоверение об окончании ликбеза. Теперь груз свалился с плеч Виктора, стало легче дышать, он стал испытывать какое-то удовлетворение от сознания выполненного долга. Улучшилось и настроение.

Закончив работу в выпускной комиссии, Виктор прошел в библиотеку, где его ожидали читатели. Обменяв им книги и уложив в ящик алфавита абонементные карточки, Виктор вспомнил о заболевшей сестре, о том, что надо сходить к соседке и попросить ее подоить корову, о том, что надо еще приготовить что-то, чтобы накормить сестру, и направился домой.

Только открыл двери, чтобы выйти на улицу, как в глаза его брызнуло яркое солнце, перенести которое не мог, отчего зажмурился. Просидев все утро в помещении, Виктор только теперь увидел, что за каменными, сырыми стенами Народного дома стоит великолепный солнечный день. Под лучами весеннего солнца все кругом ликовало. Оживала природа. И от созерцания открывшегося перед ним великолепия грудь наполнилась радостью.

Присматриваясь к тому, что делается на улице, Виктор раньше всего увидел скворцов. Один из них сидел на привязанной к высокой рябине скворечнице, три ходили по дороге и искали выползающих из теплой земли червей. Недалеко, вытянувшись как струна и прячась за пучком желтой прошлогодней травы, лежала кошка. Она внимательно следила за прыгающими на дороге скворцами и ждала того момента, который позволил бы ей схватить зазевавшуюся птицу, но скворцы знали повадки всех живущих на земле кошек и держались от нее подалеке. В стороне играли в городки подростки, а у стены Народного дома, на врытой в землю скамейке сидели старики.

— Эй, парень! — услышал он позади себя чей-то окрик и повернулся, всматриваясь, кто звал.

— Подойди-ка сюда, поговорить с тобой надо!

Звал его бородатый крестьянин с хмурым лицом, в котором Виктор признал Фомичева из деревни Гулаково, избранного осенью членом правления сельскохозяйственного товарищества.

Виктор тогда был на собрании пайщиков и помнил всех выбранных в правление людей.

Подойдя поближе к старикам, он сразу же почувствовал на себе их холодные, недоброжелательные взгляды. Стало очевидным, что здесь только что говорили о нем, в чем-то его порицали, но, в чем именно, не мог понять.

С минуту длилось напряжение, видимо, никто не хотел начинать разговор первым.

— Вот что, парень, — вдруг нарушил молчание Фомичев, — скажи нам, когда ты над религией смеяться перестанешь? Или другого у тебя дела нет, кроме того, как на смех подымать церковь?

“Э, вот о чем хотят со мной разговаривать старики”, — понял причину напряжения Виктор.

— Ты, Витька. Перестань богохульничать, и гнилушки разные со стены сыми! — нервно стуча об землю палкой, фальцетом выкрикнул дед Евсей.

— Там у тебя разная дрянь вывешена в насмешку над религией, — спокойно пояснил Фомичев.

— Церковь отделена от государства. Теперь свобода антирелигиозной пропаганды, — первое, что пришло на ум, высказал Виктор, и увидел злые глаза старика Мельникова.

— Про свободу мы слышаны, — зло сказал он. — Думаешь, если свобода, то можно свободно идти в церковь и кричать там во всю глотку, что бога нет? Объясните это научно в своем Нардоме, а изголяться над религией не позволим.

— На богохульство у них ума хватает, для этого его много не надо, — вставил дед Евсей.

— Знал я батьку твоего, ветеринарного фельдшера, — перебил деда другой бородач, — царство ему небесное, умный был и трудолюбец. Отец твой во всей округе от крестьян уважение имел. И матушку твою знал. Тоже была подстать Василию Егорычу женщина. Вроде и семья вся ваша хорошая должна быть. Откуда же ты такой выродок взялся? Вот чего я в толк не возьму.

— Раньше-то люди совсем другие были, — пояснил дед Евсей, — самостоятельные и смирные. От прошлого-то теперь ничего не осталось.

— Вот что, парень, подобру тебе говорим, — ковыряя землю палкой и уставив туда глаза, произнес Сарычев, — ты свою выставку убери и поскорее, а не сымешь, тогда на себя пеняй.

— А если не сниму, тогда что будет? — вызывающе спросил Виктор.

— Увидишь, что будет.

Виктор понял, что это уже угроза и не хотел больше слушать.

— У вас все? — спросил он у Сарычева и, не дожидаясь ответа, повернулся и зашагал к своему дому.

— И комсомолки своей передай, чтобы и близко не подходили к церкви, — услышал он голос сзади.

Первые три дня пасхи в деревнях не работали. Из соседних деревень в село каждый день приходила молодежь, одни — играть в крокет, другие — поупражняться на спортивных снарядах. Приносили гармошку, пели песни, водили хороводы. Откуда-то появился футбольный мяч. Поставили ворота и стали играть в футбол. Играть в футбол переметнулось немало молодежи. Появились и зрители. Они сидели на бревнах и с интересом следили за игрой начинающих футболистов.

В дни пасхи Виктору удалось дважды встретиться с Катей. В воскресенье они играли вместе в крокет. Но играли недолго. Вскоре Катю крикнули подруги, и она ушла с ними домой. Второй раз встретились во вторник. В этот день большой компанией совершали прогулку в село Никольское, на озеро, где жгли костер и пели. Возвращались поздно вечером. Обратного пути шли парами. Виктор улучил момент и подцепил под руку Катю. Тянуло холодом. На Кате было платье с короткими рукавами.

— Вы не озябли? — спросил он и, не дожидаясь ответа, снял с себя куртку и набросил на ее плечи.

— А как же вы?

— Я никогда не зябну. Знаете, Катя, у меня кожа такая, к любой температуре приучена.

Та засмеялась.

— Вы это выдумали. Берите сейчас же обратно свою куртку.

— Не кричите на меня. Лучше скажите, где все это время пропадали? Я вас, кажется, полгода не видел. Вчера только настроился играть с вами в крокет, и вы снова ушли. Сдается мне, что вы меня просто избегаете.

— Неправда.

— Тогда чем же объяснить, что вас нигде встретить невозможно, наверно только и сидите дома с бабушкой?

— Мне с ней хорошо. Бабушка Устя ласковая. И знает много. Она часто рассказывает мне, как раньше жили, разные случаи

из своей жизни вспоминает. Бабушка очень интересно рассказывает. У нее есть, чему поучиться.

— Вы так привыкли к бабушке, что, наверно, и домой не тянет?

— Тянет. По дому скучаю. Я больше привыкла к семье. Хочется посмотреть и на маму, и на сестер. Давно уж их не видела.

— Эй, парочка! Чего там воркуете? — донеслось до Виктора. Кричал Петруха, шагая сзади и немного поодаль под руку с Дуней Крыловой.

— Это наше дело! — парировал Виктор. Ему приятно было услышать слово “парочка”, это слово как-то соединяло его с Катей.

— Петруша Голубков серьезно ухаживает за Дуней, — через минуту сказала Катя. — Он и на посиделки приходил к нам. Каждый раз провожал Дуню с посиделок до дома. Только она ветреная очень. То с Петей ходит, а то с Федюшкой Рачковым.

— А вы, Катя, постоянная? Если буду за вами ухаживать, будете только со мной ходить?

Катя подняла голову и пытливо посмотрела на Виктора.

Глава тридцать третья

В середине мая Михаил Борисович получил записку от секретаря Пахтинской волостной ячейки РКП(б) Петра Кузьмина. Кузьмин писал, что в уезд поступила жалоба, жалуются верующие на комсомольцев, которые якобы пытались сорвать пасхальную службу, и что перед заседанием можно было встретиться и потолковать.

— В Уком вызывают из-за тебя, — сказал Михаил Борисович Кольке с укором, нервно сворачивая одной рукой на колене махорочную самокрутку. Что буду говорить им? Чем себя оправдаю?

На следующий день утром Михаил Борисович пошел в Горск и прибыл туда за час до начала заседания. Несмотря на раннее время в приемной секретаря Укома уже толпился народ. Вскоре появился Кузьмин. Встретились с ним глазами, поздоровались.

— Чего мы здесь толчемся, выйдем на крыльце, покурим, — предложил Кузьмин.

Вышли на улицу, сели на стоящую около цветочной клумбы скамейку.

— Рассказывай, что ваши комсомольцы натворили, — спросил он у Быкова. — Жалуются верующие на комсомольцев, на Народный дом тоже жалуются, пишут, что мешают им проводить религиозные обряды. На днях приезжал в волость человек один из Укома проверять жалобу. Какой-то молодой паренек. Он к вам в село тоже ездил. Вернулся, сказал, что жалоба подтвердилась, махнул хвостом и был такой. Со мной даже не поговорил, как следует. Так я до сих пор и не знаю, что там у вас получилось.

Михаил Борисович рассказал Кузьмину, что произошло в селе накануне пасхи.

— Вот черти. Молодые ребята, горячие. За ними глаз да глаз нужен. Говорят, что и сын твой там был? Говорят, что это он кричал, что бога нет.

— По глупости. — Быков почувствовал, как заливает краской лицо.

— Сколько ему годков?

— Четырнадцать недавно исполнилось. Еще и трех месяцев не прошло, как в комсомол приняли.

— Один у тебя?

— Один.

— Потому и балуешь.

— Куда там балуешь. Если правду сказать, ни отца, ни матери мой сын не видел, пока рос. Жена умерла еще при родах. Я на фронте был, он у тетки, сестры моей, жил, а вернулся с фронта, тут тоже не до него было, то хозяйство, а то другое что. Потом председателем сельского совета выбрали, тут я и вовсе забыл про сына.

К месту, где они сидели, подошел Будилов. Увидел на скамье Быкова.

— А вы почему тут?

— На бюро вызвали, — объяснил Михаил Борисович, пожимая протянутую Будиловым руку.

— Вы передайте Торопову, чтобы побывал у меня. Пришли новые плакаты. Пусть заберет. На бюро мой доклад сегодня. Мы еще увидимся, — и ушел.

— Высплут нам, — после некоторого раздумья вернулся к прежнему разговору Кузьмин. — Плохо с тобой комсомольцев воспитываем, не поправляем их, когда нужно.

Михаил Борисович глубоко вздохнул. Будь, что будет. Разве мог он предвидеть эту историю? Перед ним стояло лицо русоголового Кольки, болезненно сжималось сердце, и не жаль было себя.

Объявили о начале заседания. Толпившиеся около входа торопливо побросали окурки и стали заходить в помещение.

— Пойдем, Быков, — сказал Кузьмин Михаилу Борисовичу, — приглашения особого для нас ждать не будем.

Во второй половине дня Петруха Голубков и Виктор Торопов пришли к Кольке и стали дожидаться дядю Миша из Горска, чтобы узнать, чем закончился разбор жалобы на комсомольцев в Уком. Когда узнали, что дядю Мишу вызывают из-за них в Уком, ребята не находили места и чувствовали себя перед ним страшно виноватыми.

Вернулся Михаил Борисович только поздно вечером. Вернулся уставшим.

— Как дела решились? — спросили ребята.

— Не торопите, дайте сначала заправиться, поем, потом все расскажу. Осталось от обеда чего, Наталья?

Тетка Наталья нарезала хлеба и подала на стол большую глиняную миску горячих щей. Михаил Борисович съел первую и попросил добавить еще маленько. По тому, как аппетитно хлебал он мясные щи, как запивал обед вместительной кружкой молока, ребята стали догадываться, что кончилось все в Горске, видимо, благополучно.

— Теперь слушайте рассказ, как трясли меня в Укоме за ваши художества, — сказал он, вставая из-за стола.

Тетка Наталья стала убирать со стола посуду, а Михаил Борисович, устроившись с ребятами на лавке около окна, начал, сворачивая махорочную самокрутку:

— В Укоме я первый раз был. Никогда до того там бывать мне не приходилось. Теперь все начальство уездное знаю.

Сперва, Виктор, там ваш Будиллов докладывал от чрезвычайной комиссии по ликбезу. Докладывал о том, как закончили зимнюю кампанию по ликвидации неграмотности и малограмотности. Я его еще до заседания видел. Наказывал тебе, чтобы за плакатами к нему забежал. Плакаты какие-то у него для тебя лежат.

— Чем закончилось-то, дядя Миша? — не терпелось узнать Петрухе.

— Больно быстрые вы. Подождите. Сперва расскажу, чем началось. Докладывал по жалобе на бюро заведующий АПО Укома. Чернявенький такой, в пенсне, видать, из интеллигентов. Фамилию его не разобрал. Вышел, значит, этот заведующий АПО и говорит: “Передали нам из исполкома жалобу религиозной общины села Куклин Угол на комсомольцев. Там натворили, черт знает что. Полное безобразие!”

— Так и сказал? — поинтересовался Виктор.

— Said — полное безобразие! Во время пасхальной заутрени комсомольцы забежали в церковь и стали кричать: “Бога нет!” “Христос не воскресал!” и разное другое. Вожак у них был сын председателя сельского совета коммуниста Быкова.

— Мы в церкви не кричали, — вмешался Колька.

— Ты погоди. Твое слово последнее. Верующие, говорит заведующий АПО, пишут, что из-за хулиганских этих выкриков комсомольцев, торжественная служба в церкви была остановлена. Смекаете? Была служба в церкви остановлена. Мы, говорит, проверяли факты. Помните, приезжал сюда парень, который все ходил да вынюхивал? Факты. Говорит, все подтвердилось, больше того, кулаки в тот вечер избili комсомольцев.

— Что били комсомольцев, это, дядя Миша, он правильно говорит, — согласился Виктор, — а службу в церкви не останавливали.

— И я говорю правильно. И еще насчет диспута. Задумали, говорит, в этом селе диспут провести с попами. Известили население. А попы — в сторону. Отказались спорить. Что тут делать? Объявили вечер вопросов и ответов. Будилов привез лекторов из Горска. Те вышли на сцену и заявили, что будут отвечать на все вопросы и докажут, что бога нет. Ну, конечно дело, им стали задавать вопросы, а ответить-то на эти вопросы не сумели, тут их и освистали.

— Вопросы, на которые не ответили, были провокационные, дядя Миша, — пояснил Виктор.

— Конечно, провокационные. Только никто об этом не сказал. И еще насчет твоей выставки. Никаких, говорит, материалов, разоблачающих религию, на этой выставке нет, нет даже рекомендательного списка книг по этому вопросу. Одно зубоскальство и глумление над чувствами верующих. Это, говорит, не борьба с религией. Зубоскальство, говорит, не помогает нам искоренять ее, а только играет на руку кулакам и другим антисоветским элементам. Враги, говорит, используют наши ошибки и поворачивают их против нас.

— Что Колька глупую выходку допустил на кладбище — это мы и сами знаем, дядя Миша, — перебил Виктор. — В борьбе с религией у нас еще сноровки нет. Не боремся мы с ней, а путаемся, как слепые кутята. Взять хотя бы выставку к пасхе. Мы посмешить хотели людей, а вышло совсем другое, вышло оскорбление чувств верующих. Хорошо этому укомовцу соловьем распевать, приехал да и поучил бы, как надо работать.

— Ты не перебивай, Виктор, — сказал Петруха. — Рассказывай, что дальше было, дядя Миша.

— А дальше этот заведующий АПО говорит, Уком, говорит, разберется, и накажет тех, кто виноват. Но не это самое главное. Ошибки в антирелигиозной работе есть и в других местах. Главное, говорит, в том, что надо разъяснить всем партийным организациям уезда и культурным учреждениям, чтобы впредь всю антирелигиозную работу вели на научной базе и не допускали верхоглядства. На этом свое выступление он и закончил.

Вел заседание Укома Иконников — секретарь Укома. Молодцеватый такой парень, симпатичный. Говорят, раньше на

фабрике “Красный перекоп” механиком работал. Посмотрел на собравшихся, искал нас глазами.

— Будете что говорить? — спросил у Кузьмина.

— Нет, — отвечает Кузьмин, — ничего не буду.

— А вы, товарищ Быков?

Поднялся я.

— Все правильно здесь говорили. Все так и было. Только докладчик сказал, что комсомольцы кричали в церкви, они в церкви все не кричали, а кричали на кладбище. Что диспут не получился, в том мы не виноваты. Мы для пользы хотели, как лучше...

Тут один из членов бюро, пожилой такой, железнодорожник, про басню Крылова мне напомнил. Надо, говорит, Быков, все с умом делать. Помнишь, говорит, басню Крылова “Пустынник и медведь”? Медведь сгонял муху с лица пустынника, убил его, а ведь косолапый тоже хотел сделать, как лучше.

Я перечить ему не стал. Сел на место. После попросил слово заведующий орготделом Укома. Пучеглазый такой, толстяк. Может, встречал его в Горске, Витюха?

— Нет, не приходилось. Не припомню что-то.

— Обсуждать, — говорит толстяк, — здесь нечего. Здесь, говорит, все и без того ясно. Наломали дров на целую поленницу, надо кому-то за эти художества и отвечать. Раньше всего надо спросить с Быкова, он, говорит, был прикреплен по линии партийного руководства к комсомольской ячейке, значит, за ошибки комсомольцев должен своей головой ответить. И сына своего, говорит, распустил. Какой же Быков коммунист, если у него сын хулиган?

— Слышишь, Колька, как тебя там аттестовали? Каково отцу было слушать? — спросил Петруха.

У Кольки покраснели уши.

— Предлагаю, говорит, Быкова исключить из партии, а Кузьмину партийный выговор дать за ротозейство. Вспомнил и про Будилова. Будилову, говорит, тоже всыпать надо за диспут. А Укому комсомола указать на плохое руководство комсомольскими организациями.

Как услышал я эти слова, словно кто кипятком плеснул на спину. Поднялся со стула, держусь за свою культяпку и спрашиваю пучеглазого:

— Ты где был, когда я за нашу партию на фронте бился? Видишь это? — трясую свою культяпку, — здесь была рука у меня. Теперь она где? Я ее за революцию... Други мои своей жизнью

революцию покупали, а я рукой за нее расплатился. Хоть и после войны вступил в партию, но на фронте за нее сражался. Очень уж просто у тебя все получается. Исключить! Ты хочешь исключить всю мою боевую жизнь? Не выйдет! Ее исключить нельзя!

Я и сам не знаю, как находил в то время слова. Хотел еще что-то сказать этому самодовольному толстяку, помешал Иконников.

— Чего же, говорит, Быков, он теперь перед тобой свою рубашку должен снимать? Он ведь тоже на войне пулей меченый.

Стал остывать я. Сел, а правое колено ходуном ходит, не могу оправиться от волнения. Прижал колено рукой, стал дальше слушать. Никто больше предложение об исключении меня из партии не поддерживает.

Получила слово Сорокина — заведующая женотделом Укома. Ты, Виктор, ее знать должен, сюда приезжала. Пожилая, с бородавкой на левой щеке. Помнишь? Сначала говорила она о женщинах. Что надо, мол, отрывать от церкви женщин. Среди них надо раньше всего вести антирелигиозную работу. Потом о диспуте. Рассказала, как диспут с попами проводили на пасхальной неделе в Нерехте. Там хуже нашего получилось. Там культработников попы форменным образом за нос провели.

Пригласили в Нерехте соборного попа в городской клуб в пасхальную неделю на диспут. Задумали такой диспут: “Воскресал ли Христос?” Молодежь вся на улице гуляет, а в клуб на диспут пришли старики да старухи. Поп в соборе молодой, форсун, дамский сердцеед. Пришел в клуб расфуфыренный, в шелковой рясе и духами от него за сажень разит.

Вывели, значит, клубники этого попа на сцену, представили публике, а тот с ходу прямо на трибуну. Блеснул перед зрителями крестом с распятием и громко этак в публику: “Христос воскрес, граждане!” Старики, конечно, в ответ ему хором: “Воистину воскрес, батюшка!” У верующих обычай такой, на пасхе христосоваться, ну и гаркнули ему по привычке. А попу только это и надо. Повернулся он к организаторам диспута, кому же, спрашивает, буду теперь доказывать, что Христос воскресал, если все в зале со мною согласны? На эти слова ему аплодисментами ответили. У клубников от удивления на лоб глаза полезли.

— Не следует, — говорит Сорокина, — диспутами увлекаться. Попы не лыком шиты, они в семинариях да в академиях обучались. Не каждый может их переспорить.

- Значит, не одни мы дураки?
- Вроде того.
- А чем кончилось все, дядя Миша? — торопил развязку Петруха Голубков.
- Погоди, и до конца дойду. После выступил секретарь горкома комсомола Виктор. Ты, поди, знаешь его, Петруха?
- Не знаю. Я ведь недавно секретарем. Был в Укоме всего один раз.
- Хороший парень ваш Виктор, толковый. “Нам бросили упрек, что плохо руководим комсомольскими ячейками. Не буду себя защищать, — сказал он. — Наверно плохо. Уком комсомола, как бы он хорошо ни работал, всегда можно про него сказать, что надо улучшать его работу. Я хочу сказать по поводу Быкова. Тут было предложение, чтобы исключить его из партии. С предложением этим я не согласен. Что он сделал такого, чтобы исключать его, какой совершил проступок? Не совершал товарищ Быков таких проступков! Комсомольская ячейка, к которой прикреплен он парторганизацией, работает хорошо и считается одной из лучших ячеек уезда. Там ребята делают много хороших дел. И если они на чем-то поскользнулись, так помочь им надо исправить ошибку. Быкову тоже помогать надой:”. И кончилось все это, ребята, тем, что мне поставили на вид за то, что недоглядел за вами, а Будилову с Викторовым сказали, чтобы больше помогали нам.
- Хорошо обошлось, — заключил Виктор.
- И я про то думаю.
- Ну, мы домой пошли, дядя Миша, — поднялся Виктор.
- Подожди, Витюха, чего-то я еще сказать хотел. Да, ты эту выставку сыми со стены. И в уезде про то сказали. Шел я, ребята, обратно налегке, как после исповеди, где отпустили все мои прегрешения.
- Прегрешения-то наши, — заметил Петруха.
- Чего нам делить. Пятнадцать верст обратно за два часа отмахал. Дорогой стоил разные планы. Пожалуй, пора нам и о своей партийной ячейке подумать. Среди комсомольцев найдутся такие, которых пора в партию переводить. Организуем свою партийную ячейку, работать куда легче будет.

Глава тридцать четвертая

Окно было распахнуто настежь. Его не закрывали всю ночь, в комнате, как и на улице, стояла утренняя свежесть. Чуть заметным дуновением приносило из сада сладковатый и ни в чем неповторимый запах цветущей сирени.

Шел девятый час. На белом подоконнике мелькали зайчики от пробивающихся сквозь листву сирени солнечных лучей.

Виктор, поднявшись с постели, потянулся, с удовольствием вдохнул в себя насыщенный свежестью воздух улицы, подошел к окну, навалился всей своей грудью на подоконник и стал смотреть в сад. Сегодня у него был день отдыха. Не было неотложных дел, никуда не торопился и мог всецело отдаться созерцанию природы.

Утреннее солнце еще только начинало набирать силу. В тени раскинувшегося перед домом куста сирени резвились воробьи, они перепрыгивали с ветки на ветку, радуясь теплоте солнечному дню, и о чем-то чирикали, разговаривая на своем воробьином языке. К распустившейся свече белой сирени подлетела пчела. Пчела долго кружила и уже вытянула лапки, чтобы присесть на цветок, но почему-то раздумала, поднялась над цветком, пожужжала немного и улетела куда-то в сторону.

Куст сирени нависал над вкопанной когда-то давно деревянной скамейкой и небольшим круглым столиком. На столике от шевеления листьев, так же как и на подоконнике, играли солнечные зайчики. Откуда-то появилась и уселась на стол белая с темными полосками на крыльях бабочка. Она то складывала крылья, то распускала их. Подошли куры. Они разгребали ногами мусор и что-то искали в земле. Бабочку припекало солнцем, ей захотелось в тень, она взлетела со стола, махнула через голову Виктора и залетела в комнату.

“Нет края щедрости природы, которая посылает людям такие прекрасные дни”, — подумал Виктор, поднимаясь с подоконника. Он вдруг решил идти купаться. Эта мысль пришла внезапно. Захотелось освежиться и поплескаться в воде. Задумав

идти на реку, он снял со спинки постели полотенце, закинул его на плечо и вышел на улицу.

Путь предстоял полев.

Шагая по нехоженой траве, как в волшебной сказке, он пробирался среди обильно цветущих ромашек, красных полевых гвоздик, белого клевера и еще массы каких-то других цветов, названия которых не знал.

Солнце еще не успело осушить утреннюю росу с травы, и он вскоре почувствовал, как его белые брезентовые туфли становятся холодными и влажными. Старался шагать быстро. Полевые цветы хлестали по ногам, а он безжалостно мял их не потому, что был черствым человеком и не ценил красоту, а лишь потому, что по направлению к реле, куда шел, не было ни полевой дороги, ни тропки. Он не мог обойти цветы и шагал по ним, как по цветочному ковру, посланному ему под ноги самой природой.

Подойдя к речке и посмотрев на ее темную воду, с плавающими поверх широкими листьями водяных лилий, подумал, что вода в реке должны быть холодной. Подумав, он тот же час сбросил с себя одежду, повесил ее на куст ольховника, кинулся с берега, нырнул и, выбрасывая саженками руки, поплыл.

Плывя и разбрасывая во все стороны водяные брызги, Виктор любовался разноцветьем искр, что загорались в водяных каплях от лучей утреннего солнца. Нырняя, он видел подводное чудо — дно реки, усыпанное разноцветными камнями. Здесь были разные камешки: как агат черные, как снег белые, кирпично-красные, синие и коричневые. “И в поле, и в небе, и под водой, — везде великолеpie!” — думал Виктор. Его грудь наполняла радость. Как мальчишка, он бил по воде руками, создавая каскады водяных брызг, и, придя от этого в необычайный восторг, стал делать радугу. Радуга поднималась от реки и размывалась в пространстве.

Тут вспомнил о раках. Как много времени прошло с тех пор, как последний раз ловил их здесь. “Я же совсем забыл о раках”, — мелькнула мысль и, подойдя к обрывистому берегу, стал шарить под водой рачьи норы. Засунул в нору руку, нащупал и вытащил огромного черного рака.

— Есть еще раки! Есть раки! — с каким-то задором закричал он.

После Виктор еще несколько раз опускался с головой под воду, шаря в глинистом берегу новые рачьи норы, но вытащил только трех раков, а больше, как ни искал, раков поблизости не было.

— Что же теперь делать с этими? Всего четыре. Маловато для завтрака. Да и стоит ли с ними канителиться? — и, решив, что не стоит, пустил раков снова в воду. Он видел, как раки, быстро-быстро шлепая шейками, пустились от него наутек.

Нырнув под воду последний раз, Виктор вышел на берег.

Возвращаясь домой, он почувствовал, как весь наливается какой-то чудодейственной и могучей силой.

“Для человека все возможно, — думал он, шагая, — невозможно только полететь к солнцу, а на земле человеку доступно все. Я все могу. Во мне столько силы, что, кажется, с корнем бы мог вырвать вон то дерево, перенести его на другое место, снова воткнуть в землю, и оно бы по моей воле продолжало расти. А если бы я поставил дерево вверх корнями? Тогда бы оно не стало расти, как бы я к этому не стремился. Это противоестественно. Это против природы. Выходит, я могу делать только то, что согласуется с природой. А еще лучше самому сливаться с ней, ощущать себя частицей этой могучей силы. Для Кати я, кажется, мог бы сделать все, что она пожелает. По ее воле мог бы стать ученым, писателем или инженером, только надо набраться знаний. А не хвастунишка ли ты? — спрашивал его другой голос. — Можешь ли ты, например, вызвать расположение к себе Кати, ее любовь?” Здесь в душу закралось сомнение. При воспоминании о Кате болезненно сжалось сердце. Ему вдруг захотелось видеть ее сейчас же, говорить с ней, смотреть ей в глаза, дышать с ней одним воздухом. Он хотел ощущать ее близость. Какая-то сила влекла его к тем местам, что были связаны с Катей.

От речки Виктор не пошел домой завтракать, а направился в противоположную сторону, к школе, к той крокетной площадке, где играли с Катей в крокет. Крокетная площадка была пуста и уныла. Повернулся и вышел на дорогу к Никольскому, по которой вместе ходили на прогулку.

Все окружающее: поля, березовые колки, извилистая дорога, ухабы на ней, которые они обходили, — все напоминало здесь о Кате. Вот здесь, припоминаю, Катя сказала: “Мне ужасно чем-то колет пятку, наверно попало что-то в башмак”. А здесь вот присели, она сняла башмак и вытрясла из него ореховую скорлупку. Виктор готов был искать на дороге ее следы и припасть к ним лицом.

“Пойду сегодня во Взглядово, может, увижу там Катю”, — твердо решил он.

Домой вернулся только к десяти. Получив взбучку от сестры за то, что перед самым завтраком исчез неизвестно куда, пододвинул к себе чугунок вареной картошки, успевший уже остыть, и, сдирая с картошки кожуру, стал с аппетитом ее есть, запивая чаем. После завтрака отправился во Взглядово. У него там не было никаких дел, лишь одно неумное стремление, во что бы то ни стало и как можно скорее увидеть Катю.

Виктор шел по деревенской улице.

Стояли те летние дни, когда с весенними полевыми работами крестьяне уже управились, но не наступила еще пора сенокоса, до начала ее оставалось еще больше недели. Этими днями обычно пользовались крестьяне, чтобы успеть переделать все работы по дому, накопившиеся за весну. Где-то исправляли телегу, прилаживая к ней новые оси, в другом месте меняли подгнившие деревянные колья огорода, что-то мастерили в сараях, откуда доносилось шорканье рубанков и удары молотков.

Около изб на улице играли крестьянские дети. Из застывающей на дороге грязи лепили они пироги, пряники и другие игрушечные лакомства, заботливо выкладывая все это на осколки битой фаянсовой посуды и кусочки оконного стекла. Свою стряпню они украшали зеленью сорванной здесь же травы. Особенно дорогое украшали желтыми цветами одуванчика и листочками подорожника. Ходили к своим соседям, приглашали их в гости и щедро угощали друг друга приготовленными яствами.

Мальчишки постарше играли в бабки.

Виктор, не торопясь, шагал по деревенской улице, отмечая детали деревенского быта. Остановился около играющих в бабки ребят, похвалил осыпанного веснушками, большеголового мальчишку за меткий удар битой. Тот, улыбкой оскалив зубы и прищулив глаза, как будто смотрел на солнце, взирал на Виктора и молчал. Он, вероятно, еще только усваивал похвалу прохожего парня по своему адресу.

— Что уставился на меня, на мне ничего не написано, играй дальше, — бросил Виктор и отошел в сторону.

Подошел к малышам. Поинтересовался, что они стряпают и для кого. Старший из них, лет пяти мальчик, оторвавшись от занятий и вытирая грязным кулаком верхнюю губу, на которую стекало из носа, нахмурил брови и молчал.

— Чьи вы? — спросил Виктор.

— Мы Кузьмичевы, — пропищала маленькая, лет трех девочка, прилепывая своей ладонью только что приготовленный пирог.

— Пирогі стряпаешь? Вкусные будут у тебя пирогі? Меня позовешь в гости?

— Позову, — снова пропищала девочка, не поднимая на Виктора глаза. Виктор улыбнулся и пошел дальше.

Из чувства ложного стыда он боялся подойти прямо к Катиному дому, шел по противоположной стороне улицы, втайне надеясь где-нибудь повстречать ее. Прошел уже больше половины деревенской улицы, но не встретил ни только Кати, а и ни одного из знакомых ему парней-одногодков. Обойдя большую лужу и подойдя к качели, устроенной около раскидистой березы, остановился. Напротив был дом бабы Устиньи, где жила Катя. Виктор искал глазами, надеясь увидеть ее где-нибудь близко. Но ни около дома, ни в окнах, ни в огороде Кати не было. Одно из трех окон Катиного дома, выходящих на деревенскую улицу, было открыто. Нижнюю часть его закрывал цветок герани, верхнюю — белая занавеска. Занавеска временами колебалась от ветра, а Виктору казалось, что за занавеской стоит человек, который приподнимает ее, чтобы посмотреть на улицу. Он долго и внимательно всматривался в это окно, наконец, разгадал ошибку.

— Витюха! — услышал он от соседнего дома голос Егора Рачкова. — Чего ты там делаешь? Иди-ка сюда!

Егор заметил маячившую вблизи своего дома фигуру Торопова и, высунувшись в окно, звал его, махая рукой.

Виктор направился к дому Рачковых, думая о том, как объяснит приятелю причину своего появления в их деревне.

Егор сидел у окна и чертил что-то в ученической тетради. Объяснять причину своего появления Виктору не пришлось. Егор опередил его своим рассказом.

— Ветряную мельницу хочу, Витюха, построить, — начал он сразу же, как только Виктор появился в дверях. — Мельница вроде игрушечной, а делать будет большие дела. Она нам очень пригодится в хозяйстве.

— Для чего это?

— А вот для чего. Слушай-ка. Сейчас при помоле зерна каждый раз приходится гарнцевый сбор платить, да еще и очереди своей на мельнице дожидаться. Будет мельница своя, сам свое

зерно перемалывать буду. Мельница будет способна и на крупу зерно разделявать. Стоит только поменять жернова. Сейчас ячмень на крупу мелем ручным способом, деревянными жерновами, подбитыми чугунными пластинами. Пробовал, наверно? Знаешь, как руки болят? После такой работы и кашу есть не захочешь. А построю мельницу, всю работу будет делать ветер. Посмотри, что хочу соорудить.

И Рачков протянул Виктору тетрадку, объясняя, как будут монтироваться крылья мельницы, где будет сцепление вала с жерновами и другие детали.

— И еще есть у меня задумка, — продолжал Рачков. — Хочу, Витюха, где-нибудь динамо-машину небольшую добыть, прилажу ее к мельнице, и будет у Рачковых в избе электрическая лампочка гореть. Это план электрификации в масштабе одного крестьянского хозяйства. Неплохо для крестьянина-середняка? Здорово придумал?

Виктор с интересом просматривал самодеятельный проект ветряного двигателя и удивлялся изобретательности своего друга. Он верил в реальность постройки такого двигателя и не сомневался, что сооружение его будет Егору по плечу.

— Не ходил еще за грибами? — спросил Рачков.

— Нет, не ходил. И не знаю, есть ли они еще.

— Есть. Наши деревенские давно таскают маслята. Приносят и подберезовики. Белые скоро появиться должны. Мы с тобой, Витюха, разика два в этом году за малиной ходим. Малины, говорят, много будет.

— Еще рано.

— Мы попозднее. А сейчас девчонки просят сходить с ними за земляничкой на дальний выруб, за Халезево. Одни-то идти туда бояться. Пойдешь с нами? Фроську возьмем. Еще двух-трех девчонок. Катю твою прихватим.

У Виктора замерло сердце. Когда он услышал о Кате.

— Почему мою?

— Не притворяйся, Витюха. Все знают, что ты за Катей ухаживаешь. Спроси любую девчонку. Тебя даже лупить за нее собираются.

— Кто лупить собирается?

— Федька Сарычев со своей компанией. Он насчет Кати серьезные намерения имеет. Сватов хочет засылать в Горинское, где отец с матерью у Кати живут.

— Чего он Катю-то не спросит? Как сама Катя к этому относится? — бледнея и чуть владея собой, спросил Виктор.

— Что Катя? Катя на тебя посматривает, — усмехнулся Егор. — Наша Фроська с ней дружит. Она ее душу знает. Никогда, говорит, я за Федьку Сарычева замуж не выйду. Да и отец меня к этому неволить не будет. Я, говорит, в Витьку Торопова влюблена.

— Так и сказала?

Егор засмеялся.

— Нет, она этого не говорила. Какая же тебе девчонка такое скажет? Никогда не скажут даже подруге. Это так только понимать надо. А насчет Федьки Сарычева, так он об этом догадывается. Мне, говорит, море по колено. Все равно, говорит. Катюшка моя будет. Каждое воскресенье у Сарычева в доме пьянка. Самогон гонят и пьянствуют напропалую, а вечером Федька со своими собутыльниками на улицу выходят и на всю деревню песни горланят. Вот их любимая песенка:

Наша маленькая шаечка, гуляй-гуляй-гуляй!

Нашу маленькую шаечку никто не задевай!

— А про меня, когда он говорил?

— Не раз грозился. Я, говорит, его все равно убью, чтобы поперек дороги моей не стоял. В пьяном виде, конечно. Перчатка у него свинцовая есть. И перчатку показывал. Отец его тоже на тебя зуб имеет.

— Черт с ними. Пусть Федька поменьше болтает. Не боюсь я его.

— Ну его, пьяного болтуна. Какое же твое последнее слово, Витюха, пойдешь с нами за земляникой?

— Пойду. Только вы предупредите накануне, чтобы мог собраться.

— Вон и твоя красавица к колодцу подошла, — подтолкнул Егор Виктора, увидев у колодца Катю, спускающую в деревянный сруб привязанную к цепи бадью.

Виктор выглянул в окно и тоже увидел Катю.

— Я пошел, — сказал он и выбежал на улицу.

Катя уже наливала воду в ведра, когда Виктор подошел к ней. Неожиданно увидев около себя Виктора, она с удивлением посмотрела на него, почувствовала, что краснеет, и, чтобы спрятать смущение, отвернулась и стала поправлять ведра.

— Здравствуйте, Катя! Наконец-то поймал вас.

— Здравствуйте, Виктор Васильевич, — уронила Катя, цепляя на коромысла ведра. — Зачем приходили?

— Подождите поднимать ведра, разговор есть. Приходил я к Рачкову договариваться, чтобы вместе идти за земляницей под Халезево, — выдал он чужую идею за свою. — Собирается и Фрося. Пойдете с нами?

— Ягода еще не совсем поспела. Вчера ходила в поле, видела.

— Мы договорились пойти через недельку. К тому времени на открытых местах она вся дозреет. Пойдете?

— А Фрося пойдет?

— Пойдет.

— Правду говорите?

— Истинный бог, пойдет.

— Вы же неверующий?

— Это я по привычке. Ну, как же, пойдете Катя?

— Пойду, — твердо сказала она, стараясь не смотреть на Виктора.

— Значит, договорились. Давайте я помогу, — он поднял коромыслами ведра на свое плечо и понес их к Катиному дому. Катя шла сзади.

— Зачем это вы делаете? Я бы и сама могла их донести, — высказала она какую-то досаду, когда Виктор, сняв ведра, поставил их на крыльцо Катиного дома.

— Что у меня, плечо отсохнет?

— Я не потому. Здесь же кругом люди посторонние. Разговоры пойдут всякие.

— Простите, не учел. Я просто хотел услужить вам.

— Мне, Витя, домой пора.

— Побудьте со мной еще немножечко.

— Не могу, Витя.

— Тогда до свидания. Помните, Катя, о чем договорились.

Она улыбнулась. А он помахал ей рукой и зашагал по деревенской улице.

Глава тридцать пятая

Летом Виктор не один раз ходил в лес с ребятами. Собирали землянику и малину. Пропадали в лесу до вечера. Девушки держались все вместе, а парни уходили от них далеко в поисках обильной ягоды, после сходились и сравнивали, кто и сколько набрал. Во второй половине дня, когда солнышко скатывалось к горизонту, и на выруб ложилась тень, все вместе возвращались домой. И никто не чувствовал усталости. По дороге шутили, рассказывали разные небылицы.

Виктор старался не уходить далеко от Кати. Какая-то сила постоянно его привязывала к ней. Если не было рядом Кати, он скучал. Образ Кати преследовал его всюду. Он приходил с ароматами полевых трав, запахами соснового бора и особенно, когда срывал полевую фиалку. Почему-то запах фиалки постоянно напоминал ему эту девушку. Еще не было случая, чтобы они оставались вдвоем, а Виктору отчаянно хотелось быть с ней с глазу на глаз. Ему хотелось положить свою голову на ее колени и слушать, без конца слушать незатейливые ее рассказы о жизни, о ее мечте, о том, чем она больше всего дорожит, хотелось в ее словах и глазах видеть то общее, что роднит их.

В конце августа, в один из субботних вечеров, в Народном доме был вечер танцев. После танцев Виктор пошел провожать Катю. До Катиной деревни шли большой компанией.

Августовские ночи бывают темными, а в тот вечер луна светила в полную силу и ее огромный шар, поднявшись в летнее небо, щедро заливал светом все, что лежало на поверхности земли, отчего все земные предметы и, особенно, деревья, изгороди, дома и кустарники становились от этого сказочными.

Когда в полночи ватага высыпала из полутемного, освещенного слабыми керосиновыми лампами Народного дома, и вышла на дорогу к деревне Взглядово, взорам их представилось, как на ленте немого кинематографа, сначала залитая лунным светом белая церковь, затем приземистые домики, колодцы с вздыбленными вверх журавлями, за селом — полосы поспевающей ржи

и узкая тропинка во ржи. По дороге рассказывали разные смешные истории. Было так весело, что и не заметили, как дошли до деревни. В деревне расходились. Одни из ватаги уходили домой, другие останавливались около изб, кое-кто присаживался на скамьи под окнами, продолжая начатый в пути разговор.

Виктор с Катей поравнялись с ее домом. Подошли к свисающему над низким палисадником кусту акации и остановились. Виктор видел, что Катя не торопится оставить его одного. Присели на скамейку. С противоположной стороны улицы слышны были взрывы громкого смеха. Потом кто-то попробовал там запеть. Вверху над гуляками открылось окно, и стали совестить не в меру разгулявшихся полуночников.

— Витя, посиди немного, а я сбегаю предупредить бабушку, что вернулась с танцев, чтобы она не беспокоилась,— сказала Катя, и, сказав это, оставила Виктора, быстро вбежав на крыльцо своего дома.

Виктор понял, что Катя, с которой он никак не хотел сейчас расстаться, сама не расположена уходить. Трудно передать то состояние, что нахлынуло на него в ту минуту. Сердце учащенно билось и, казалось, что владеет им такая радость, которой и конца не будет.

— Все! Теперь мы можем с вами хоть на край света, до самого утра можем гулять! — с каким-то необычайным восторгом, вернувшись обратно, сказала Катя. После подошла к Виктору и смело взяла за руку.

— Здесь будем сидеть или куда-нибудь пойдем?

— Пойдем куда-нибудь, — отвечал Виктор, не имея решительно никакого представления о том, куда они пойдут. Потом вдруг озарило: — Пойдем, знаете куда, горох воровать! Пойдем в чистое поле, заберемся на чужую полосу и набьем полные карманы горохом. Пошли?

— Нельзя чужое брать, — с предостерегающей улыбкой сказала Катя.

— Другое что нельзя, а горох воровать всегда можно. “Репа да горох и сеются для воров”. Слышала такую мудрую пословицу?

— На чужую полосу я не пойду. У моей бабушки есть свой небольшой загончик с горохом, за деревней, с версту отсюда. Пойдемте туда?

— Если не хотите воровать, я не против, пойдем на бабушкину полосу и будем там собирать горох, не боясь, что нас поймают и опозорят на всю деревню.

Договорившись идти за горохом, они направились вдоль деревни на дорогу к Перову, которая шла через поле. Небольшой участок земли бабы Устиньи, на котором та выращивала лен, сажала картофель и сеяла гречиху, был расположен недалеко от реки. Навстречу им шествовала компания изрядно выпивших парней. Чтобы избежать неприятной встречи, Виктор сошел с дороги и повел Катю вдоль фасадов домов по другой стороне улицы. Двое из компании, заметив их, остановились и стали всматриваться в их сторону.

— Не узнаете, Катя, кто это там так внимательно нас рассматривает? — спросил Виктор.

— Почему не узнать, узнала. Это Федюшка Сарычев с Сенькой Шубиным, — безразлично ответила Катя и добавила. — Не надо останавливаться, пойдете дальше.

Заметив, что Виктор с Катей ускорили шаги, остановившиеся было на дороге парни тоже тронулись, догнали свою компанию и присоединились к ней.

Виктор вспомнил разговор с Рачковым, и встреча с Сарычевым подействовала на него неприятно. Она была совсем некстати. Катя же не придавала ей никакого значения. И как только вышли они на полевую дорогу, схватила Виктора за руку, крикнула: “Побежим!” И во всю мочь пустилась бежать по направлению к реке.

Бежали быстро. Чуть прохладный полевой воздух ночи с запахами спелых трав бил им в лицо, а они бежали, счастливые и довольные тем, что бегут вместе, бегут куда-то туда, все равно куда, главное — вместе!

— Здесь поворот на межу, — не добегая до реки, задыхаясь от быстрого бега, проговорила Катя. — Дальше надо идти межой.

Межа между узкими полосками крестьянских посевов то льна, то гречихи, то ржи, заросла высокой травой. Трава путалась и цеплялась за ноги. На нее уже пала ночная роса.

— Вы не промочите свои башмаки? — спросил Виктор.

— Нет.

— Хорошо бы нарвать букет васильков.

— Ради бога, только не это, — запротестовала Катя. — Узнают хозяйева, кто топтал рожь, будут неприятности. Пошли дальше. Здесь совсем близко и наш горох. Вон, видите? — показала она на зеленый квадрат.

Еще минута и они уже сидели в высоких зарослях, переплетенных между собой стеблями гороха, разбирая руками гороховую тину и выбирая из нее полные, начавшие уже буреть стручки. С неба по-прежнему лились потоки лунного света.

Как хорошо здесь, — думал Виктор, поглядывая на собиравшую недалеко от него горох Катю. — Почему она так доверчива? — спрашивал он себя. — Верит мне. Знаю точно, что с другим бы она ночью пойти сюда не решилась.

Катя, перебирая гороховую тину, была замкнута в себе и тоже о чем-то думала.

— Довольно, всего с собой не заберешь, — наконец громко сказал он, набив стручками карманы. — Куда теперь пойдем?

— Пойдемте к реке. Там сейчас очень красиво.

— Гениальная мысль! В такую ночь — и к реке. Чудесно придумано!

Они выбрались из ржаного поля и минут через пять были уже у реки.

Озаренная лунным светом река спала. Ни один звук не тревожил ее в этот час. Там, где в жаркий солнечный день кипела жизнь, без конца сновали стрекозы, присаживаясь отдыхать на зеленые листья водорослей, где возле берега всегда бродили кулики и, пролетая мимо, купались в чистой воде ласточки, сейчас все онемело. Зеркало воды, как мертвое. На спокойной глади воды лежат уже не зеленые, а темные, почти черные листья водорослей. А у берега, как страж, стоит высокий осочник, и, казалось, что это был какой-то союз тишины, кем-то заколдованный мир.

Спала не только река. В тот час спало все вокруг нее: спали кусты ольховника, спало ржаное поле, кажется, спало и небо как-ким-то прозрачным и светлым сном. Только на броде, где пологий берег, по которому спускалась к воде полевая дорога, слышалось журчание струй. Это вода обходила мели и билась о камни.

Они вплотную подошли к реке, стояли на высоком берегу и молчали. Виктор думал о том, как не похожи августовские ночи на июньские. Тогда не успеешь мигнуть, как уже снова наливаются заря и выплывает из-за горизонта солнце. А ночью до самой зари соловьиные трели. Теперь даже лягушек не слышно. Другие звуки и совсем другие краски. Хороши, конечно, и эти августовские ночи, у каждого времени года есть своя красота, но они предвестники сырой и холодной осени. Уходит лето, надолго уходит. Как жаль, что оно такое короткое... Катя тоже молчала и о чем-то

сосредоточенно думала. И вдруг, совсем неожиданно, побежала по склону берега вниз, к реке, добежала до большого камня, что был рядом с берегом, и забралась на него.

— Идите сюда! — крикнула она Виктору.

Виктор побежал вслед за Катей и задержался у камня. Сейчас он увидел ее какой-то иной, не такой, как привык видеть всегда.

Что такое, на ней новое платье? Он только сейчас заметил на Кате новое платье, сшитое из льняного полотна и украшенное цветной вышивкой. Девушка во весь рост стояла перед ним на камне, и Виктор невольно залюбовался ею. Облегающее ее пропорционально сложенную фигуру платье и полная коса каштановых волос с плетеными в нее алыми лентами как нельзя лучше шли к ней. Виктор вспомнил, как говорила ему Катя однажды про это платье, что сошьет его из сурового полотна, сотканного из ниток, которые зимой своими руками напряла. Значит, сшила. Сшила и не сказала, не спросила — нравится ли мне ее новое платье. Наверно, постеснялась. А платье сделано отлично и с большим вкусом.

— Чего стоите там? Идите скорей сюда! — прервала его размышления Катя.

Виктор последовал ее примеру, забрался на камень, и они устроились сидеть вместе.

— Знаете, о чем я часто думаю, — близко пододвигаясь к Виктору, касаясь его плечом, спросила Катя. — У вас в библиотеке Народного дома картина висит, там девушка у воды. У нее очень грустные глаза, видимо какое-то горе. Я часто вспоминаю эту картину, она у меня из головы не идет.

— Я понимаю, о чем вы говорите. Картина называется “У ому-та”. Художник нарисовал простую крестьянскую девушку с большой душой. Другие нарисуют человека, а в душу его не заглянут. А именно душа, внутренний мир — вот что главное в каждом человеке. Именно это и надо изображать художнику, рисуящему портрет.

— Значит, душа у человека есть? — спросила Катя.

— Души нет. Никто души не видел. Это только так говорят, — менторским тоном ответил Виктор.

Девушка не ответила. Наступила долгая минута молчания, как будто бы все, что они хотели сказать друг другу, было уже сказано. Не было звуков и в природе. Вдруг в реке, недалеко от того места, где сидели они, что-то плеснулось.

— Ой, что это?! — схватилась за Виктора Катя.

— Чего испугались? Оказывается вы трусиха, — обнял девушку Виктор. — Не все сейчас спит в природе. Для хищников, например, ночь самое подходящее время для охоты. Может быть, водяная крыса что-нибудь себе промышляет на завтрак, а, может, и щука плеснула хвостом. Я ваш защитник. Когда вы со мной, ничего не бойтесь.

— Хорошо, не буду бояться. Вы сказали, что души нет, — через минуту вспомнила она неоконченный разговор, — а я думаю, что душа есть у всех. И у людей, и у птиц, и зверей. Только она разная бывает. Вам приходилось видеть, как кошки за своими котятками ухаживают, как с ними играют. Кошкам даже сны снятся. Вы, может, видели, как кошки во сне улыбаются? Думаю, что и у кошек душа есть.

— Хотите гороха? — спросил Виктор, выгружая из карманов стручки. Катя подставила ладони, затем высыпала стручки себе на колени.

— Давайте есть вместе.

Луна перешла зенит. Несколько поубавилось и лунного света, но было еще достаточно светло, чтобы различать предметы на сто шагов и более. По-прежнему луной все еще освещались поля, кусты и река.

— Ответьте мне на один вопрос, — после небольшой паузы, сбросив в реку шелуху от очищенного гороха, попросила девушка. — Если один человек часто думает о другом, то это как-нибудь тому передается?

— Наверняка не могу сказать. Говорят, что есть такая сила, которая действует на расстоянии, называется гипноз.

Катя не была удовлетворена ответом. Она не о гипнозе спрашивала.

— Вам нравится эта ночь? — снова спросила она.

— Очень.

— А у меня от красоты такой даже дух захватывает.

Виктор что-то хотел сказать.

— Послушайте меня. Сейчас не только мы с вами, а много, множество людей любят эту красоту. Но люди о многом быстро забывают, конечно, забудут и об этой ночи. Но может случиться на земле человек, для которого эта ночь не пройдет даром, который всю жизнь будет помнить о ней. Как думаете?

— Возможно, будут и такие, — согласился Виктор, подумав, что и сам он вряд ли забудет про эту ночь, но почему-то постеснялся признаться в этом. — Я достану лилию, — увидев недалеко от берега белый цветок, неожиданно сказал он.

— Здесь глубоко. Утоните.

— Я сейчас! — прыгнув с камня на берег, крикнул Виктор, подбежал к кустам, выволок из кучи весеннего наноса жердь и при ее помощи подтянул к берегу лилию, сорвал ее и торжественно подал Кате.

— Вы хитрый, — засмеялась та. — А я думала, что вы в воду полезете.

— Ради вас я готов не только в воду, а куда угодно, даже на небо залезть, — бравировал Виктор. — Не верите? Сейчас полезу в воду и нарву вам охапку этих цветов!

— Не надо. Умоляю вас.

Катя закрепила лилию в своей косе у красного банта.

В это время за рекой послышалась песня. Пел ее высокий мужской голос. Пел широко и душевно. Человек шел по дороге к реке, и песня его становилась все слышнее.

— Это Шура Иванов поет, — узнал Виктор по голосу своего односельчанина-комсомольца.

— Вот вам и попутчик до дома.

— Мне не нужны никакие попутчики, — резко ответил Виктор. — Я совсем не собираюсь уходить отсюда. Мне сейчас никто не нужен кроме вас. Сидите тихо и ничем не выдавайте себя, он пройдет мимо и не заметит. — Замолчал, немного подумал и как бы про себя сказал: — Интересно знать, куда ходил Шура?

Катя высказала свою догадку:

— Шура ухаживает за кем-то из Перовских девушек. Ходил провожать их до Перова после танцев.

Между тем певец, подойдя к броду, снял сапоги, засучил по колени свои штаны и перешел реку. Выйдя на противоположный берег, он не стал надевать сапоги, а сразу же прошел к кустам ольховника и вырезал там палку. Возвращаясь обратно, он шел по самому срезу воды, по намытой на берегу гальке и не мог не заметить сидящую на камне пару. Всмотревшись, узнал Виктора и немало удивился.

— Ты что, Витюха, здесь делаешь? Я вижу, русалку поймал? — наигрывая удивление, спросил он.

— Русалка, увидев меня, сама вышла из воды и на камне рядом присела, — гордо сказал Виктор. — А где же твои русалки?

— Мои русалки спать отправились. Поздно уже гулять. Пойдем домой?

— Мы еще посидим, Шура.

— Тогда оставайтесь. Загорайте тут на камне до утра, — сказав это, он надел на палку сапоги, закинул их за спину и вышел на дорогу. Минуты через три над полем снова повисла его песня.

— Пора и нам, — после непродолжительного молчания, сказала Катя.

— Куда торопитесь? — Виктору не хотелось расставаться с девушкой. Он чувствовал себя с ней удивительно хорошо. — Мне не хочется уходить. Вижу, что вам тоже здесь нравится. Хорошо быть вдвоем. А могли бы здесь одна остаться?

— Ни за что на свете. Одна бы я, кажется, умерла от страха. Одна я боюсь ночью даже из дома на улицу выйти, а с вами совсем не страшно. Сижу, и мысли разные приходят в голову. Как будто бы все это не настоящее: и река, и поле, и небо. Мне еще никогда не приходилось видеть их такими. Как будто все в сказке. Похоже на сон.

— Многое зависит от настроения. Завтра проснетесь при солнце и увидите все по-другому.

— Верно говорите. Днем, когда работаешь, ничего не замечаешь. Живешь с утра до обеда, а после до ужина. И следующий день такой же. Только и ждешь воскресенья. В воскресенье девушки сходятся, и игры устраиваем, поем, хороводы водим, иногда к вам в село заглянем.

— Теперь я тоже буду ждать воскресенья, чтобы встречаться с вами.

Катя засмеялась. Она не понимала, шутит с ней Виктор или искренне говорит о встречах. Много раз у нее возникало желание увидеть Виктора, много раз тянуло в его село.

— Вы редко бываете у нас во Взглядово, — бросила она.

— Хотите, чтобы я чаще приходил?

На вопрос не ответила. Помолчала немного и поднялась на ноги.

— Помогите мне перебраться на берег. Скоро утро.

Виктор спустился с камня, поднял на руки девушку и перенес на берег. Когда опускал ее на землю, показалось, что Катя немного дольше, чем следовало бы, задержала свои руки на его шее. Оказавшись на земле, она неожиданно повеселела.

— Побежим? — спросила она, заглядывая ему в лицо.

— Побежим! — крикнул Виктор, и, перегоняя друг друга, они бросились бежать к деревне. Полдороги бежали, а затем, взявшись за руки, шли.

Путь недолгий. Поднявшись на крыльцо бабушкиного дома, Катя толкнула ногой дверь. Оказалось, что дверь не заперта. Баба Устинья, выпустив внучку гулять, видимо, забыла запереть ее, полагая, что внучка скоро вернется.

Проводив Катю до дверей дома, Виктор сошел с крыльца, а та почему-то все еще медлила уходить домой, выжидая, смотрела на Виктора, потом вдруг неожиданно сбежала по ступеням и, оказавшись рядом, обняла его за шею:

— Спасибо тебе, Витя, за все, за все! — прошептала она.

— За что? — растерялся Виктор.

— За чудный сегодняшний вечер, за то, что ты такой хороший, — и, поцеловав его в щеку, она скрылась за дверью.

Виктор долго не мог прийти в себя. Только спустя много мгновений, он понял, что с ним произошло. “Катя любит! Любит меня! — чуть не закричал он от радости. — Я сегодня — самый счастливый человек на земле!” Постояв еще немного, он возбужденный вышел на деревенскую улицу и зашагал к селу.

Слепые окна крестьянских домов были скучны и безучастны к его радости. “Все спят, — думал Виктор, — только я один такой полуночник таскаюсь по улице. Сколько сейчас может быть времени? — и услышал, как в каком-то дворе пропел петух. — Дело идет к утру, а завтра воскресенье, в библиотеке будет много работы, а перед этим не мешало бы и выспаться”, — подумал он и ускорил шаги.

Луна с неба куда-то исчезла, а оттого, что помутнело небо, потемнело и на земле. Все окружающие предметы стали казаться теперь иными, вовсе непохожими на то, как выглядели они еще пару часов назад. Около реки на общем сером фоне расплывчато обозначились кусты ольховника, теперь они не были красивыми и казались какими-то странными нагромождениями.

Виктор свернул с дороги на узкую тропинку, перешел по перекидному мостику реку и углубился в заросли. В этих, сплошь закрывающих небо кустах стало совсем темно. Еще пройти три сотни шагов, и он дома. Впереди раздвоенное и низко нависшее над землей дерево. Стал огибать его, и в тот момент услышал сзади себя треск сломанного сучка и чье-то близкое дыхание, хотел оглянуться, узнать, кто там, но в тот же миг сокрушительной

силы удар обрушился на голову. Перед глазами поплыли белые искры... Он сделал три или пять быстрых шагов и, пробежав это расстояние, упал лицом на землю, потеряв сознание.

Когда очнулся, светало. Виктор не знал, сколько времени пролежал на земле в пяти шагах от тропки. И вообще не понимал, что произошло с ним. Попробовал приподняться, но голова закружилась, и, лишь повернувшись на бок, он снова опустился на землю. Правый глаз заливало чем-то клейким. Провел рукой — кровь. Собрал все силы, чтобы сесть, сесть удалось.

Кровь стекала по лицу на подбородок и капала с подбородка на землю. Откуда кровь? Припомнил события. Все замелькало, как в калейдоскопе. Вспомнил, как был на реке с Катей, как возвращался домой, как ударили по голове, как упал. Пощупал рукой голову и попал на что-то сырое и мягкое. Лоскуток кожи с черепа свисал на лоб, прижал к ране, подумал: “Надо завязать”. А завязать нечем. Трава около него была в крови, в крови руки и одежда. Попробовал подняться. Снова все поплыло перед глазами. При помощи стоявшего рядом дерева все же удалось встать на ноги. Голова болела, а впереди кружили какие-то оранжевые пятна. Домой едва добрался. Только взялся за скобу калитки, навстречу — сестра, вышла с ведром доить корову.

— Господи, что это с тобой? — закричала она, увидев залитого кровью брата.

Виктор ничего не мог объяснить, он и сам не знал, почему это случилось.

— Ты же весь в крови! Смотри, и рубашка, и руки.

— Ударил кто-то в кустах...

Она завела его в дом. Быстро нашла чистую тряпку, налила в таз воды и стала смывать кровь.

— А там я трогать не буду. Там что-то страшное, даже кость видно, — указала она на рану. — Надо скорее ехать в Пахтино. Пусть в фельшерском пункте себе сделают перевязку. Подожди, сейчас сбегая к соседу за лошастью.

Через минуту прибежал Шура Иванов. Вернувшись с гулянки, он уже спал, когда пришла к ним Витькина сестра просить для поездки в Пахтино лошадь. От громких голосов, охов да ахов, он проснулся и стал прислушиваться к разговору, вскоре понял, что их комсомольца чуть не убили, оделся и сразу же к Виктору.

— Кто это тебя так угостил?

Виктор рассказал, что произошло с ним в кустах.

— Этим местом я перед тобой проходил и никого не видел.

— Я тоже никого не заметил там сначала, но, видать, поджидали меня.

— Кто же такое сделал, Витюха? Сзади подкралась, как воры.

— Может, Федька Сарычев. Говорят, он меня убить грозился.

— Федька Сарычев трус и трепач, он на такое дело никогда не решится. Да ты не сомневайся, мы обязательно найдем эту вражину.

Виктор поправлял набухшую кровью повязку. Шура посмотрел в окно.

— Вон и Воронка запрягли. Поднимайся, Витюха, в Пахтино я тебя повезу.

Глава тридцать шестая

— Счастливо отделался, молодой человек. Ударили тебя тупым предметом, скользнуло по кости, — назидательно ворчал, осматривая голову Виктора, пахтинский фельдшер Семен Христович.

— Кость-то цела... Если бы кость не была цела, тогда бы вы, молодой человек, ко мне в Пахтино не приехали. Медицина в таких случаях бывает бессильна. Вот так-то. Два раза в неделю будете приходить на перевязку, по четвергам и понедельникам.

Почти весь сентябрь с перевязанной бинтами головой два раза в неделю Виктор ходил в Пахтино. За это время в селе произошли большие перемены. Передав секретарские обязанности Егору Рачкову, уехал учиться на рабфак медицинского института Петруха Голубков. Ездили сдавать экзамены в техническое училище Дима Усачев и Колька Быков. Экзамены сдали успешно, вернулись в село, быстро собрали вещички и ускакали в Рыбинск. Из старой комсомольской гвардии в селе теперь остались только Шура Иванов и Витька Торопов.

Сентябрь выдался дождливый. В первой половине месяца каждый день моросило. От непрерывного дождя раскисли дороги, и народилось много грибов. Грибы старели и погибали.

С отъездом на учебу ребят село как-то сразу опустело. Чтобы отвлечься от скуки, Виктор навалился на работу. За работой все забывалось. Он с головой ушел в дела Народного дома. Затеял инвентаризацию книжного фонда. Проверял наличие книг, проводил сличение наличия с записями, делал выборку невозвращенных книг читателями и рассылал напоминания.

Но работа занимала и отвлекала лишь на время. Выходил на улицу, и снова непроходимая скука наваливалась на плечи. “Уехал бы из ребят кто-нибудь один — все легче было бы, — думал Виктор, — а то сразу трое исчезли. Даже Колька рванул учиться. Остались лишь подростки, но это уже не та компания. Как ни жаль, а правильно сделали ребята, надо выходить им в жизнь. Мне тоже пора из села куда-нибудь выбираться, не век

на одном месте сидеть, заменить по Народному дому найдется кому. — И вдруг мысль: — А Катя? Как же Катя? Теперь мне нельзя уезжать, я к этому месту привязан веревочкой”. И снова посветлело. Зародились новые думы о работе, новые планы.

— Никуда из села не поеду, — твердо решил он. — Закончатся полевые работы, выпадет снег, все взглядовские и подольновские ребята снова здесь будут. Оживет тогда и Народный дом. Наладим работу драматического кружка, литературные вечера будем устраивать, иногда танцы. Жаль только Ванюшка Копейкин уехал, гармониста нет. Надо поискать нового. Скоро укомплектую вторую группу неграмотных, начнутся занятия и с малограмотными.

И опять жизнь вошла в колею. Когда пришла пора убирать картофель, помогал сестре. Помог убрать и лен. Несколько раз ездил в лес заготавливать дрова на зиму.

Менять книги в библиотеку Народного дома в сентябре приходили только школьники. Меняли их два раза в неделю — по субботам и средам.

Пришла среда. И снова в большую школьную перемену, перегоняя друг друга, побежали из школы ученики к Народному дому. Каждый торопился занять очередь, чтобы первому сменить книгу, получить самую лучшую.о:

Прибежали школьники, построились в очередь. Впереди конопатая, с облупившимся носом, признаком летнего загара, девчонка.

— Помнишь номер абонементной карточки?

— Забыла...

— Фамилия как?

— Петрова Нюра из Взглядово.

— Сейчас тебе, Нюра Петрова, найдем самую лучшую книжку. Что любишь читать?

— Сказки.

— Найдем тебе хорошую сказку. — И Виктор направился к стеллажу, где стояли детские книжки. А сзади, как выстрел в спину.

— У нас Катя утонула, — делится новостью девочка.

— Какая Катя?

— Которая у бабы Устиньи жила.

Как будто оборвалось все внутри. Задрожали руки, перехватило дыхание.

— Что ты не дело говоришь? — только и мог выговорить.

— Верно-верно утонула, — наперебой подтверждали ребята. Видимо, новость эта была в школе сегодня злобою дня.

Еле справляясь с собой от волнения, Виктор быстро обменял школьникам книги и сразу же побежал во Взглядово. “Неужели это правда? К кому идти? Кто может рассказать? — одна за другой мелькали в голове мысли. Мигом добежал до деревни. — Пойду к Рачковым, спрошу у Фроси, она-то, наверное, все знает”. Не вбежал, а влетел по лестнице в избу. Фрося дома. Сидит у окна. Глаза красные, заплаканные. Еще и не спросил ничего, как та отвернулась, уткнулась в платок и навзрыд заплакала.

— Фрося, как это случилось?!

Та объяснить ничего не может, плечи трясутся, рыдает.

— Она и сама-то чуть не утонула, — поясняет Фросина мать. — Переезжали они на лодке на ту сторону Кривого озера. А лодка худая была, набрала воды и пошла ко дну. Ефросинья с Анфисой еле выбрались.

— Как они на Кривом оказались?

— Еще в воскресенье договорились по клюкву идти. Сегодня чуть свет и отправились.

— Это же далеко.

— Отсюда верст десять, а то боле будет. Ведь никто же не думал, что такая беда случится.

Чуть успокоившаяся было Фрося опять зарыдала. Видно было, что она до предела возбуждена и сама рассказывать ничего не может.

Виктор помолчал, а после спросил Фросину мать:

— Сколько их в лодке-то было?

— Всего было пятеро. Анфиса, Фрося, Катя да еще цыган с перевозчиком. Утонули двое — Катя и цыган, а те выплыли. Ефросинья наша хорошо плавает, Анфиса тоже ей не уступит.

— Когда в лодку-то вода набралась, — приподняв от платка голову и хлюпая носом, — стала объяснять Фрося, — и лодка стала тонуть, я испугалась до смерти. Выпрыгнула из лодки и поплыла к берегу. Плыву еще и думаю про Катю, как Катя за мной держится, а когда подплыла к берегу, оглянулась посмотреть, где Катя, смотрю, а она, где лодка утонула, там и барахтается, нисколечко не отплыла от того места. Как котенок барахтается... то уйдет под воду, то опять голова ее над водой покажется. Замерло сердце, вижу — Катя тонет! Бросилась в воду, чтобы к Кате поплыть, а Анфиса за мной. Догнала, схватила, тянет к

берегу. “Что ты, глупая, — кричит, — делаешь? Катя под воду ушла, ее все равно не спасешь, сама только потонешь”. Катя плавать не умела, а мы и не знали об этом... — Фрося снова уткнулась в платок и зарыдала.

У Виктора не укладывалось в голове. Он не мог поверить в то, что Кати нет, что она умерла, и, что он больше ее никогда не увидит.

— Прощайте, — сказал он и вышел на улицу.

От Рачковых пошел к избу к бабе Устинье. Там застал и тетку Анфису.

У бабы Устиньи глаза заплаканные, а Анфиса сидит рядом и, видимо, не в первый раз рассказывает о том, как все случилось. Приход Виктора никого не удивил. Отнеслись к нему, как обычно относятся к посторонним людям, приходящим в дом покойника из праздного любопытства. Поздоровался с женщинами. Подсел к столу, сказал, что заходил к Рачковым, чтобы все узнать, но Фрося только плачет и рассказывать ничего не может. Анфиса стала снова повторять все то, что он уже слышал от Фроси.

— Сильно выпимши был перевозчик-то. Что лодка у него протекает, мы заметили сразу, как только отъехали от берега. Катя испугалась сильнее всех. “Дяденька,— кричит, — милый, поверни обратно, не переплывем мы, дырявая лодка у тебя, потонем все”. А тот только смеется, не впервой раз, говорит, вожу, никого еще, слава богу, не потопил. Мы видим, что в лодке воды все больше, кричим: “Поворачивай, ирод, назад к берегу!” А тот как будто не слышит, только на весла жмет. До половины озера не доплыли, точно прорвало где, лодка сразу до краев полная. Тут и стали мы все в воду прыгать.

— В Горинское сообщили? — спросил Виктор.

— К отцу Катиному в Горинское поехать соседа упростила, а вот на озере никого нет. Катю еще не нашли, — пояснила бабушка Устинья.

— Не нашли? — почему-то удивился Виктор.

— Нет, не нашли. Да и цыгана не нашли еще. Искать-то там некому. Помог бы ты, добрый человек, старухе, поехал бы на озеро, да посмотрел, может, уже всплыла девочка-то моя родная. — И старуха залилась слезами.

— Я сейчас туда пойду, — охотно согласился Виктор, — и буду на озере до тех пор, пока не найдем Катю. Дождусь и отца ее из Горинского. Он прямо туда приедет?

— Куда же ему еще ехать, прямо туда и приедет.

Виктор заметил в углу на вешалке за кроватью Катина платье. Это было то самое платье из сурового полотна, вышитое болгарским крестом, в котором последний раз видел ее у реки. Сердце сжалось в комок, не верилось, что нет больше Кати, казалось, что она и сейчас еще здесь, только вышла куда-то ненадолго. Аккуратно заправлена постель, подушки накрыты белой кружевной накидушкой, а на спинке стула висит ее, Катин, головной платок. Она еще сегодня утром умывалась вон у того рукомошника, заправляла, рано поднявшись, постель, бросила на стул платок. Похоже, торопилась очень, некогда было убрать его к месту. Теперь нет ее и никогда не будет... Отогнав от себя все эти вдруг наплывшие мысли. Виктор поднялся с лавки.

— Так я пойду, баба Устинья, туда, на озеро. Вы не беспокойтесь. Дождусь там и отца Катиного.

— Спасибо тебе, добрый человек, не знаю звать-то тебя как?

— Виктор, — подсказал он.

— Спасибо тебе, Виктор. Ты из села что ли?

— Да. Сельский я.

— Вот сказал имя-то, теперь и припомнила. Ведь говорила мне про тебя Катя, не раз поминала.

Простившись с бабой Устиньей и Анфисой, Виктор через пятнадцать минут был уже дома. Он предупредил сестру, что уйдет надолго, взял на дорогу хлеба и, надеясь до вечера во что бы то ни стало добраться до места, направился пешком к Кривому озеру.

Было бы лишним рассказывать о том, как он шел к озеру и о чем думал дорогой. Мысли одна сменяла другую. То видел Катю живой и веселой, то мертвой. В груди нес не сердце, а огромную кровоточащую рану.

Полевая дорога проходила мимо той части озера, где поблизости был перевоз. От дороги протоптана довольно торная тропка, тропка подвела прямо к берегу, здесь она ступенями спускалась вниз. В этом месте был примят и камыш. “Именно здесь пристаёт лодка”, — подумал Виктор, увидев все эти признаки лодочного перевоза.

Озеро было неширокое, может быть, не более четырехсот метров в ширину, но длинное, стороны его изгибались серпом и уходили куда-то далеко, скрываясь в лугах. Заметно было, что сразу же за озером начиналось торфяное болото, заросшее мелким сосняком. Там, видимо, и собиралась Катя со своими подругами собирать клюкву.

Вышел Виктор к озеру в конце дня. Заметно темнело. Ведь день дул холодный северный ветер, и на озере ходили седые гребни волн. Какой-то мужик в уютной лодчонке, с длинным-предлинным багром в руках сновал по воле, забрасывая свой багор то в одну, то в другую стороны. На берегу тлел костер. Постояв у воды, Виктор подошел к огню. Около костра, подперев руками седую голову, сидела старая цыганка и отсутствующими глазами смотрела на остывающие, успевшие уже покрыться серым пеплом угли. Рядом, у юбки старухи, на корточках сидел цыганенок, мальчик лет семи, видимо, внучонок старухи.

Старуха, казалось, не замечала ничего: ни костра, ни внука, сидящего с ней рядом, ни подошедшего к костру нового незнакомого ей человека.

Чтобы убедиться, точно ли к тому месту пришел, Виктор спросил у цыганки:

— Здесь ли перевоз на ту сторону озера и где перевозчик?

— Вон он окаянный убивец, там, — словно очнувшись от сна, махнула рукой старуха в сторону озера. — Убил Григория моего... Двоих убил... — Сказав это, старуха опустила голову и снова стала смотреть на угасающие в костре угли.

Виктор понял, что человек, плавающий с багром по озеру, и есть тот самый перевозчик, который перевозил ягольников, и по вине которого погибли люди. Он сложил рупором ладони и стал звать лодочника, чтобы тот плыл к берегу.

— Эгей-гей! Подворачивай сюда! — кричал Виктор.

Лодочник услышал зов, и вскоре его плоскодонная лодка, шлепая дном о набегающие волны, подплыла к берегу и уткнулась носом в камыши недалеко от того места, где спускалась к воде тропка. Из лодки вышел лохматый человек в брезентовой куртке и бегающими по сторонам глазами. На вид ему можно было дать лет сорок-сорок пять, не более.

— Не нашли? — спросил Виктор, наперед зная, что ничего не нашли, но почему-то именно этот вопрос, обращенный к виновнику смерти двух человек, казался ему в тот момент самым подходящим.

— С утра по озеру багром шарю и все зря. Не могу найти ни Григория, ни девки.

Словно кто хлыстом стегнул по лицу Виктора, так принял он случайно брошенное мужиком слово “девки”, которое применил тот по отношению к Кате. Цыгана, видимо, перевозчик

знал и потому почтительно назвал его Григорием. А Катя, она для него незамужняя, или просто девка, как часто называют в деревне. Таких много. Утопил и даже не знает имени человека.

— Надоть думать, сами скоро всплывут, — почесав лохматую голову, заключил перевозчик.

— “Надоть думать”, — передразнил Виктор. — Если есть, чем думать, то думать надо было раньше! Давай сюда весла! — Он выхватил из рук перевозчика весла и запрыгнул в лодку. Оттолкнувшись от берега, поплыл.

Набегали резкие порывы ветра, плоскодонка сильно качалась, а Виктор плыл, забрасывая в стороны багор, и искал то, что поглотило озеро сегодня утром. Искал он у подступавших к берегу густых камышовых зарослей. Делал это методично, медленно продвигаясь вдоль берега и внимательно всматриваясь в воду. Искал у самых корней. Сомнительные места тщательно прогребал багром. Проплыв с полкилометра, он пересек озеро и также тщательно проверил камышовые заросли на противоположной его стороне. Все поиски были безрезультатны. Остаться на озере уже не имело смысла, так как потемнело, еле различались предметы. Спускалась ночь.

Вернувшись на берег, Виктор подошел к костру.

— Позови завтра из деревни рыбаков с сетями, — сказал он перевозчику, возвращая весла. — Багром мы ничего здесь не найдем.

— С самого утра приведу, — услужливо, словно заискивая перед Виктором, ответил тот.

Виктор отошел в сторону, смотрел на огонь и молчал.

— Я, пожалуй, в деревню пойду. Делать мне в эту пору здесь нечего, — вдруг спросил перевозчик.

— Иди. Никто тебя не держит.

Перевозчик ушел, а Виктор с цыганкой остались на ночь у костра. Костер горел большим пламенем. Виктор заметил, что пока он был на озере, перевозчик не сидел, сложа руки, запасся топливом, натаскал к костру из леса много сучьев и сухого валежника. Старая цыганка по-прежнему, как и два часа назад, неподвижно сидела у костра и смотрела в одну точку. Кто знает, какие мысли в то время роились в ее голове. Цыганенок, свернувшись калачиком и подставив огню колени, теперь уже спал. Пламя полыхало всюю, все более охватывая недавно подброшенные в костер дрова. С треском отскакивали от горящих сосновых сучков красные угольки и, едва вылетев из костра, падали тут же на землю.

— Сгорит мальчонка. Загорится одежда, ожоги будут, — сказал Виктор старухе.

Старуха растолкала цыганенка и что-то объяснила ему по-цыгански, видимо, велела лечь подальше от огня. Мальчишка, не открывая глаз, отодвинулся от костра и продолжал спать.

При ярком свете разгоревшегося костра потемнело вокруг. Скрылись во тьме и луга, и лес.

Пережитая весть о смерти Кати, множество дневных впечатлений, крайнее нервное напряжение, владевшее Виктором, весь этот день ослабили его организм, теперь на смену пришла какая-то внутренняя опустошенность и слабость. Ничего не хотелось делать, не хотелось даже думать. Он еще некоторое время постоял у костра, потом без цели побрел, сам не зная, зачем и куда идет.

Вышел на луг. Шел, путаясь в высокой луговой траве, вглядываясь во тьму. Услышал, как над головой пронесся какой-то свистящий шум, понял — это на озеро возвращаются жировавшие на полях утки. Самих уток не было видно, только слышно было, как они крыльями рассекают ночной воздух и, подлетев к озеру, падают в воду. Слышны были всплески воды от падающих в озеро утиных тел. В камышах закричала гагара, кричала долго и заунывно, точно плакала. Неприятен был этот призывный крик болотной птицы. Но ни ночной пейзаж, ни ночные звуки, ни луговая трава, что так отчаянно опутывала ноги и мешала движению, ничто не могло отвлечь его от осознанной утраты. Образ Кати вновь и вновь вставал перед глазами. Вспоминал Виктор свои встречи в ней, ее слова и разные поступки.

“Как странно устроена природа, которая обрекает каждого человека со дня его рождения на смерть,— думал он.— И зачем тогда жить, если так просто умереть? Если смерть всегда стоит за твоими плечами и каждую минуту может отнять у тебя жизнь?”

Невыносимая тоска по Кате, которая оказалась бессильной перед роком судьбы, которая не могла отстоять себя в борьбе за жизнь, вновь овладела им. Вставало перед ним то улыбающееся, то печальное ее лицо. Закрыв глаза, чтобы лучше видеть, а та вышла из темноты и идет к нему, берет за руку, как там, у гороха, лицо сияет, весело зовет:

— Бежим!

— Куда бежать?

— Туда, к пределу, где нет смерти!

Открыл глаза. Что это со мной? Зачем поддаюсь настроению, зачем нанизываю одну мысль на другую, так можно и с ума сойти. Пошел к костру, к людям.

Костер снова прогорел. Старуха, как и прежде, сидела, уставив глаза в горячие угли. Виктор заметил, что ни цыганка, ни внук ее за то время, пока он ходил, не тронулись с места.

“Ночь холодная, погаснет огонь, совсем замерзнет мальчишка, да и старухе несладко будет здесь на берегу”, — подумал Виктор и стал подбрасывать в потухающие угли дрова. Подумал о том, как сам устроится на ночь, припомнил, как еще мальчишкой с братом ночевал в лесу после охоты. Тогда сказал брат: “Давай разведем костер, согреем землю, а после уберем горячие угли и головешки, положим на это место побольше травы и, знаешь, как тепло будет”. Тогда так и сделали. Спали, как на теплой печке. Припомнил, что, когда шел к озеру, видел на берегу стог накошенной осоки, пошел искать его и вскоре обнаружил не так далеко от костра. Подумал: “Надо привести цыганенка, зароемся с ним в сено, будет обоим тепло”.

Побродив немного, он снова вернулся к костру, потряс за плечо старуху. Та, выйдя из дремотного состояния, с испугом посмотрела ему в глаза, не понимая, где она и что с ней.

— Мальчишку пошли спать туда, в сено... — сказал он, и показал на видневшийся в темноте контур наметанного стога. После хотел взять за руку мальчика, но тот с силой оттолкнул его, отполз и прижался к коленям старухи. Старуха, видимо, поняла, чего хотел Виктор, что-то по-цыгански сказала внуку, после тот доверчиво поднялся и послушно пошел за ним.

Раздергав стог, Виктор устроил для мальчика постель, уложил его и сам лег рядом. Но сон не шел. Лежал он с открытыми глазами и думал о событиях дня. От воспоминаний щемило сердце. На минуту забывался, но тут же просыпался вновь. Потом послышалось, что кто-то стонет. Понял, что у костра стонет старуха. Так долго копившееся горе, наконец, прорвалось. “Кто ей Григорий? — думал Виктор. — Наверное, муж. Жили до глубокой старости вместе, и вдруг он ушел, осталась теперь одна. Пусть поплачет, проплачется, все легче будет”.

Виктор поднялся и пошел к костру.

Старуха теперь уже не стонала, а выла, выла громко, ухватившись обеими руками за седые космы волос.

Чуть постояв и подбросив в костер дров, Виктор вновь

вернулся на свое место. Лег, но сон не шел и на этот раз. То засыпал, то через минуту вновь просыпался и слышал, как кричали на озере утки и выла старуха.

С рассветом на паре лодок приплыли из деревни рыбаки с сетями.

Прогнав сонливость, которая стала овладевать только к утру, он подошел к берегу и стал наблюдать за работой прибывших на озеро людей.

Сначала сети протащили на той стороне. Через поднявшийся над озером редкий туман видно было, что в сетях пусто. После рыбаки стали продвигаться к середине. Еще сделали два захода, начали третий, и вдруг крикнул кто-то из сидящих в одной из лодок:

— Подворачивай к берегу, что-то попало!

— Женщина! — потом сказал кто-то, всматриваясь в воду в том месте, где тащились сети.

С берега не только хорошо видно было, что делалось на озере, но отчетливо был слышен и весь разговор сидящих в лодках людей.

Когда Виктор услышал, что в сети попала женщина, понял все и стал отходить от берега, боясь увидеть своими глазами то, что будут вынимать из сетей, хотя наперед знал, что все равно увидит и очень скоро увидит, что теперь стало с ней.

Между тем, рыбаки, подтянув сети, что-то вынесли на берег. Слышен был и разговор: “Жалко девицу... Красивая... Откудова она, не знаешь?” — спросил один из рыбаков. “Надоть думать издалека. Вон брат ейный там”, — махнул рукой в сторону Виктора перевозчик.

Оставив на берегу труп, рыбаки сели в лодки и вновь заплескались веслами.

Постояв в стороне ровно столько, сколько необходимо было, чтобы взять себя в руки, Виктор, наконец, решился подойти к тому, что было оставлено на берегу рыбаками.

Первое, что увидел — ноги, белые, словно выточенные из слоновой кости, и выше колен сбившаяся на ногах мокрая юбка, затем глаза, чуть приподнятую верхнюю губу и выдающийся немного вперед зуб. Лицо ее было отчужденно и спокойно.

Виктор решил, что ему теперь что-то надо предпринимать, что-то надо делать и почему-то раньше всего стал поправлять у девушки юбку, словно это было самое главное из всех дел, которые предстояло сейчас делать. В следующий момент заметил

водоросли и озерную тину, поднятые сетями со дна озера, в беспорядке опутавшие ноги и клочьями лежащие поверх платья. Стал убирать их.

В то время на озере закричали, что нашли Григория.

Старуха побежала к копне, резкими движениями схватила за руку проснувшегося мальчишку и потащила к причалу.

Григория почему-то не стали выносить на берег, а, освободив от сетей, лишь уложили в лодку. Другая лодка подвернула к берегу, в нее сели старуха и мальчик. Затем пловцы вывели лодки на середину озера и поплыли в деревню.

Я не буду рассказывать о том, как, оставшись один с трупом Кати, Виктор провел на берегу озера день и всю следующую ночь. Отец ее приехал только утром. Почти сутки добирался он от Горинского, останавливаясь в пути лишь для того, чтобы покормить лошадь. Не буду рассказывать и об их встрече. Встреча была, как в тумане. Скажу лишь, что Виктор помог Катиному отцу уложить утопленницу в телегу. После отпряг лошадь, решив дать ей перед обратной дорогой многочасовой отдых.

Виктор не стал дожидаться. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Да и обратно им было не по пути. Он простился и, с болью посмотрев еще раз на то, что лежало в телеге, покрытое рогожей, побрел домой.

Глава тридцать седьмая

Хоть и больше суток ничего не брал в рот, но, возвратившись с озера, Виктор отказался от обеда и тут же слег в постель. К вечеру поднялась температура. Всю ночь метался в жару, временами бредил, ругал лодочника, кого-то уговаривал не плакать, а сам стонал, стонал мучительно.

Клава в ту ночь не смыкала глаз, прикладывала к воспаленной голове брата смоченные холодным уксусом примочки и подавала пить.

Утром температура спала, прекратился бред, но появились в груди какие-то странные хрипы. В середине дня вновь поднялась температура, больной стал задыхаться от душившей его и плохо отхаркивающейся мокроты. На третий день улучшения не наступило. Послали в Пахтино за фельдшером.

Приехал Семен Христофорович. Из-под нависших над глазами седых бровей хмуро посмотрел на больного и узнал в нем недавнего своего пациента.

— Что это вы, молодой человек, к лекарю зачастили? То с пробитой головой ко мне являетесь, а теперь какую-то лихоманку подцепили.

— Заболел я очень, Семен Христофорович. Сам не знаю чем.

— Вижу, что заболел. К здоровым людям меня не вызывают. Ну-ка, что там у вас, молодой человек, повернитесь-ка на спину, я послушаю. — Внимательно прослушав больного, фельдшер сказал: — Гм... Воспаление легких подцепили. Крупозное. Экий вы, братец, неудачник. С постели не вставать. Компрессы вам будут делать, горчичники. Микстуру пропишу для отхаркивания мокроты, аспирин. Поняли? Будете все делать, как сказал, недельки через три поправитесь. Сердце хорошее. С болезнью вполне справитесь. Не послушаетесь старика, будете по-своему делать, помрете. А вы за ним присматривайте, — обратился он к сестре. — Не давайте своевольничать, парень-то не очень надежный, почувствует себя немного лучше и убежит с постели, а это делать нельзя в его положении ни под каким видом.

По случаю болезни заведующего, Народный дом в селе временно закрыли. Ключи от библиотеки взяла к себе Серафима Никаноровна. В установленные дни во время большой школьной перемены она приходила в библиотеку и обменивала школьникам книги.

Сестра Виктора все это время строго следила за выполнением прописанных больному лечебных процедур.

Рекомендация медицины оказала свое действие, через несколько дней острый воспалительный процесс в легких стал затухать и температура спала.

Оставаясь наедине с самим собой, Виктор часто думал о прожитом. В голове возникали то одни, то другие воспоминания его не очень-то продолжительной жизни. Думал о новом. О том, что пришло в последние годы в село.

Только шесть лет прошло со времени революции, а сколько замечательных дел проведено в жизнь! Нет теперь частной собственности на землю, а практически земля есть у каждого, все батраки и малоземельные крестьяне получили ее. Женщины уравниены в правах с мужчинами. Ликвидируется неграмотность и малограмотность, широко открылись для народа двери школ, созданы народные дома, библиотеки-читальни. А кооперативный план Ленина! А идея электрификации России!

После замены продразверстки продовольственным налогом деревню не узнать. Крепнет и набирает силу потребительская и сельскохозяйственная кооперация. Теперь они успешно конкурируют с частником. Крестьяне через кооперацию сбывают свою продукцию и покупают сельскохозяйственные машины. Кооперация стала большой силой и в городе. О ней пишут стихи поэты. “Нигде кроме, как в Моссельпроме!” И в деревне, и в городе теперь жить стало значительно лучше. Деньги свободные появились у людей. “Кто куда. А я в сберкассе!” – кричат на улицах плакаты.

Нигде нет сейчас такого бурного прогресса, как у нас. За короткое время наша страна станет самой передовой и самой богатой страной в мире. То, что происходит у нас, отличный пример для пролетариев и земледельцев других стран мира. За нами потянутся. В Германии уже началась революция.

А я что сделал для революции? Где мое место во всех этих делах, думает Виктор. Кто я такой? Может, чиновник наркомата просвещения, исправно исполняющий свою должность и только?

Нет! Тысячу раз нет! Революция продолжается, я активный ее боец и веду борьбу за новую жизнь. Виктор вспомнил, как говорил в свое время тетке, защищая свое решение работать в политпросвете, что он большой толкач, что вместе с другими комсомольцами толкает деревню к новой жизни, вспомнил и улыбнулся своей находчивости, подумав при этом: “Хоть и неуклюжее, но, в общем-то, правильное я дал тогда определение”. Будоражим мы, комсомольцы, деревню, распространяем идеи, книги и знания. Все, что приходит нового в деревню, — наша заслуга. погоди! Стоп. Не торопись с выводами. Только ли наша? Никольскую коммуну организовали в восемнадцатом. Когда еще мы, теперешние комсомольцы, кулаками носы свои вытирали. А сельскохозяйственное товарищество? Опять же обошлось без нашего участия. Нашлись инициативные люди кроме нас, подхватили идею и провели в жизнь.

Школа, пункты ликбеза, учителя, особенно Серафима Никаноровна, — разве они мало делают, разве они не проводники нового? Много на себя берешь, парень. Не только ты один толкач. Есть толкачи и поболее тебя.

Так думал Виктор, оценивая роль комсомольцев в перестройке деревни.

Лежать выздоравливающему на постели, поворачиваться день-деньской с боку на бок было скучно. Задумывался о будущем, строил разные планы. Решил больше читать. Попросил сестру принести из библиотеки “Севастопольские рассказы” Толстого и что-нибудь Диккенса.

Проведать больного иногда забегал Шура Иванов, рассказывал, что нового у комсомольцев.

О Кате старался не вспоминать. Свежие раны, только что отложившиеся в памяти впечатления, глубоко волновали, заставляли вновь переживать уже раз пережитое.

Как-то зашел Рачков. Принес новость. В следующее воскресенье в селе откроется выставка молочного скота. Правление сельскохозяйственного кооператива решило оценить и записать в племенные книги всех коров и быков ярославской породы. На выставку должны приехать из Горска зоотехники и ветеринарные врачи.

— И опять без нас обходятся, — подумал Виктор.

Егор перебил мысль, спросил:

— Давно снял повязку с головы?

- Недели три, как сбросил.
- Смотри, какой рубец остался. Теперь его всю жизнь носить будешь.
- Буду ходить, как шашкой рубленый, – засмеялся Виктор.
- Так до сих пор и не знаешь, Витюха, кто тогда тебя в кустах угостил?
- Думаю на Сарычева. Помнишь, ты сам тогда говорил, что Федька на меня грозился из-за Кати? Убить хотел.
- Нет, Витюха, это не он тебя ударил. Федька в ту ночь с друзьями до утра пьянствовал. И свидетели на то есть. Я точно проверил. Он знает, что ты его подозреваешь, на днях сам приходил объяснять. Не бил я, говорит, Торопова. Даже мыслей таких в голове не держал. Болтал, говорит, я с пьяных глаз. Сарычев любви к тебе особенной не питает, но сдается мне, что под марку Сарычева кто-то другой тебя стеганул.
- За что?
- За безбожную выставку, за газету “Безбожник”, а может быть и за что-нибудь другое.
- Возможно... Можно и это предполагать.
- Ребята помолчали. После Егор что-то вспомнил.
- А я к тебе по делу пришел. Хочу просить, дозвожь мне похозяйничать без тебя в Народном доме в следующее воскресенье. В воскресенье, после выводки скота, собрание пайщиков сельскохозяйственной кооперации собирают. Племенные свидетельства будут вручать и награды разные. Надо Народный дом к этому подготовить.
- Спасибо тебе, Егор.
- Ты еще долго болеть собираешься?
- Через недельку поднимусь. Такой срок мне медицина назначила.
- Пока лежишь, Витька, почитай пьесы. Подбери что-нибудь хорошее. Хлеба теперь все обмолочены, картофель выкопан, можно и за репетиции приниматься. Драмкружковцы скучают от безделья. Поднимешься с постели, будем спектакль готовить.

Глава тридцать восьмая

Оправившись после болезни, Виктор снова увлекся работой. Принимал приезжавших по путевкам Уполитпросвета лекторов, устраивал в Народном доме их лекции.

Лекции читали на самые разнообразные темы. Были лекции по земледелию, животноводству, были медицинские и естественнонаучные. Каждая лекция сопровождалась показом диапозитивов, диаграмм или плакатов. Когда демонстрировали диапозитивы, на стену натягивали простыню, заменяющую экран. Против экрана устанавливали волшебный фонарь со спиртовой горелкой. Виктору приходилось каждый раз выступать в качестве ассистента приезжавших лекторов. По ходу лекции он менял в определенных местах диапозитивы, показывал плакаты.

На лекции всегда собиралось много народа. И не только молодежь интересовалась ими, приходило в те дни в Народный дом и немало пожилых крестьян.

Два раза в неделю собирались на репетиции. Драматический кружок готовил новую, только что выпущенную издательством мелодраму, под бойким названием “Красный орленок”. Герой этой пьесы рабочий парень-комсомолец влюбляется в дочь нэпмана-фабриканта. Девушка отвечает взаимностью, разделяет все его убеждения, готова оставить семью и следовать за ним хоть на край света, чтобы бороться вместе за новую и справедливую жизнь, переносить с ним вместе все лишения и невзгоды. Она решает бежать из дома. Отец-нэпман узнает тайну дочери и запирает ее. Комсомолец тайно проникает в дом нэпмана для того, чтобы освободить пленницу. И в тот момент, когда они оба уже готовы были бежать, на сцене появляется отец девушки. Происходит борьба, в разгаре которой нэпман из охотничьего ружья смертельно ранит рабочего парня.

Всем нравилась драматическая развязка пьесы. Когда впервые читали ее за столом, у присутствовавших на читке девушек навertyвались слезы. Единогласно решено было — пьесу ставить.

Роль Нины, героини пьесы, репетировала Фрося Рачкова, рабочего парня — Шура Иванов, фабриканта-нэпмана — Торопов. Второстепенные роли распределялись среди взглядовской и подольновской молодежи.

Настал репетиционный период. Репетиции следовали одна за другой. Условились играть без суфлера. Серафима Никанорова, бессменный режиссер и суфлер, сказала тогда ребятам, что хоть и будет во время спектакля, как и раньше, сидеть в суфлерской будке, то только для страховки новых артистов, на случай, если кто-нибудь из них растеряется на сцене и забудет слова. Те же, кто играет не первый раз, на ее помощь могут не рассчитывать. “Все учите роли на память, и на меня не надейтесь”, — заявила она.

Готовили к спектаклю специальные декорации — рамочный павильон, обтянутый мешковиной, поверх которой наклеивали обои. Старательно работали и над гримом.

Нину, дочь нэпмана, решено было сделать очень красивой. Виктор ладил себе парик из рыжих волос и баки.

О готовящемся спектакле по деревням пошел слух. Больше половины билетов было распродано еще до спектакля. В день же спектакля, когда началось массовое скопление публики, билетов не хватило. Чтобы никого не обидеть, стали срочно штамповать входные билеты, позволяющие стоять за скамьями.

В тот зимний вечер часто хлопали натянутые тугими пружинами входные двери Народного дома, впуская в помещение вместе с клубами холодного пара все новых и новых зрителей. Входили, отряхивали с меховых воротников и шапок налипший иней, и проходили в теплое, задымленное махорочным дымом фойе. На спектакль прибывали зрители не только из ближних деревень. Приезжали на лошадях и из очень дальних селений — Халезева и Пантелеек.

Как по заказу в те дни выдалась хорошая погода. На улице во все небо светил месяц. Стояли трескучие январские морозы.

Необычайно большое скопление зрителей налагало высокую ответственность на артистов, всем хотелось, чтобы спектакль прошел как можно лучше.

После третьего звонка, переждав, когда стихнет шум в зале, открыли занавес.

Первое действие проходило при полной тишине. “Это хороший признак, — думали артисты. — Если зрители не шумят, не разговаривают во время действия, не шелушат семечек, это

первый признак того, что они внимательно следят за действием, значит, им интересно слушать”.

Дружные аплодисменты после закрытия занавеса и положительные отзывы зрителей о спектакле во время антракта подняли настроение.

Второе действие прошло еще лучше. Все предопределяло полный успех. “Последнее действие, когда нэпман убивает героя, заканчивалось драматической развязкой, оно-то уже никак не может оставить зрителей равнодушными”, – думали артисты. И вот последний антракт.

Перед началом третьего действия, гордясь небывалым успехом, Виктор побежал со сцены за кулисы, в комнату, где отдыхали артисты.

– Молодцы драмкружковцы! – еще в дверях, не забегая в комнату, закричал он. – Все играет превосходно! Спектакль зрителям очень нравится!

Выпалив все это, Виктор заметил, что на его восторженные возгласы никто не реагирует. На лицах людей какая-то растерянность. В толпе комсомольцев, посреди комнаты дядя Миша. По всему видно, что пришел издалека, на рыжем воротнике его черного полушубка еще не стаял намерзший иней. Хотел, было, спросить, что случилось, но тот опередил.

– Ленин умер, – повторяя это, видимо, уже не первый раз, сказал он специально для Виктора. – Объявлен траур.

Известие было столь неожиданным и огромным, что не умещалось ни в голове, ни в сердце. Хотелось думать, что тут какая-то ошибка, что дело должно сейчас проясниться.

– Как узнали? – только и мог спросить Виктор.

– Михаил Борисович только сейчас из Горска, – объяснила Серафима Никаноровна. – Известие пришло туда по телеграфу.

– Я еще никуда не заходил. Сюда прямо из Горска. Надо бы объявить публике.

– Горе-то какое, – вздохнула Серафима Никаноровна. – Витя, пойди, скажи об этом всем.

В голове: “Как сказать?” Снял парик, содрал приклеенные коллодием баки, стер грим, дождался третьего звонка и вышел на авансцену. Публика рассаживалась по местам. Выждав, когда все стихнет, сказал:

– Граждане! Случилось непоправимое. Постигло нас страшное горе. – Дальше не мог говорить, почувствовал комок у горла,

стало трудно дышать. Взял себя в руки, продолжал. — Умер Ленин Владимир Ильич. Известие пришло в Горск из Москвы по телеграфу.

В ответ — гробовая тишина. Людей словно кто заморозил, ни слова, ни звука.

— В стране объявлен траур. Мы не будем доигрывать спектакль.

Зрители с минуту еще продолжали сидеть на скамьях, затем стали подниматься с мест и молча покидать зал.

Вернувшись за кулисы, Виктор застал всех на местах. Артисты разгримировались, но никто не хотел уходить. Расспрашивали дядю Мишу о том, как встретили известие о смерти Ленина в городе. Тот рассказывал об отъезжающих в Москву на Второй съезд Советов делегатах и наказах, которые давали отъезжающим.

— Забыл передать тебе, — вспомнил Михаил Борисович, увидев Виктора. — Встретил в городе Будилова, он сказал, чтобы ты обязательно пришел к нему.

“Опять что-нибудь насчет плакатов или брошюр”, — подумал Виктор и решил, что завтра он пойти в Горск не сможет, и послезавтра тоже.

Все эти дни Виктор был под впечатлением только что полученного известия. В голову его никогда не приходила мысль о том, что Ленин, как и всякий человек, может умереть, это было так же невозможно, как невозможно остановить время. Все прекрасное, что пришло после революции в жизнь, было связано с его именем. Теперь немыслимое случилось, как будем жить дальше БЕЗ НЕГО? Мысли эти не оставляли Виктора.

Помня о вызове Будилова, он через несколько дней пошел в город. Вид Горска был необычный. На общественных зданиях, в рамках, увитых черными лентами, висели портреты Ленина. У каждого дома траурные флаги. Улицы полупустые. Редкие прохожие выглядят какими-то придавленными.

Прямо с дороги прошел в Дом крестьянина. Заказал чай и купил только что доставленный сюда свежий номер Горской уездной газеты. Из передовицы узнал, что похороны Ленина состоятся сегодня на Красной площади в Москве, где сооружен временный мавзолей.

Напившись чаю, он вспомнил, зачем пришел в город, и направился к Будилову. Не прошел и половину пути до Уполитпросвета, как у пожарной каланчи завывали сирены. Вслед за ними сразу же закричали гудки кирпичного и кожевенного заводов и

загудели на станции паровозы. Все звуки слились. В небе повис непрерывный, раздирающий душу вопль, казалось, город кричал, как раненый зверь, от ужасно болезненной раны. Движение по улицам прекратилось. Застыли на тротуарах прохожие, вслушиваясь в висящие над городом звуки.

— Ленина усопшего погрёбают, — сняв шапку, сказал около Виктора какой-то старик.

— Гроб Ленина поставят в мавзолей. Там он будет стоять вечно.

— Все едино, — вздохнул старик.

Пять минут пели гудки прощальную песню над городом. Пять минут стояли на тротуарах люди с обнаженными головами, отдавая дань уважения тому, с кем прощались в те минуты на Красной площади. После, как стихли гудки, Виктор продолжал путь. Шел медленно, им овладела какая-то апатия, не хотелось ни на что смотреть. Будилова застал на месте.

— Слышал, как сирены выли? — спросил тот. — Не знаю, как ты, сынок, а я после этого известия несколько дней работать не мог, за что ни возьмусь, все из рук валится.

— И у меня тоже. Когда отца хоронил, не испытал такого, видно мал еще был, не понимал.

— Садись рядом, Виктор Васильевич, — впервые назвал Будилова Торопова по имени и отчеству. — Разговор до тебя сегодня дюже серьезный есть.

— Слушаю, — ответил Виктор, настораживаясь.

Будилова пытливо посмотрел в глаза.

— Забрать тебя из села Куклин Угол решили мы и назначить волполитпросветорганом. Сейчас расширяется фронт культурной работы. В каждой волости Главполитпросветом в штабах ВИКов введена должность политпросветорганом. Как к этому относишься?

— Обязанности у них какие?

— Будешь делать то же дело, что и сейчас, только масштабом побольше. В твоём ведении будут все библиотеки, избы-читальни, клубы, ликбез.

— Думаете, я справлюсь?

— Думаем, что справишься.

— Куда собираетесь послать.

— В Заковряжино.

— В какое Заковряжино? В то Заковряжино, где бандиты порубили шашками коммунистов и служащих исполкома?

— В то самое, Виктор Васильевич. Там и сейчас еще не все спокойно. В волости около двадцати разных религиозных сект. Как надо вести антирелигиозную пропаганду теперь знаешь, научился. Надеемся на тебя, потому и посылаем в трудную во-лость.

— Легкой работы я не ищу, но вопрос — справлюсь ли?

— Это наша забота.

— Народный дом кому передать?

— Передай кому-нибудь из комсомольцев, кто, на твой взгляд, больше подходит. Видел я у вас много гарных ребят.

— В Заковряжино, так в Заковряжино, — согласился Виктор. — В Заковряжино тоже кому-нибудь работать надо. Когда туда отправляться?

— Не задерживайся долго в селе. Как передашь Народный дом, так сразу же и являйся сюда за направлением.

В тот же день Виктор был дома. Рассказал сестре о своем переводе.

— А я как же останусь без тебя? — спросила та. — Помогать мне по хозяйству теперь кто будет?

— Этого мы в Уполитпросвете с Будиловым не обсуждали. Думаю так: если ты прилипла к селу, то найди хорошего парня и выходи за него замуж. Хочешь кого-нибудь посватаю?

— Без тебя обойдется. Уезжай в свое Заковряжино.

Передав Народный дом Егору Рачкову и уложив в баул две пары белья, полотенце, кожаные сапоги и выходные брюки, Виктор через пять дней, с фанерным баулом в руках, покинул село Куклин Угол. Выйдя на запорошенные снегом взглядовские поля, повернулся назад, посмотрел еще раз на приземистые домики села, белую церковь, на низкое каменное здание Народного дома с развивающимся на шесте красным флагом, с которыми были связаны детство, юность и так много воспоминаний, подумал: “Придется ли еще когда вернуться мне в эти края, придется ли?” Зашемило сердце, жалко стало оставлять прошлое, но жизнь звала вперед. Страхнул с себя воспоминания и зашагал к городу.

Дорогой думал о том, что ждет впереди. А впереди любимая работа, впереди борьба, успехи и неудачи, впереди еще целая жизнь.

КОНЕЦ

ПРИЛОЖЕНИЯ

О тороповском крае

В 15 км от города Данилова Ярославской области расположено старинное село Торопово, бывшая дворянская усадьба. Большой барский дом усадьбы находился на высоком берегу речки Малая Вожа среди роскошного парка с липовыми аллеями, кедровыми посадками и изумительными цветниками. По другую сторону речки стояла богатейшая по архитектуре и внутреннему убранству церковь, построенная в XVIII веке.

А в трех километрах от Торопова на Никольской возвышенности находилась еще одна удивительно красивая усадьба Никольское-Наляново. Двухэтажный каменный дом, пятиглавая церковь, грандиозный лесопарк с уникальным искусственным водоемом, “Озерком”, и широкая въездная аллея в усадьбу – все это составляло единый архитектурный ансамбль, гармонично вписывавшийся в окружающую природу.

Тороповский край издавна считался одним из красивейших уголков Центральной России. В его удивительном ландшафте сочетаются широкие долины и необъятные лесные дали, многочисленные возвышенности, извилистые речки и небольшие уютные деревеньки, богатейший растительный и животный мир. На летний отдых сюда часто приезжали многие именитые гости. Здесь писал свои картины известный художник-пейзажист И. И. Шишкин.

Последним владельцем тороповского имения был Дмитрий Егорович Тимрот. Он был незаурядной личностью: окончил правовой факультет Харьковского университета, после университета служил в Фанагорийском полку в Ярославле, вышел в отставку в звании прапорщика, был земским начальником Любимского уезда, губернским секретарем Даниловского уезда, председателем Даниловской земской управы, председателем Ярославской губернской земской управы. Награжден орденом св. Анны 3-ей степени. Титулярный советник. После революции – народный судья Даниловского бюро юстиции. Последнее место работы – бухгалтер на сыроваренном заводе в с. Торопово. Жена – Наталья Михайловна Тимрот, урожденная Смирнова, окончила Ионофановское духовное женское училище в Ярославле. Дмитрий Егорович и Наталья Михайловна вырастили и воспитали трех сыновей и дочь.

Основными направлениями в сельском хозяйстве края были молочное и племенное животноводство крупного рогатого скота. Тороповское сливочное масло местного маслодельного завода пользовалось популярностью даже за границей. Значительное развитие получили овчинно-шубный и катальный промыслы, а также изготовление предметов народного быта из древесины. Для собственных нужд в Торопове было организовано производство кирпича. При поддержке земства большое развитие получила кооперация, которая занималась обучением передовым методам ведения крестьянского хозяйства, оказывала помощь в приобретении сельско-хозяйственной техники, реализации продукции, занималась подготовкой кадров.

По свидетельству современников, в дореволюционный период деревни Тороповского края (да и соседних волостей) поддерживали связь с Санкт-Петербургом (Петроградом). Почти в каждой семье был кто-нибудь из так называемых “питерщиков”, т.е. уезжавших в Питер на заработки. Заработанные деньги вкладывались в хозяйство, на них строили дома, покупали инвентарь и домашний скот. Жили большими семьями, связанными между собой родственными отношениями. Как правило, в деревнях было всего 5-6 фамилий, например: во Взглядове были Смирновы, Чистяковы, Рачковы, Крыловы, Ивановы.

Крестьянин был более образован, чем городской обыватель, потому что он должен был много знать и уметь. Не случайно в крестьянской среде вырастали талантливые изобретатели-самоучки. Такие, как Михаил Яковлевич Копейкин, Дмитрий Голубков и другие.

Сельская молодежь не ограничивалась учебой в земской школе, а продолжала учиться в городских школах II ступени, на различных курсах, создававшихся кооперацией. Появлялись общественно активные люди, организаторы, руководители, такие как Тумановы Петр Алексеевич и Иван Петрович, Федор Иванович Иванов и другие. Эти крестьяне вместе с сельской интеллигенцией и образовали тороповский культурный центр, который прямо вошел в новую послереволюционную жизнь. Такие культурные центры появились по всей России.

Таким образом Торопово еще в предреволюционные годы становится культурным центром, что было обусловлено наличием культурного слоя местной интеллигенции и передовых крестьян из окружающих деревень, активной деятельностью Народного дома, кооперации и, прежде всего, работой земской школы. Ее учителя Нина Николаевна Гудкова и Александра Васильевна Гавеман были бесконечно преданы трудному, но благородному делу – обучению и воспитанию детей. Школа для них была и местом работы и домом.

Они не имели своей семьи и может потому всю свою душевную энергию отдавали ученикам.

Влияние школы благотворно сказалось на дальнейших судьбах ее выпускников. Из этой среды вышло много военных, работников просвещения, культуры, руководителей Народного хозяйства. Например, участник художественной самодеятельности Иван Пушкин из деревни Гулаково начал карьеру с председателя сельсовета и закончил работником аппарата ЦК ВКП(б).

С началом коллективизации в работе Народного дома стало преобладать культурно-массовое направление: постановка спектаклей, организация лекций, концертов и танцевальных вечеров. Богатый опыт культурно-массовой работы в Народном доме использовался и преумножался в последующие годы. В 1946 году заведующей тороповским клубом (так в эти годы стал называться Народный дом) стала Ольга Федоровна Ширшова, энергичный и инициативный работник, любящий свое дело. Она сумела создать работоспособный клубный актив из механизаторов, колхозных служащих, сельской интеллигенции. Большую помощь ей оказывали старейшие активисты культурно-просветительной работы Гудкова Н. Н. и Гавеман А. В.

Клуб поддерживал тесную связь со школой, сельским советом, правлением колхоза. Большая работа проводилась по обобщению и пропаганде передового опыта колхозников и механизаторов. Выпускались стенгазеты, боевые листки, организовывались встречи с передовиками колхозного производства. С лекциями выступали директор школы Рожкова Г. А., медработник Баринов А. В., зоотехник Иванов Н. Ф., председатель сельсовета Карев Д. П. При клубе работала постоянная агитбригада, которая регулярно выступала в соседних колхозах.

Ольга Федоровна широко привлекала к участию в клубных мероприятиях и городских жителей, приезжавших летом на отдых в Торопово. Так в спектаклях клуба принимал участие писатель Тимрот А. Д., с лекциями выступал полковник медицинской службы Соколов М. К.

При клубе работали драматический, хоровой, танцевальный и музыкальный кружки. Старейшим из них являлся драматический. За время его существования было поставлено около сотни различных спектаклей: это пьесы Островского, Гоголя, Чехова, а также современных драматургов. Свыше тридцати лет занималась в художественной самодеятельности счетовод Наталья Васильевна Копейкина. С одиннадцати лет в художественной самодеятельности бригадир тракторной бригады Павел Васильевич Копейкин. Много сыгранных ролей и у электрика Голубкова Игоря Дмитриевича. Тороповский драматический коллектив пользовался

большим успехом у зрителей и часто выезжал со спектаклями в Горинский, Вахтинский, Рыжиковский и другие сельсоветы.

Совместно со школой в клубе были созданы кружки детской художественной самодеятельности, в 1950 году был организован детский кукольный театр. Большую помощь в изготовлении кукол и декораций оказал бывший активист клуба, студент МВТУ им. Баумана Владилен Соколов. Художественным руководителем этого театра стала А. В. Гавеман. В летнее время коллектив кукольного театра выезжал со спектаклями в колхозные бригады.

Тороповский край имеет богатую историю, духовные и культурные традиции. Здесь жили и трудились интересные, талантливые и увлеченные люди, патриоты своей земли, вложившие много сил в то, чтобы жизнь своих земляков была лучше, богаче, счастливее. В большинстве это скромные люди, не любившие говорить о своих заслугах, а просто честно выполнявшие свой долг. И добрая память о них должна сохраниться не только у родственников и современников, но и остаться у потомков. Безусловно в списке таких людей достойное место займут Петр Алексеевич и Иван Петрович Тумановы, Михаил Яковлевич Копейкин, Федор Иванович Иванов, Дмитрий Голубков, Нина Николаевна Гудкова, Александра Васильевна Гавеман, Ольга Федоровна Ширшова и многие другие.

Об авторе

Соколов Сергей Клавдиевич родился в 1905 году в селе Торопово Даниловского уезда Ярославской губернии. После окончания школы II ступени работал избачем, а затем волполитпросветорганизатором и участковым инспектором политпросветработы. С 1930 года – инструктор Центрального Дома самодеятельного искусства. С начала Великой Отечественной войны и до конца 1953 года – на партийно-политической работе в Советской армии. В 1955-1958 годах – директор Новосибирского театра “Красный факел”, затем, до выхода на пенсию в 1965 году – старший редактор областной студии телевидения. В 1976 году Сергей Клавдиевич закончил работу над повестью “Куклин Угол” о жизни тороповской молодежи в первые годы Советской власти. Умер в 1989 году в Новосибирске.

После отъезда из Торопова в 1924 году, Сергею Клавдиевичу удалось снова побывать в родных краях лишь однажды, спустя 25 лет. Здесь он встретился с друзьями юности, родными и близкими, активистами культурно-просветительной работы тороповского клуба. Прежде всего – это учительница Нина Николаевна Гудкова. Именно она, по свидетельству Сергея Клавдиевича, стала прообразом одного из главных персонажей повести “Куклин Угол”, Серафимы Никаноровны. Она была человеком высокой культуры, исключительной порядочности, строгость в ней сочеталась с добротой, а медлительность – с энергичностью. Нина Николаевна была большим патриотом тороповского края и активной общественницей. Из-за социального происхождения, при Советской власти ей не досталось почетных званий, но она была истинно народным учителем и пользовалась огромным уважением и любовью всех, кто ее знал.

Все годы жизни в Новосибирске Сергей Клавдиевич очень скучал по Торопову, постоянно интересовался тороповскими новостями, скорбел об ушедших из жизни друзьях своей юности, огорчался, что утрачивается былая красота тороповского края, переписывался с учениками школы, друзьями, родней. Приведем несколько цитат из его писем.

«Я оставил Торопово в ноябре 1924 года. Тогда оно было совсем другим: церковь, семь жилых домов, Народный дом, а за рекой –

деревянная школа, маслодельный заводик, лавка потребительской кооперации да бывшая усадьба Тимротов. Поселок был маленьким, но не в том дело. Здесь таилась какая-то неопознанная сила культурного действия. Начну хотя бы с того, что еще до революции проводились здесь курсы по подготовке из крестьян общественно кооперативных людей. Крестьяне окружных деревень изо дня в день посещали в течение двух месяцев эти курсы. Здесь была открыта потребительская кооперация, сельскохозяйственная кооперация и кредитное товарищество, финансирующее приобретение крестьянами сельскохозяйственных машин. Еще до революции была открыта кооперативная лавка и маслодельный завод. И делалось все это на трудовые крестьянские гроши. А тороповское сливочное масло покупали в Париже. Я не шучу. У Тимротов была близкая родственница, окончившая консерваторию и часто ездившая в заграничные гастроли. Я помню, как эта певица, вернувшись из заграничной поездки, рассказывала о том, что она купила Тороповское масло в Париже и очень этому удивилась. А масло действительно было очень хорошее. Я сейчас еще ощущаю его вкус. Масло формовалось плитками по фунту в брикете. На брикете путем давления образовано слово "ТОРОПОВО". По цвету масло было желтоватое, по вкусу напоминало топленое молоко. Весь тороповский район, куда входило до полутора десятков деревень, специализировался на животноводстве. Выводилась ярославская порода скота. На каждую корову велись племенные книги. Раз в год за рекой устраивались выводки скота. И порушилось все это, видимо, с началом коллективизации в тридцатые годы.»

(Из письма В. А. Соколову, 11/01/1989)

«Я вступил в комсомол в Торопове в 1923 году. Много мы тогда делали полезного в Народном доме: проводили лекции, беседы, диспуты. Одними из первых в уезде установили детекторный приемник и слушали Москву, а радиоприем был тогда редкостью: на весь Данилов было в то время только две антенны - первая в ГПУ, а вторая у Железнодорожного клуба. Регулярно два раза в месяц выпускали две стенные газеты "НАШ ПУТЬ" и "БЕЗБОЖНИК". Хотя все мы комсомольцы и были безбожниками, но к церкви относились уважительно. И в мою бытность в Торопове церковь не закрывали, даже мысли о том не допускали...»

(Из письма В. А. Соколову, 11/01/1989)

«Сколько ума было проявлено, сколько сил было затрачено в прошлом веке нашими предшественниками, чтобы украсить этот край, поднять духовную жизнь людей этой местности! Маленькая, белым

корабликом сельская церковь, вокруг нее белокаменная ограда - место погребения и памяти усопших, белокаменная церковно-приходская школа, которая при нашей жизни, после того как построили новую, использовалась как Народный дом. А недалеко, почти рядом, Никольское, там великолепный парк, церковь и искусственное озеро. Это все для души, все дело рук человеческих, для людей же, для их души. А окружающие Торопово и Никольское хвойные леса и березовые рощи! Многие из них искусственно выращены! Были в то время и великолепные яблоневые сады, которых, наверное, теперь нет и в помине... Культурное влияние Торопова вышло далеко за пределы этого поселка. Многие тороповцы в различных областях культуры сделали немало...»

(Из письма В. А. Соколову, 12/04/1989)

Свою повесть “Куклин Угол” Сергей Клавдиевич пытался опубликовать в журнале “Современник”, но там ему предложили переделать ее и печатать отдельными рассказами, на что он не согласился.

К счастью, повесть оказалась востребованной в настоящее время на родине автора. Ее издание является данью памяти и уважения жителей тороповского края к своему земляку за его великую любовь к этой земле.

Оглавление

Куклин Угол (С. К. Соколов)

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	15
Глава пятая	22
Глава шестая	30
Глава седьмая	38
Глава восьмая	42
Глава девятая	47
Глава десятая	49
Глава одиннадцатая	54
Глава двенадцатая	62
Глава тринадцатая	67
Глава четырнадцатая	73
Глава пятнадцатая	81
Глава шестнадцатая	89
Глава семнадцатая	92
Глава восемнадцатая	103
Глава девятнадцатая	107
Глава двадцатая	114
Глава двадцать первая	122
Глава двадцать вторая	129
Глава двадцать третья	135
Глава двадцать четвертая	148
Глава двадцать пятая	158
Глава двадцать шестая	167
Глава двадцать седьмая	175
Глава двадцать восьмая	182
Глава двадцать девятая	189
Глава тридцатая	206
Глава тридцать первая	212
Глава тридцать вторая	221
Глава тридцать третья	228
Глава тридцать четвертая	235
Глава тридцать пятая	243
Глава тридцать шестая	254
Глава тридцать седьмая	265
Глава тридцать восьмая	269

Приложения (В. А. Соколов)

О тороповском крае	277
Об авторе	281
Комментарии к фотографиям	284

Литературно-художественное издание
Сергей Клавдиевич Соколов
Куклин Угол
(беллетристическое свидетельство современника)

Технический редактор А. В. Соколов
Художественный редактор О. А. Соколова
Корректор Н. И. Иванова
E-mail: sokolov@yareoslavl.com

Подписано в печать 14.09.2004
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Гарнитура “Литературная”.
Усл. печ. л. 16,17.
Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО “Аверс Пресс”
150003, г. Ярославль, ул. Советская, 78
Тел. (0859) 976 922